

<https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2>

ISSN 2587-9286 (Print)

ISSN 2619-1636 (Online)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2021. ТОМ 6, № 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-69646
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 2 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2021, VOL. 6, NO. 2

ACADEMIC JOURNAL

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution «Shigabutdin Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences»
(420111, Kazan, Baturin St., 7A)

Certificate of registration in the Mass Media ПИ № ФС 77-69646
received from Roskomnadzor on May 2, 2017

Published twice annually

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Kazan, Baturin St., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

<https://historicaletnology.org>
E-mail: historical.ethnology@gmail.com

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2021

© «Историческая этнология», 2021

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Ответственный редактор по специальной теме номера: Ханипова Ильнара Ильдусовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Редактор татарских текстов: Давлетшина Лилия Шамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Давлетшина Лилия Шамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бари Донна (Университет штата Пенсильвания, Юниверсити-Парк, США)

Габдрафикова Лилия Рамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Гибатдинов Марат Мингалиевич (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович (Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация)

Данилко Елена Сергеевна (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация)

Екеев Николай Васильевич (Научно-исследовательский институт алтайстики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна (Университет Объединенных Арабских Эмиратов, Аль-Айне, ОАЭ)

Иноуа Атсуши (Университет Вандербильта, Нашвилл, Теннеси, США)

Хотопп-Рике Миесте (Институт Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT), Магдебург, Германия)

Низамова Лилия Равильевна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ногманов Айдар Ильсирович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович (Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Российская Федерация)

Титмайер Элизабет (Музей Европейских Культур, Берлин, Германия)

Шайдуллин Рафаэль Валеевич (Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Ягафова Екатерина Андреевна (Самарский государственный педагогический университет, Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara Gabdrakhmanova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Managing Editor for Special topic of the issue: Ilnara Khanipova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Tatar Editor: Lilia Davletshina (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Lilia Davletshina (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

Donna Bahry (Pennsylvania State University, University Park, USA)

Liliya Gabdrafikova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Marat Gibatdinov (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Andrey Golovnev (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Boris Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation)

Elena Danilko (N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Nikolay Ekeev (S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altaisk, Russian Federation)

Aygul Zabirova (United Arab Emirates University, Al-Ain, United Arab Emirates)

Atsushi Inoue (Vanderbilt University, Nashville, Tennessee, USA)

Mieste Hotopp-Riecke (Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT), Magdeburg, Germany)

Liliya Nizamova (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Aydar Nogmanov (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Radik Salikhov (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

El'dar Seydametov (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation)

Elisabeth Tietmeyer (Museum of European Cultures, Berlin, Germany)

Rafael Shaidullin (Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Ekaterina Yagafova (Samara State Pedagogical University, Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

Специальная тема номера: Языковая ситуация и языковой ландшафт

национальных регионов в XX – начале XXI вв. (отв. ред. И.И. Ханирова)

<i>Ханирова И.И.</i> Введение	190
<i>Мустафаева Н.А.</i> Русский язык в школах советского Узбекистана (30–80-е гг. ХХ века)	194
<i>Бушиева Л.А.</i> Преподавание татарского языка в вузах Казани в 1920-е гг.: от древнетюркской письменности к Дальтон-плану	208
<i>Галимзянова А.Т.</i> Сектор языка Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории: научная деятельность в период сталинизма	221
<i>Ханирова И.И.</i> Создание кафедры татарского языка и литературы в Казанском государственном университете и ее деятельность с середины 1940-х – 1950-е гг. (по материалам Государственного архива Республики Татарстан)	231
<i>Магерамова Ю.Ю.</i> Лингвистическая ситуация на Крайнем Северо-Востоке России на рубеже ХХ–XXI веков	243

Этнография тюркского мира

<i>Сураганова З.К., Сарсембина К.К.</i> Кумысные праздники, ритуалы и церемонии в контексте помнящей культуры Великой степи	257
<i>Квиликова Е.Н.</i> Курбан в контексте гагаузской православной идентичности: история и современность	271

Микроистория и культура повседневности

<i>Салахова Э.К.</i> Тәтеш яғы татарларында миграцион қуренешләр: юнәлешләре, сәбәпләре һәм нәтижәләре (XVI гасырның икенче яртысы – XX гасыр башы)	290
<i>Зиннатуллина А.А.</i> Фатыйма-Фәриәдә Нәүрузова истәлегенә ачылачак мәктәпкә нигез салу мәрасиме	302

Научный мир

<i>Ахметова М.А.</i> «Наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было» (о судьбах ученых в голодные 1920-е гг.)	312
<i>Муртазина Л.Р.</i> Альберт Фатхи (1937–1992) – ученый, знаток татарской рукописной книги	326
<i>Суслова С.В.</i> Традиционная хозяйственная культура татар в трудах Н.А. Халикова (памяти ученого и коллеги)	335

НОВЫЕ КНИГИ

<i>Габдрахикова Л.Р.</i> Рецензия на монографию: Матиев Т.Х. Горское национальное движение в революциях и Гражданской войне на Северном Кавказе (1917–1921) (Назрань, 2020)	355
---	-----

CONTENTS

PUBLICATIONS

Special topic of the issue: The linguistic situation and the linguistic landscape of national regions in the 20th – early 21st centuries (Managing editor I.I. Khanipova)

<i>Khanipova I.I.</i> Introduction	190
<i>Mustafaeva N.A.</i> Russian Language in Schools of Soviet Uzbekistan (the 30s–80s of the 20th century)	194
<i>Bushueva L.A.</i> Teaching the Tatar language in Kazan institutes of higher education in the 1920s: from Old Turkic written language to the Dalton plan	208
<i>Galimzyanova A.T.</i> The Department of Language Studies of the Research Institute of Linguistics, Literature and History: its scholarly endeavor in the period of Stalinism	221
<i>Khanipova I.I.</i> Creation of Tatar language and literature department at Kazan State University and its activities in the middle of 1940s – 1950s (based on the materials from the State Archives of the Republic of Tatarstan)	231
<i>Mageramova Yu.Yu.</i> Language Situation in the Far North-East of Russia at the Border of the 20 th –21 st centuries	243

Ethnography of the Turkish world

<i>Suraganova Z.K., Sarsembina K.K.</i> Kumis Holidays, Rituals and Ceremonies in the Context of the Culture of Memories of the Great Steppe	257
<i>Kvilinkova E.N.</i> Kurban in the Context of the Gagauz Orthodox Identity: History and Modernity	271

Microhistory and culture of everyday

<i>Salakhova E.K.</i> Migration processes among Tatars of the Tetyushsky krai: directions, causes and results (the second half of the 16 th – early 20 th centuries)	290
<i>Zinnatullina A.A.</i> School Foundation Ceremony in Memory of Fatima-Farida Nauruzova	302

Scientific world

<i>Akhmetova M.A.</i> “Science Transforming the World is Created by Geniuses in Need of Protection and Assistance More than Anyone.” (On the Fate of Scientists in the Famine of 1920s)	312
<i>Murtazina L.R.</i> Albert Fatkhi (1937–1992) – Scientist, Expert in Tatar Manuscripts	326
<i>Suslova S.V.</i> The traditional economic culture of the Tatars in N.A. Khalikov’s works (in memory of the scholar and colleague)	335

NEW BOOKS

<i>Gabdrashikova L.R.</i> Review of the monograph: Matiev T.Kh. The Mountain National Movement in Revolutions and the Civil War in the North Caucasus (1917–1921) (Nazran, 2020)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА: ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

*Посвящается 100-летию принятия
Декрета о языках в Татарской АССР
и Году родных языков и народного единства
в Республике Татарстан*

ВВЕДЕНИЕ

И.И. Ханипова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ihanipova@mail.ru*

Тематическая подборка «Языковая ситуация и языковой ландшафт национальных регионов в XX – начале XXI вв.» приурочена к 100-летию принятия декрета о языках в Татарской АССР и Году родных языков и народного единства в Республике Татарстан. На состоявшейся в Казани 29 июня 2021 г. Международной научной конференции представители различных регионов страны, а также Финляндии, Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана обсудили сложные вопросы формирования и реализации языковой политики в национальных регионах СССР и Российской Федерации, рассмотрели проблемы становления и развития государственных институтов (институций) в области языкознания, преподавания русского и национальных языков на территории СНГ, выявили роль средств массовой информации в реализации политических решений по развитию нерусских языков и национальных культур. В рубрику вошли некоторые статьи участников одноименной конференции.

Ключевые слова: языковая политика, языковая ситуация, регионы, Татарская АССР, Республика Татарстан

29 июня 2021 г. в Казани состоялась Международная научная конференция «Языковая ситуация и языковой ландшафт национальных регионов в XX – начале XXI вв.». География участников охватила регионы России (Татарстан, Хакасия, Бурятия, Башкортостан, Дагестан, Якутия), а также Финляндию, Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан.

Обращение ученых (историков, социологов, филологов), педагогов, представителей общественности к данной проблеме в Год родных языков и народного единства в Республике Татарстан не случайно. Сто лет назад 25 июня 1921 г. был издан Первый декрет ЦИК и СНК Татарской АССР о признании татарского языка государственным языком республики. Определявший главной целью полное равноправие татарского и русского языков в делопроизводстве учреждений и предприятий, декрет был направлен на выполнение практических задач, в т.ч. на привлечение работников-татар в государственный аппарат, усиленный прием татар в учебные заведения, подготовку новых работников образования, культуры и т.д. Политика коренизации привела к количественному и качественному росту национальных кадров. О расширении сферы распространения татарского языка свидетельствовал тот факт, что к 1940 г. обучение на родном языке с 1 по 10 класс включительно существовало только в ТАССР. Вместе с тем, тенденции унификации, проведение языковой реформы привело к тому, что в 1950-е годы татарский язык стал практически уходить из социального обращения, утрачивая позиции в городском пространстве и производственной сфере. Постановление майского 1958 г. пленума Татарского обкома КПСС, основанное на анализе языковой ситуации в республике, продекларировало необходимость преобразований в сфере преподавания татарского языка, наметив дальнейшие шаги в реализации языковой политики и национального образования. Однако лишь в 1990-е гг. с поддержкой паритетного функционирования татарского и русского языков как государственных языков Республики Татарстан, началось возрождение татарского языка, удовлетворение этнокультурных потребностей татарского народа.

В ходе работы конференции «Языковая ситуация и языковой ландшафт национальных регионов в XX – начале XXI вв.» ученые смогли обсудить вопросы формирования и реализации языковой политики, языковые процессы в национальных регионах СССР, особенности языковой ситуации в постсоветский период; рассмотреть становление и развитие государственных институтов (институций) в области языкоznания; проанализировать проблемы преподавания русского и национальных языков и их влияние на состояние национальных культур в СССР и на пространстве бывших союзных республик.

В предложенную читателю рубрику включены некоторые статьи участников конференции. Рассматривая расширение сферы применения русского языка в Узбекистане, усиление внимания к изучению русского языка, а также особенности преподавания русского языка в школах советского Узбекистана в 1930–1980-е гг., Н.А. Мустафаева приходит к выводу, что введение обязательного преподавания русского языка повлияло на формы культурной идентичности коренного населения. Организацию национальных отделений языка и культуры в Восточном педагогическом институте и характеристику их деятельности в 1920-е гг. представила Л.А. Бушуева. Деятельность сектора языка Научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) в период ужесточения идеологического конт-

роля, влияние Постановления 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения масово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» на работу казанских языковедов показывает в своей статье А.Т. Галимзянова. Условия становления и деятельности кафедры/отделения татарского языка и литературы Казанского университета в сер. 1940-х – 1950-х гг. анализирует на основе архивных материалах И.И. Ханипова. Причины формирования особой лингвистической ситуации, сложившейся в конце XX – первой трети XXI века на территории Крайнего Северо-Востока России, объединяющего несколько субъектов/частей субъектов Российской Федерации (территории Магаданской области, Чукотского автономного округа, Камчатского края, северо-восточной части республики Саха (Якутия), север Хабаровского края), актуальные задачи для ученых и общественности, интересующихся данной проблемой, выявляет Ю.Ю. Магерамова.

Редакторы рубрики надеются, что презентация новых исследований предоставит читателю актуализированную информацию по проблемам языковой политики в прошлом и настоящем.

Сведения об авторе: Ханипова Ильнара Ильдусовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и.о. заведующей отделом новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ihanipova@mail.ru

Поступила 5.11.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

SPECIAL TOPIC OF THE ISSUE:
**THE LINGUISTIC SITUATION AND THE LINGUISTIC LANDSCAPE
OF NATIONAL REGIONS IN THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES**

*Dedicated to the 100th anniversary of the adoption
of languages decree in Tatar ASSR*

*and the Year of Native Languages and
National Unity in the Republic of Tatarstan*

INTRODUCTION

I.I. Khanipova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ihanipova@mail.ru*

The thematic selection “The Linguistic Situation and the Linguistic Landscape of National Regions in the 20th – early 21st centuries” is dedicated to the 100th anniversary of the adoption of the decree on languages in the Tatar ASSR and the Year of Native

Languages and National Unity in the Republic of Tatarstan. An international academic conference, which was held in Kazan on June 29, 2021, brought together scientists from various regions of the country, as well as from Finland, Azerbaijan, Uzbekistan, and Tajikistan. The conference discussed complex issues of the formation and implementation of language policy in the national regions of the USSR both in the Soviet and post-Soviet periods, considered the problems of the formation and development of state institutions in the field of linguistics, teaching Russian and national languages in the CIS, identified the role of mass media in the implementation of political decisions on the development of non-Russian languages and national cultures. The heading includes selected papers by participants of the similarly-named conference.

Keywords: language policy, language situation, regions, Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, Republic of Tatarstan

About the author: Ilnara I. Khanipova, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow, Acting Head of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ihanipova@mail.ru

Received November 5, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

УДК 372.881.161.1(575.1)

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛАХ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА (30–80-Е ГГ. XX ВЕКА)

Н.А. Мустафаева

Академия наук Республики Узбекистан

Ташкент, Республика Узбекистан

nodiramus69@mail.ru

Массовое внедрение советскими властями изучение русского языка в школах Узбекистана повлекло существенные изменения в социальном и культурном ландшафте республики. Большевистское государство, которое впервые в истории осуществляло массовый эксперимент по созданию «нового общества» и «нового человека», рассматривало язык как объект специальных манипуляций, направленных на достижение определённых, далеко не лингвистических целей.

Сфера применения русского языка в советском Узбекистане постоянно расширялась. Рассматриваемый период отмечен и изменением словарного фонда. Стала проявляться тенденция дополнения национальной лексики словами советско-интернационального происхождения, а слова и выражения, имевшиеся в потенциале национальных языков и употреблявшиеся некогда представителями интеллигенции прежнего поколения, стали постепенно выходить из употребления. Ситуация стала усугубляться за счёт многоязычия, возникшего в разные годы из-за эвакуации, миграций населения в Узбекистан. Количество многоязычных носителей увеличивалось в результате приобщения местного населения к индустриальным формам производства и включения в соответствующую социальную и культурную среду. Масштабный проект социальной и культурной инженерии, предпринятый советским государством в обеспечении обязательного преподавания русского языка, привел к значительным изменениям социальных и культурных контуров общества Узбекистана, а также оказал влияние на формы культурной идентичности коренного населения.

Ключевые слова: Узбекистан, русский язык, средние школы, национально-языковая политика, учебный план, родной язык, реформа письменности

Для цитирования: Мустафаева Н.А. Русский язык в школах советского Узбекистана (30–80-е гг. XX века) // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 194–207. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.194-207>

С установлением власти большевиков после Октябрьской революции 1917 г. языковая политика стала неотъемлемой частью национальной политики советского государства. Советские граждане стали обязаны обучаться грамоте, а в первые годы они имели право выбора языка обучения. Поддержку получили национальные школы. Однако, с конца 1920-х и до

*Мустафаева Н.А. Русский язык в школах советского Узбекистана
(30–80-е гг. XX века)*

начала 1930-х гг. советскими органами начинает активно реализовываться политика «сближения народов СССР». В соответствии с официальной доктриной в качестве основы такого «сближения» рассматривался русский язык и культура. Большевистское государство, которое впервые в истории осуществляло массовый эксперимент по созданию «нового общества» и «нового человека» (*homo soveticus*), рассматривало язык как объект специальных манипуляций, направленных на достижение определённых, далеко не лингвистических целей. Западные ученые, анализировавшие влияние советской официальной политики на национальные культуры, в том числе на лингвистическую ситуацию в Центральной Азии, считают, что русский язык стал основой советской идентичности (Pool 1978; Silver 1978: 250–306; Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages 1985; Crips 1989: 23–45; Kreindler 1989: 46–63).

Переход узбекской письменности на кириллицу в 1940 г. ускорил указанный процесс. Вся литература, изданная на узбекском языке в 1920–1930-е гг. на латинской основе, оказалась невостребованной. Предпосылкой для введения кириллицы и изменения статуса русского языка в СССР стало Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 13 марта 1938 г. № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Если в первые годы советской власти национальные языки в СССР переживали подъем, а попытки выделить русский язык в качестве главного языка получали отпор и воспринимались как «проявление великорусского шовинизма», то со временем ситуация стала меняться. Существовавшие в 1920–1930-х гг. темпы распространения русского языка среди нерусского населения страны не удовлетворяли потребностям централизованного государства. Его распространению в качестве языка межнационального общения объективно способствовали культурно-просветительские, экономические и социально-политические преобразования в стране.

В 1938 г. в Узбекистане функционировали школы на 18 языках – армянском, болгарском, еврейском (Ср.Аз.), иранском, кабардинском, казахском, кара-чайском, киргизском, корейском, немецком, русском, осетинском, таджикском, татарском, туркменском, узбекском, уйгурском, чеченском (НА РУз Р-94. Д. 2796: Л. 22). Кроме школ с одним языком обучения работали школы с двумя, тремя и четырьмя языками обучения. Их было 14,3% от общего количества школ в республике.

После принятия указанного Постановления Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) в Узбекистане, как и в других республиках, были приняты конкретные шаги по его претворению. Совет народных комиссаров УзССР и ЦК КП(б) УзССР утвердили Постановление «Об изучение русского языка в узбекских и других нерусских школах УзССР» (НА РУз Р-837. Д. 765: Л. 111–118). В нем был определен комплекс мероприятий, направленных на изучение и улучшение методики преподавания русского языка, обеспечение школ преподавателями русско-

го языка, наглядными пособиями и т. д. На Наркомпрос республики была возложена задача организации в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Фергане, Андижане, Хорезме курсов для подготовки 2000 учителей русского языка из состава преподавателей других предметов: необходимо было отобрать 800 студентов, заканчивающих обучение в педучилище, и организовать для них краткосрочные курсы для обучения методике преподавания русского языка. Все органы государственного управления должны были оказывать всю необходимую помощь (НА РУз Р-837. Д. 765: Л. 117). В Каракалпакстане, вошедшем в состав Узбекистана как автономная республика в конце 1936 г.¹, согласно Постановлению СНК ККАССР от 15 апреля 1938 г. было введено обязательное изучение русского языка в каракалпакских, казахских и узбекских школах (Хакимниязов 2002). В отчетном докладе к VIII съезду КП(б) УзССР (1938 г.) была поставлена задача «изучать русский язык – язык большевизма, средство общения с другими народами и усовершенствования национальных кадров в области научных и технических знаний» (Отчетный доклад 1938: 67).

Одной из мер реализации Постановления «Об обязательном изучении русского языка...» стало увеличение часов, выделяемых для преподавания русского языка в школах Наркомпроса УзССР. В школу спускались программы по изучению русского языка для всех классов, без учета уровня его освоения учащимися, особенно в старших классах. С началом 1938–1939 учебного года школы стали снабжаться и учебниками по русскому языку.

Немедленно была организована подготовка учителей русского языка на краткосрочных курсах в количестве, обеспечивающем школы преподавателями русского языка, а также, в период летних каникул, массовая переподготовка наличного состава учителей русского языка и обучение русскому языку местных национальных учительских кадров. Наркомпрос РСФСР должен был выделять в помощь союзным и автономным республикам и областям для проведения курсов по переподготовке кадров учителей по русскому языку в летнее время 150–200 человек квалифицированных методистов – преподавателей русского языка. С 1938 г. Наркомпросу РСФСР было поручено отправлять учителей русского языка на постоянную работу в старшие классы неполных средних и средних школ Киргизской, Узбекской, Таджикской, Казахской, Туркменской ССР и автономных республик и областей РСФСР. В школы Наркомпросом УзССР направлялись рекомендательные списки слов, терминов и тем, которые должны были освоить учащиеся. Начиная с 1938 г. почти ежегодно при Институте усовершенствования учителей и в некоторых педагогических учебных заведениях проводились краткосрочные курсы по подготовке и переподго-

¹ Образована в 1925 году как автономная республика в составе Казахской АССР (с 1930 г. Непосредственно в РСФСР), 20 марта 1932 года преобразована в АССР, которая 5 декабря 1936 г. вошла в состав УзССР.

*Мустафаева Н.А. Русский язык в школах советского Узбекистана
(30–80-е гг. XX века)*

товке учителей русского языка в нерусских школах Узбекистана. Кроме того, в Узбекистан в 1938–1941 гг. для преподавания русского языка было направлено около 300 учителей из РСФСР и Украины (Очерки истории 1974: 411). Всего за 1938, 1939, 1940 годы было выпущено 38 учебников и методических пособий по русскому языку для нерусских школ общим тиражом 2038500 экземпляров (НА РУз Р-94. Д. 4032: Л. 12об.).

С началом Великой Отечественной войны произошла активизация процесса изучения русского языка в национальных школах. С осени 1941 г. по распоряжению Наркомпроса УзбССР началось обязательное изучение русского языка по новым учебным планам с увеличением количества часов (НА РУз Р-94. Д. 4032: Л. 12). Если в 1935–1936 учебном году русский язык преподавался с 3 по 10 класс и на него отводилось 528 часов, то с 1942–1943 – со 2-го класса, а общее число часов во всех классах составляло 1402 (О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка 1956: 4). Однако во многих сельских начальных школах русский язык не преподавался вовсе. Это было связано с тем, что обучение в них велось одним педагогом, не владеющим русским языком или знающим его в недостаточной степени.

В 1946 г. Совет Народных Комиссаров УзбССР и ЦК КП(б) УзбССР издает Постановление № 323 «Об улучшении преподавания русского языка в узбекских школах» (НА РУз Р-94. Д. 5092: Л. 35). Для его выполнения, начиная с 1946–1947 учебного года, факультеты русского языка и литературы педагогических и учительских институтов начинают готовить учителей для узбекских школ (НА РУз Р-94. Д. 5092: Л. 35). Так, в 1946–1947 учебном году было организовано три одиннадцатых педагогических класса по подготовке учителей русского языка II–VII классов узбекских школ в городах Самарканде, Фергане, Бухаре; в 1947–1948 учебном году были открыты одиннадцатые педагогические классы и в городах Ташкенте и Андижане. В республике функционировало семь одиннадцатых педагогических классов по подготовке учителей русского языка (НА РУз Р-94. Д. 5092: Л. 35). Однако большинство учителей, работающих в нерусских школах в качестве преподавателей русского языка, не имело специального педагогического образования. Как правило, они заканчивали лишь 10-месячные или 4-месячные курсы учителей русского языка. Нередки были случаи, когда к преподаванию русского языка в нерусских школах привлекались люди, владеющие только разговорной русской речью. В погоне за контрольными цифрами на 4-месячные или годичные курсы принимали людей, практически не владеющих русским языком (НА РУз Р-94. Д. 5092: Л. 35).

Среди преподавателей русского языка в узбекских школах только единицы имели высшее образование, многие не имели даже законченного среднего образования. В одной из докладных записок Министерству просвещения УзбССР идет речь о качестве преподавания русского языка и литературы в двух узбекских средних школах Янги-Юльского района с 18 по 21 января 1949 г. (НА РУз Р-94. Д. 5092: Л. 28). Уровень преподавания

в них был оценен инспектором как неудовлетворительный: «Миф об отсталости и консервативности Нияз-Баша, по-видимому, крепко засел в сознании ряда учителей СШ №14. Этим “мифом” кое-кто из учителей пытается объяснить явные провалы в учебно-воспитательной работе в школе. Так учитель Гупер (по национальности немец) заявил мне, что “Ваши слова о тяге узбекского населения к изучению русского языка не подходят к Нияз-Башу: здесь не любят русский язык и относятся к нему плохо”. Диагноз “учителя Гупера оказался верным в части знаний учащихся. Действительно, учащиеся знают русский язык очень плохо, и причины этого не в отсталости” Нияз-Баша, а в порочности преподавания» (НА РУз Р-94. Д. 5092: Л. 32).

3 февраля 1950 г. Бюро ЦК КП(б) принимает Постановление «О мерах по дальнейшему улучшению преподавания русского языка в узбекских школах» (НА РУз Р-94. Д. 5473: Л. 4). После него выходит Приказ Министерства просвещения УзбССР от 21 февраля 1950 г. «О мерах по дальнейшему улучшению изучения русского языка и литературы в узбекских школах» (НА РУз Р-94. Д. 5283: Л. 11). Согласно последнему документу количество часов по учебному плану, отводимых на изучение русского языка в начальной школе, с 1 сентября 1950 г. стало доходить до 17 часов в неделю. С 1950–1951 учебного года на изучение русского языка в узбекских школах было отведено 1716 часов – 17% от общего бюджета учебного времени. Увеличение учебных часов требовало новых преподавателей. Только за 1950–1955 гг. педагогические учебные заведения республики подготовили 3844 преподавателя русского языка (О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка 1956: 4). По поручению ЦК ВКП(б) СССР в Узбекистан было направлено около 160 учителей русского языка из школ РСФСР.

Острый недостаток в педагогах испытывали сельские школы. В городах учителей с высшим образованием было три раза больше, чем на селе. В сельских школах без специального педагогического образования работали в 8–10 классах 455 учителей русского языка, в 5–7 классах – 2342 (О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка 1956: 13). Так, в Хорезмской области соответствующее образование из 492 учителей имело только 132 педагога (37%), в Каракадаргинской области – 180 из 645 (36%) (О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка 1956: 13). Молодые специалисты, окончившие педагогические учебные заведения после распределения их в сельские школы через некоторые времена возвращались в город. Так, в 1953–1955 гг. в школы Каракалпакской АССР были направлены из РСФСР 34 учителя русского языка с высшим образованием, из Каракалпакского педагогического института – 81, из других вузов УзССР – 23 (всего 138 человек). Но 54 педагога не стали работать в школах (О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка 1956: 13). Зачастую это было связано с тем, что в сельской местности учителей привлекали к принудительным полевым работам.

*Мустафаева Н.А. Русский язык в школах советского Узбекистана
(30–80-е гг. XX века)*

Несмотря на предпринятые меры, ситуация с изучением русского языка в Узбекистане оставалась неудовлетворительной. Проверка уровня преподавания русского языка в сельских школах в 1951 г. показала, что в ряде школ русский язык вообще не изучался, а в некоторых наблюдалось крайне неудовлетворительное состояние его преподавания (О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка 1956: 11). Так, «Учительница 2-го класса школы №4 Хатырчинского района Самаркандской области тов. Халилова, несмотря на то, что окончила педвуз и преподает 15 лет, неправильно строит уроки русского языка, ведет их в основном на узбекском языке. Её ученики не могут по русски сказать «здравствуйте», ни «до свиданья». Редко удается услышать русскую речь на уроках русского языка в классе учителя Маниева. Учителя допускают на уроках ошибки как теоретического, так и методического характера» (О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка 1956: 11).

В послевоенное время в УзбССР происходит увеличение числа школ, но сокращается число обучающихся на национальных языках (см. табл.). Уменьшение их числа в школах с каракалпакским, киргизским, таджикским и туркменским языками обучения объясняется «увеличением числа учащихся в школах со смешанными языками обучения» (Кадыров 1965: 29).

Таблица
**Данные о развитии образования на национальных языках
в Узбекской ССР в послевоенный период**

Школы	1945–1950 учебный год		1951–1958 учебный год	
	число школ	число учащихся	число школ	число учащихся
Всего школ	4804	1212907	6166	1303350
в том числе с одним языком обучения	4012	923082	5172	927650
Из них:				
с узбекским языком	3139	695331	4110	684340
с казахским языком	167	16035	248	18654
с каракалпакским языком	191	23635	246	22652
с киргизским языком	27	3709	26	2837
с русским языком	295	141747	328	167746
с таджикским языком	165	37478	174	27789
с туркменским языком	27	5075	40	3632
с татарским языком	1	72	—	—
с двумя и более языками обучения	785	289825	994	375700

Рассматриваемый период отмечен изменением словарного фонда. Стала проявляться тенденция дополнения национальной лексики словами советско-интернационального происхождения, а слова и выражения, имевшиеся в потенциале национальных языков и употреблявшиеся представителями интеллигенции прежнего поколения, стали постепенно выходить из употребления. Переводчики учебников и преподаватели во время работы подыскивали термины, соответствующие духу времени. Для разработки новой терминологии в УзбССР создается Центральный Комитет нового алфавита и терминологии при Президиуме ЦИК Советов УзбССР. В результате его работы были опубликованы русско-узбекские терминологические словари по различным научным отраслям: физике (Х. Ниязова), биологии (толковый словарь Т. Захидова), теоретической механике (А. Наджипова), математике (Т. Кары-Ниязова), эмбриологии (З. Рахматуллина). Несмотря на недостатки, эти словари сыграли важную роль в просвещении коренного населения.

Изменения коснулись и средств массовой информации. По подсчетам проф. А.К. Боровкова, в самаркандской газете «Зерафшан» от 25 марта 1923 г. слова арабо-персидского происхождения составляли 37,4%, советско-интернациональные и русские слова – 2%. Спустя 4 года, в 1927 г. в узбекско-русском словаре доля слов арабско-персидского происхождения в этой газете снизилась до 28,6%, а советско-интернациональных и русских терминов увеличилась до 4,07%. По данным Решетова в 1934 г. в четырех номерах республиканской газеты «Кызыл Узбекистан» слов арабско-персидского происхождения было 27%, советско-интернациональных – 12% (Раджабов 1955: 98).

Внедрению новых слов способствовало многоязычие, возникшие в результате эвакуации, миграций населения в Узбекистан в разные годы. В результате приобщения местного населения к индустриальным формам производства и его включения в новую социальную и культурную среду увеличилось число носителей русского языка.

С 1950 г. в республиканской учительской газете «Уқитувчилар газетаси» регулярно печаталась методическая страница «Русский язык и литература в узбекской школе». Аналогичный раздел велся и в методическом журнале «Совет мактаби». В областных отделениях народного образования, областных институтах усовершенствования учителей была введена штатная единица методиста по русскому языку. С 1950 г. начинает издаваться специальная «Библиотека для узбекских школ» – серия книг для внеклассного чтения на русском языке. С 1950 по 1957 гг. в этой серии было напечатано 110 названий общим тиражом 53 млн экземпляров (Кадыров 1965: 44).

Большое значение для изучения русского языка в узбекских школах имело издание словарей. В 1943 г. вышел в свет первый русско-узбекский школьный словарь, в 1954 г. – однотомный русско-узбекский словарь, с 1950 по 1955 гг. был издан пятитомный русско-узбекский словарь (Кадыров 1965: 44).

Большая дискуссия о методах обучения русскому языку в национальных республиках состоялась в августе 1956 г. на межреспубликанской конференции, проходившей в Ташкенте (Межреспубликанская научная конференция 1958; Кадыров 1957: 84). На ней было отмечено, что русский язык стал для всего советского народа «вторым родным языком» и средством обогащения лексики национальных языков. Вместе с тем участники конференции отметили, что качество преподавания и уровень знаний и навыков учащихся по русскому языку в национальных школах «еще не отвечал требованиям». Анализ письменных работ и устных ответов учащихся по русскому языку на экзаменах и в процессе обучения свидетельствовал о том, что ученики многих нерусских школ не получали необходимого запаса русских слов, который позволял бы им хорошо понимать разговорную речь, а главное они не могли выражать свои мысли на нем. Они не владели предусмотренными программой навыками чтения и письма по-русски, а также не имели правильного произношения.

Языковеды Узбекистана приступают к разработке материалов по со-поставительной грамматике русского и узбекского языков, которые соответствовали бы методике преподавания русского языка. В результате их работы и по решению ЦК КП Узбекистана для оказания методической помощи учителям с 1957 г. начинает издаваться методический сборник «Русский язык в узбекской школе» (Кадыров 1974: 132).

В 1960-е гг. система обучения русскому языку продолжает развиваться. Если в 1959–1960 учебном году в национальных школах республики работало 5711 учителей русского языка, то в 1965–1966 учебном году их количество достигло 7857 (Кадыров 1974: 199). Проблемам преподавания русского языка в национальных школах была посвящена 2 межреспубликанская конференция, состоявшаяся в мае 1962 г. в Ташкенте. В последующем такие конференции стали проводиться в других городах республики. В это время русский язык фактически стал главным предметом в национальных школах. Количество часов по русскому языку стало преобладать над количеством часов по национальному языку. Так, с 1962–1962 учебного года в учебных программах старших классов городских средних школ с узбекским языком обучения (9, 10, 11 классы) отводилось родному языку и литературе 315 часов, русскому языку и литературе – 420 (Кадыров 1974: 213). Плохая успеваемость учащихся по русскому языку расценивалась с партийно-политических позиций, нередко ставился вопрос об увольнении и партийном наказании виновных лиц. На партийных заседаниях отмечалось, что многие учащиеся, окончившие школы с узбекским языком обучения, не имеют прочных знаний об основах русской грамматики, плохо владеют русским языком, испытывают большие трудности при поступлении в средние и высшие заведения (особенно в технические).

В эти годы в Узбекистане родились новые формы изучения русского языка. Согласно постановлению Коллегии министерства просвещения УзССР от 24 ноября 1973 г. «О введении переводных и выпускных экза-

менов по русскому языку в школах с узбекским и каракалпакским языком обучения» (НА РУз Р-94. Д. 2542: Л. 11) в республике были введены переводные и выпускные экзамены по русскому языку. Эта практика в последующем получила распространение в СССР. В Узбекистане впервые были открыты школы и классы с углубленным изучением русского языка. Сеть таких школ расширялась: в 1979 г. их было 393, в 1983 г. – 1237. Качественному усвоению русского языка способствовали специальные кружки в школах. Например, в 1980-х гг. их было 12 тысяч (Русский язык – могучий фактор общественного прогресса 1984: 42).

В октябре 1975 г. в Ташкенте проходит Всесоюзная научная конференция «Опыт изучения и преподавания русского языка в школах, высших и средних специальных учебных заведениях страны». По ее итогам ЦК КП Узбекистана принимает Постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию преподавания и изучения русского языка в школах, высших и средних учебных заведениях республики». 22–24 мая 1979 г. в Ташкенте проходит Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР». Властными учреждениями подчеркивалась особая роль русского языка в «построении коммунизма, воспитании нового человека», его значение в процессе «все большего сближения наций». Участники конференции приняли рекомендации по дальнейшему усилению роли русского языка в союзных республиках.

В последующие годы государственными органами УзбССР принимались специальные решения, направленные на увеличение количества часов на изучение русского языка в национальных учебных заведениях (включая детские сады) и числа преподавателей. В национальных дошкольных учреждениях открываются специальные группы. В 1979 г. таких групп в детских садах Узбекистана было 618, 1983 г. – 1513. В детских садах открывались и смешанные группы. В 1979 г. их было 1620, 385500 детей, в 1983 г. – 3663, 628400 воспитанников. Для детей шестилетнего возраста, не охваченных дошкольными учреждениями, организовывали подготовительные классы при школах. Русский язык в них ввелся по специальной программе. Сеть таких классов быстро увеличивалась. В 1979 г. их было 2304, детей 58970 человек, в 1983 г. – 6087, детей с 160740 человек (Русский язык – могучий фактор общественного прогресса 1984: 40).

Вся система обучения и воспитания в национальной школе должна была способствовать развитию «гармоничного национально-русского двуязычия». По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. число узбеков, свободно владеющих русским языком, было менее 20%, в 1979 г. их стало почти 44% (Данилова 1990, 6).

Ежегодно на обучение в центральные высшие учебные заведения РСФСР, Украины, Белоруссии и других регионов СССР направлялись сотни юношей и девушек из Узбекистана. В 1974–1975 учебном году в 110 высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Харькова и других городов обучалось более 3 тысяч студентов республики, из

них 2200 студентов училось в 12 педагогических институтах (НА РУз Р-837. Д. 4162: Л. 40). Большая группа молодежи Узбекистана обучалась в аспирантуре и докторантуре. В Москве число доходило до 500 человек, из которых около 300 проживало в общежитии аспирантов Академии наук УзбССР. Юноши и девушки, прибывшие из Узбекистана, обеспечивались общежитием, а более 80% обучающихся – стипендией. Особо нуждающимся оказывалась материальная помощь из фонда ректората. Ребята привлекались к общественной работе. Они принимали участие в работе научных сообществ, выступали с научными докладами, участвовали в кружках художественной самодеятельности. При некоторых вузах создавались ансамбли, состоящие исключительно из молодежи Узбекистана.

Большинство узбекских студентов успешноправлялось с учебой в вузах СССР. Но некоторая часть бросала учебу. Были случаи, когда студент из Узбекистана уже на первом году обучения подавал заявление об отчислении по собственному желанию, объясняя это плохим знанием русского языка, плохой подготовкой в школе (НА РУз Р-837. Д. 4162: Л. 42). Из технических вузов в 1974–1975 учебном году по различным причинам было отчислено 42 человека, в 1973–1974 учебном году – 34. Из 12 педагогических вузов РСФСР в 1974–1975 учебном году было отчислено более 30 молодых ребят. Главной причиной низкой успеваемости студентов из Узбекистана являлась «слабая подготовка их в средней школе, а также низкий уровень требовательности на приемных испытаниях в республике и при отборе абитуриентов для направления на старшие курсы институтов, в результате чего в центральные вузы попадали слабо подготовленные юноши и девушки» (НА РУз Р-837. Д. 4162: Л. 42).

Постоянным представительством УзбССР при Правительстве СССР в адрес ЦК Компартии Узбекистана и Совета Министров УзбССР направлялись записки, в которых освещались проблемы в учебе студентов, вносились предложения, направленные на улучшение качества набора, материального обеспечения, ставились вопросы, связанные с учебой и бытом молодежи. В ответ на эти обращения Советом Министров УзбССР принимались соответствующие решения. Президиум республиканского комитета профсоюза работников просвещения УзбССР обсуждал документ «О докладной записке Постпредства УзбССР о недостатках в учебно-воспитательной работе среди студентов, обучающихся в педагогических институтах РСФСР и Украинской ССР». По проблемным вопросам коллегиями Минвуза и Минпроса Узбекистана принимались соответствующие решения.

20–21 мая 1983 г. в Самарканде состоялась Республиканская научно-практическая конференция «Совершенствование обучения русскому языку учебных заведениях республики и улучшение этой работы юношами, подлежащими призыву в Советскую Армию» (Русский язык – могучий фактор общественного прогресса 1984). Основная идея мероприятия сводилась к следующему: «Русский язык – общее средство, согласования созидательных усилий наших народов. Это язык каждого трудового коллектива. Это язык

всех наших гигантских новостроек. Это язык БАМа и КамАЗа, язык освоителей Нечерноземья, энергетических и сырьевых ресурсов Сибири. Это язык, открывающий людям путь в мировую науку и технику» (Русский язык – могучий фактор общественного прогресса 1984: 3). Задача виделась не только в распространении «вширь», не только в овладении русским языком все большим числом представителей местной национальности, но и в распространении его «вглубь», лучшего, более глубокого знания его. Тогдашний секретарь ЦК КП Узбекистана А.У Салимов отметил, что «...улучшение изучения и преподавания русского языка является органической составной частью всей идеологической работы партии» (Русский язык – могучий фактор общественного прогресса 1984: 6).

Однако в сельской местности УзбССР изучение русского языка в школах по-прежнему оставалось проблемным. Предлагалось следующее решение: «В условиях Узбекистана дети с раннего возраста, особенно в сельской местности, приобщаются к посильному бытовому труду. Дети более старшего возраста (учащиеся 5–7 классов) принимают участие во всех работах семьи, учащиеся 8–11 классов нередко заменяют родителей в производительном труде. Так что привитие детям трудовых навыков в узбекской семье не является проблемой. Поэтому в 1–7 классах из часов отведенных на предмет труда, свободно можно передать по одному часу на русский язык, а оставшиеся часы во всех классах использовать только на технический труд, так как учащиеся к обслуживающему и сельскохозяйственному труду фактически уже приобщены» (Кадыров 1974: 341).

Масштабный проект социальной и культурной инженерии, предпринятый советским государством в обеспечении обязательного изучения русского языка, привел к значительным изменениям социальных и культурных контуров общества Узбекистана, оказал существенное влияние на формы культурной идентичности коренного населения. Сфера распространения русского языка постоянно расширялись. Решающую роль играла школа. Постепенно население стало воспринимать русский язык в качестве показателя образованности и социального успеха. Представители старшего поколения, особенно интеллигенции, были заинтересованы в том, чтобы их дети осваивали русский язык. Ленинская национальная политика слияния всех наций и народностей в единую социалистическую историческую общность привела к национально-культурному и языковому нигилизму по отношению к национальным языкам. В УзбССР повсеместно наблюдались скрытые формы противостояния влиянию русского языка со стороны местного населения. Это проявлялось в стремлении привить у молодого поколения ощущения собственной самобытности в противовес всепроникающей русской культуре.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

- НА РУз Р-94. Д. 2796 – Национальный архив РУз. Ф. Р-94. Оп. 5. Д. 2796.
НА РУз Р-94. Д. 4032 – Национальный архив РУз. Ф. Р-94. Оп. 5. Д. 4032.
НА РУз Р-94. Д. 5092 – Национальный архив РУз. Ф. Р-94. Оп. 5. Д. 5092.
НА РУз Р-94. Д. 5283 – Национальный архив РУз. Ф. Р-94. Оп. 5. Д. 5283.
НА РУз Р-94. Д. 5473 – Национальный архив РУз. Ф. Р-94. Оп. 5. Д. 5473.
НА РУз Р-94. Д. 2542 – Национальный архив РУз. Ф. Р-94. Оп. 7. Д. 2542.
НА РУз Р-837. Д. 765 – Национальный архив РУз. Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 765.
НА РУз Р-837. Д. 4162 – Национальный архив РУз. Ф. Р-837. Оп. 41. Д. 4162.
Отчетный доклад 1938 – Отчетный доклад VIII съезду КП(б) Уз о работе ЦК КП(б) Уз. Ташкент, 1938.

Очерки истории 1974 – Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974.

Межреспубликанская научная конференция 1958 – Межреспубликанская научная конференция по вопросам улучшения преподавания русского языка в национальных школах. Стенографический отчет. Ташкент, 1958.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Данилова Л.В. Языковые особенности русской речи узбеков. Ташкент, 1990.
Кадыров И.Б. Успехи народного образования в Узбекской ССР за 40 лет. Ташкент, 1957.
Кадыров И.Б. Развитие школ Узбекской ССР в послевоенный период (1945–1962). Ташкент, 1965.
Кадыров И.Б. Очерки развития общеобразовательной школы Советского Узбекистана. Ташкент, 1974.
О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка в узбекских школах. Ташкент, 1956.
Раджабов С.А. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент: Узгоиздат, 1955.
Русский язык – могучий фактор общественного прогресса: сборник конференции. Ташкент, 1984.
Хакимназов К.А. Каракалпакстан в 1930–1941 годы: исторический опыт и проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нукус, 2002.
Crips S. Soviet Language Planning since 1917–1953 // Language Planning in the Soviet Union / Kirkwood M. (ed.). London, 1989. P. 23–45.
Kreindler I.T. Soviet Language Planning since 1953 // Language Planning in the Soviet Union / Kirkwood M. (ed.). London, 1989. P. 46–63.
Pool J. Soviet Language Planning: Goals, Results, Options // Soviet Nationality Policies and Practice. New York, 1978.
Silver B.D. Language policy and linguistic russification of Soviet nationalities // Soviet Nationality Policies and Practice. New York, 1978. P. 250–306.
Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages. Their Past, Present and Future. Berlin – New York – Amsterdam, 1985.

Сведения об авторе: Мустафаева Нодира Абдуллаевна – доктор исторических наук, руководитель отделения Общественно-гуманитарных наук Академии наук Республики Узбекистан (100047, ул. Акад. Яхъё Гуламова, 70, Ташкент, Республика Узбекистан); nodiramus69@mail.ru

Поступила 5.11.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

RUSSIAN LANGUAGE IN SCHOOLS OF SOVIET UZBEKISTAN

(THE 30S–80S OF THE 20TH CENTURY)

N.A. Mustafaeva

Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Tashkent, Republic of Uzbekistan

nodiramus69@mail.ru

The massive introduction of the study of the Russian language by the Soviet authorities in the schools of Uzbekistan entailed significant changes in the social and cultural landscape of the republic. The Bolshevik state, which carried out a mass experiment to create a “new society” and a “new man” for the first time in history, considered language as an object of special manipulations aimed at achieving certain, not quite linguistic goals.

The sphere of application of the Russian language in Soviet Uzbekistan was constantly expanding. The period under review was also marked by a change in the vocabulary fund. A tendency to supplement the national vocabulary with words of Soviet-international origin began to manifest; the words and expressions contained in the potential of national languages, which once used by representatives of the previous generation intelligentsia, gradually started to go out of use. The situation began to worsen due to the multilingualism that arose in different years as a result of the evacuation and migration of the population to Uzbekistan. The number of multilingual speakers increased as a result of the introduction of the local population to industrial forms of production and inclusion in the appropriate social and cultural environment. The large-scale social and cultural engineering project undertaken by the Soviet state to ensure the compulsory teaching of the Russian language led to significant changes in the social and cultural contours of Uzbekistan society; and what is more, it influenced the forms of cultural identity of the indigenous population.

Keywords: Uzbekistan, Russian language, secondary schools, national language policy, curriculum, native language, writing reform

For citation: Mustafaeva N.A. Russkiy yazyk v shkolakh sovetskogo Uzbekistana (30–80-e gg. XX veka) [Russian Language in Schools of Soviet Uzbekistan (the 30s–80s of the 20th century)]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 194–207. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.194-207>

REFERENCES

- Crips S. Soviet Language Planning since 1917–1953. *Language Planning in the Soviet Union* / Ed. Kirkwood M. London, 1989, pp. 23–45. (In English)
- Danilova L.V. *Yazykovye osobennosti russkoy rechi uzbekov* [Linguistic Features of the Russian Speech of Uzbeks]. Tashkent, 1990. (In Russian)
- Khakimniyazov K.A. *Karakalpakstan v 1930–1941 gody: istoricheskiy opyt i problemy* [Karakalpakstan in 1930–1941: Historical Experience and Issues. Cand. Sc. Hist. Diss.]. Nukus, 2002. (In Russian)
- Kadyrov I.B. *Ocherki razvitiya obshcheobrazovatel'noy shkoly Sovetskogo Uzbekistana* [Essays on the Development of the Secondary School in Soviet Uzbekistan]. Tashkent, 1974. (In Russian)
- Kadyrov I.B. *Razvitie shkol Uzbekskoy SSR v poslevoennyy period (1945–1962)* [The Development of Schools in the Uzbek SSR in the Post-war Period (1945–1962)]. Tashkent, 1965. (In Russian)
- Kadyrov I.B. *Uspekhi narodnogo obrazovaniya v Uzbekskoy SSR za 40 let* [Achievements of Public Education in the Uzbek SSR over a 40-year Period]. Tashkent, 1957. (In Russian)
- Kreindler I.T. Soviet Language Planning since 1953. *Language Planning in the Soviet Union*. Ed. Kirkwood M. London, 1989, pp. 46–63. (In English)
- O sostoyanii i merakh uluchsheniya prepodavaniya russkogo yazyka v uzbekskikh shkolakh* [On the Status and Measures of Improving the Russian Language Instruction in Uzbek Schools]. Tashkent, 1956. (In Russian)
- Pool J. Soviet Language Planning: Goals, Results, Options. *Soviet Nationality Policies and Practice*. New York, 1978. (In English)
- Radzhabov S.A. *Rol' velikogo russkogo naroda v istoricheskikh sud'bakh narodov Sredney Azii* [The Role of the Great Russian People in the Historical Destinies of Central Asian peoples]. Tashkent, 1955. (In Russian)
- Russkiy yazyk – moguchiy faktor obshchestvennogo progressa: sbornik konferentsii* [Russian Language – a Powerful Factor of Social Progress: Collected Papers of the conference]. Tashkent, 1984. (In Russian)
- Silver B.D. Language Policy and Linguistic Russification of Soviet Nationalities. *Soviet Nationality Policies and Practice*. New York, 1978, pp. 250–306. (In English)
- Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages. Their Past, Present and Future*. Berlin – New York – Amsterdam, 1985. (In English)

About the author: Nodira A. Mustafaeva, Doctor Sc. (History), Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (70 Academician Yahyo Gulamov St., Tashkent 100047, Republic of Uzbekistan); nodiramus69@mail.ru

Received November 5, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

УДК 94(470.41-25)"191/193"

ПРЕПОДАВАНИЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗАХ КАЗАНИ В 1920-Е ГГ.: ОТ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ К ДАЛЬТОН-ПЛАНУ

Л.А. Бушуева

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bushueva9@mail.ru*

В статье изучен процесс становления преподавания татарского языка в вузах Казани 1920-х гг. на примере институтов гуманитарного профиля: Северо-восточного археологического и этнографического института, Восточной академии и татарского национального отделения Восточного педагогического института. Исследование базируется на широком круге неопубликованных источников из фондов Государственного архива Республики Татарстан.

В работе рассмотрены учебные программы дисциплин, в рамках которых изучался татарский язык, формы и методы обучения татарскому языку, а также формирование коллектива специалистов, преподававших татарский язык в данный период. Особое внимание уделено изучению общественно-политических условий, в которых развивалось преподавание татарского языка. Установлено, что в первые годы советской власти татарский язык в вузах Казани преподавали, главным образом, востоковеды. Поэтому обучение этому предмету было тесно связано с востоковедческими и источниковедческими дисциплинами. Студенты осваивали не только разговорный татарский язык, но и учились работать с памятниками древнетюркской письменности.

Во второй половине 1920-х гг. преподавание татарского языка было направлено в первую очередь на подготовку учителей родного языка. Этот период развития преподавания татарского языка в вузах Казани отличался нестабильностью учебных программ, внедрением новых методов обучения, в том числе Дальтон-плана, и сменой преподавательского состава.

Ключевые слова: преподавание татарского языка, Северо-восточный археологический и этнографический институт, Восточная академия, национальные отделения Восточного педагогического института

Для цитирования: Бушуева Л.А. Преподавание татарского языка в вузах Казани в 1920-е гг.: от древнетюркской письменности к Дальтон-плану // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 208–220. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.208-220>

*Бушуева Л.А. Преподавание татарского языка в вузах Казани в 1920-е гг.:
от древнетюркской письменности к Дальтон-плану*

В XX в. преподавание татарского языка стало важной частью образовательного процесса в вузах ТАССР. Татарский язык как учебный предмет начал активно внедряться в высшую школу в первые годы советской власти, что привело к созданию ряда крупных образовательных институций, готовивших научные и педагогические кадры по татарскому языкоznанию. На сегодняшний день, благодаря работам З.Н. Кирилловой, подробно рассмотрен процесс реализации татарского языка в государственных учреждениях, предприятиях, школах и вузах разного профиля, начавшийся в республике после принятия Декрета ЦИК Совнаркома 25 июня 1921 г. (Кириллова, Калганова 2019). В многочисленных исследованиях специалистов в области татарской филологии изучено научное наследие языковедов 1920-х гг. и оценен их вклад в развитие татарской лингвистики (Мирзагитов, Юсупов 2006). В данной статье мы затронем некоторые аспекты институционализации преподавания татарского языка в высшей школе ТАССР в 1920-е гг. на примере институтов, готовивших специалистов по татарскому языкоznанию.

Татарский язык на востоковедческих отделениях вузов Казани

До 1917 г. единственным светским высшим учебным заведением в Казанской губернии, где велось преподавание татарского языка, являлся Казанский университет. Учебные программы этого учебного заведения предусматривали курс турецко-татарских наречий, который читался на классическом отделении историко-филологического факультета (Обозрение 1909: 15). Накануне революции 1917 г. этот курс преподавал известный востоковед Н.Ф. Катанов, служивший здесь в должности исполняющего обязанности экстраординарного профессора (Обозрение 1917: 16). В 1910-х гг., когда в Казанском университете начал работать выпускник восточного факультета Петербургского университета С.Е. Малов, курс «Турецко-татарские наречия» стал заметно шире. Молодой востоковед преподавал «Турецкую диалектологию» и «Старо-турецкую письменность» (Обозрение 1917: С. 2).

Дисциплины, читаемые Н.Ф. Катановым и С.Е. Маловым, сохранились в учебных планах историко-филологического факультета Казанского университета вплоть до 1920 г. Кроме них, преподавателем турецко-татарских наречий также был известный исследователь чувашского языка Н.И. Ашмарин, перешедший в университет из Казанской инородческой учительской семинарии (ГА РТ Р-1337: Д.18. Л.21). В первые годы советской власти эти предметы оставались курсами по выбору, а к 1921 г. исчезли из учебных планов университета вместе с ликвидацией историко-филологического факультета.

В 1917 г. в Казани открылось высшее учебное заведение, претендовавшее на статус нового центра казанской ориенталистики, в котором преподаванию татарского языка отводилось особое место. Этим вузом являлся Северо-восточный археологический и этнографический институт (далее

СВАЭИ). Он был организован по инициативе профессоров Казанского университета при поддержке местной интеллигенции и таких национальных организаций, как Союз мелких народностей Поволжья. Главный устроитель СВАЭИ профессор С.П. Покровский связывал создание института с общественно-политическими вызовами, которые стояли перед Российской империей в этот непростой исторический период. На открытии института, состоявшемся в начале октября 1917 г., он говорил: «Судьба государства зависит от того, какую судьбу мы будем готовить в нашем государстве другим народам, в нем живущим. Судьба России слита с судьбами этих народов. Мы должны помнить, что прочность государства достигается соединением и организацией всех сил, сохранением и сложением внутренних сил общежития. Но для этого существует один путь – надо дать простор для правового и культурного развития различных народностей. При таком только условии государство русское будет сознаваться всеми национальностями как величайшая для них социальная ценность... Помочь разрешить проблему национального самоопределения различных народностей – таковой задачей должен служить в настоящее время Северо-восточный археологический и этнографический институт» (ГА РТ Р-1339: Д. 4. Л. 15). Главным условием для решения этой задачи С.П. Покровский называл создание широкого слоя образованной национальной интеллигенции, обучением которой и должен был заняться СВАЭИ.

Институт открылся с разрешения Министерства народного просвещения Временного правительства, но фактически был от него независим, так как существовал на частные средства. Преподавательский коллектив самостоятельно формировал учебные планы института, принимал студентов, решал кадровые вопросы. Вуз состоял из этнографического, археологического и археографического отделений, с 1919 г. здесь заработало восточное отделение.

Основными предметами изучения в институте стали история, этнография, археология, а также языки народов Поволжья и Приуралья (русский, татарский, чувашский, черемисский, вотский). Большинство учебных дисциплин СВАЭИ были обязательны для всех слушателей. По этим предметам воспитанники должны были сдавать зачеты в конце каждого полугодия (ГА РТ Р-1339: Д. 16. Л. 7, 131).

Татарский язык в институте преподавали университетские востоковеды – Н.Ф. Катанов, С.Е. Малов и Н.И. Ашмарин. Знакомство с языком начиналось на первом году обучения с курса С.Е. Малова «Общий обзор турецких племен и наречий» (ГА РТ Р-1339: Д. 16. Л. 7). Его посещали студенты всех отделений вне зависимости от уровня знания татарского языка. Предмет делился на несколько частей. В первой части слушатели получали общие сведения об «алтайской группе племен». Согласно учебной программе, на занятиях рассматривалось в первую очередь тюркское население Поволжья, Приуралья, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии («турецкое население Абакана, турецкое население Китайского Туркеста-

на, Русского Туркестана, якуты, волжские и дунайские болгары, хазары, буртасы, чуваши, турки-османы, крымские татары, казанские татары, мишари, башкиры, тептяри»).

Вторая часть курса С.Е. Малова была посвящена собственно изучению «турецких наречий». Студенты рассматривали их классификацию, фонетику («гласные и их историю, согласные, ударения»), грамматику («имя существительное, глагол и спряжение, частицы, имя числительное и древняя система счета, склонения, падежи, местоимения, их происхождение и склонение»). Особое внимание преподаватель уделял вопросам сходства и различий между различными тюркскими языками, в том числе между казанско-татарским и чувашским (ГА РТ Р-1339: Д.2. Л. 37). С.Е. Малов рассматривал на занятиях древние тюркские источники, а также работы известных петербургских тюркологов В.В. Радлова, Э.К. Пекарского и казанских ученых – Н.Ф. Катанова и Н.И. Ашмарина.

На втором году обучения студенты слушали курсы Н.И. Ашмарина «Татарские местные наречия» и «Грамматику татарского языка», а также посещали практические занятия под руководством профессора по чтению татарских текстов. В 1920 г. после отъезда ученого из Казани в Симбирск эти предметы стал вести декан восточного отделения Н.Ф. Катанов.

В 1920/21 учебном году цикл дисциплин по татарскому языкознанию в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте расширился. Для студентов второго курса всех отделений С.Е. Малов начал читать народную словесность турецко-татарских племен. Студенты отделения востоковедения помимо вышеперечисленных предметов слушали курс Н.Ф. Катанова «Турецко-татарские наречия Сибири и Туркестана» (ГА РТ Р-1339: Д. 4. Л. 53), историю татарской литературы, а также курсы С.Е. Малова «Казанско-татарский язык», «Язык древних тюрок» и источниковедческие дисциплины – «Восточную палеографию», «Обзор источников местного края». (ГА РТ Р-1339: Д. 2. Л. 131). Читая эти предметы, преподаватели СВАЭИ, по-видимому, ориентировались на учебные программы разряда турецко-татарской словесности факультета восточных языков Петроградского университета (Обозрение 1915: 7–9). Об этом свидетельствует существенная доля теоретических курсов и источниковедческие дисциплины. Студенты СВАЭИ должны были не только знать грамматику, фонетику татарского языка, освоить разговорные навыки, но и уметь работать с памятниками древнетюркской письменности.

В 1921 г. автономный период существования СВАЭИ закончился. К тому времени уже были закрыты такие центры гуманитарного образования Казани, как историко-филологический факультет Казанского университета и Высшие женские курсы. Северо-восточным археологическим и этнографическим институтом заинтересовались представители татарской общественно-политической элиты. Галимзян Шараф, занимавший в этот период пост руководителя востоковедческого отдела Академического центра Татнаркомпроса, Ф.К. Сайфи, являвшийся членом коллегии Татнар-

компроса, и А. Енбаев – заместитель наркома земледелия ТАССР – инициировали дискуссию об этом вузе в научном отделе Наркомпроса ТАССР. Они критиковали его за сложный уровень учебных программ, труднодоступный для студентов, не получивших среднего образования в классических гимназиях или реальных училищах, а также большое количество специализированных предметов. Г. Шараф, Ф.К. Сайфи и А. Енбаев настаивали на том, что СВАЭИ «не удовлетворяет культурным запросам татарского населения» и требовали преобразования института в «татарский вуз» для подготовки партийных и культурных кадров, а не научных работников. Единственным языком преподавания в институте, по их мнению, должен был стать татарский язык (ГА РТ Р-225: Д. 8. Л.17). Вопрос о закрытии СВАЭИ был практически решен, однако профессорам Б.Н. Вишневскому, М.В. Бречкевичу, А.М. Миронову и М.Г. Худякову удалось добиться от коллегии Наркомпроса ТАССР принятия компромиссного варианта реорганизации института – проекта Восточной академии.

В 1921 г. Северо-восточный археологический и этнографический институт был реорганизован в Восточную академию в составе историко-археологического, этнографического и словесного факультетов. Из старых учебных программ института были удалены такие предметы, как история религий, исламоведение, история ислама среди народов Поволжья, история Золотой Орды, история христианской археологии, история искусств эпохи Возрождения, и добавлены общественно-политические дисциплины – исторический материализм, политический строй РСФСР и другие (ГА РТ Р-225: Д. 8. Л. 28). В число основных предметов для студентов всех отделений входил один из восточных языков. При этом студенты, не знавшие татарского языка, как правило, выбирали его. Владевшие татарским языком изучали арабский или персидский языки (ГА РТ Р-225: Д. 8. Л. 14).

Словесный факультет академии, организованный для подготовки специалистов по языкам народов Востока, первоначально должен был состоять из турецко-татарского и финно-угорского отделений. Однако в 1921 г. открылось только турецко-татарское. Татарский язык занимал самое большое количество часов в учебных планах этого отделения. Студенты занимались по этому предмету 4 раза в неделю по одному академическому часу. Впервые в вузовской практике Казани учащиеся делились на группы по уровню знания языка (ГА РТ Р-225: Д. 8. Л. 15). Кроме того, Восточная академия стала вузом, в котором получили возможность преподавать представители татарской интеллигенции, не имевшие ученых степеней российских университетов, и назначавшиеся сюда по новому законодательству без всероссийского конкурса. Г.Ш. Шараф, Джамал Валиди и Гали Рахим, наряду с Н.Ф. Катановым и С.Е. Маловым, начали преподавать татарский язык, научную грамматику, историю татарской литературы, турецко-татарскую словесность для студентов словесного отделения. Г. Шараф также вел татар-

ский язык для русскоязычных студентов историко-археологического и этнографического отделений. (ГА РТ Р-225: Д.8. Л.15).

В 1922 г. Восточная академия вместе с Высшим институтом народного образования и факультетом общественных наук Казанского университета вошла в состав Восточного педагогического института (далее ВПИ). Институт был создан для решения практических задач – подготовки учителей для школ второй ступени. Он был открыт в составе физико-математического, словесно-исторического, биолого-географического и восточно-го отделений. Татарский язык вошел в программу восточного отделения. Ведущим преподавателем этого предмета в ВПИ стал Г. Шараф, так как в 1922 г. Н.Ф. Катанов ушел из жизни, а С.Е. Малов уехал в Петроград. Поскольку Г. Шараф не был по образованию востоковедом, его занятия со студентами имели практическую направленность. Его слушатели делились на три группы в зависимости от уровня владения татарским языком: русскоговорящие-начинающие, русскоговорящие-продолжающие и свободно владеющие татарским языком. Ученый стремился выработать у своих воспитанников речевые умения и навыки. Согласно отчетам, в русскоговорящих группах студенты общались на татарском языке с преподавателем, читали тексты, писали и таким образом осваивали структуру языка. В качестве учебного пособия Г. Шараф использовал вышедший в 1923 г. учебник Ахметхади Максуди «Татарстан. Самоучитель татарского языка для русских, составленный по индуктивному методу и десятичной системе». Но он называл это руководство неудобным для вузовских занятий (ГА РТ Р-1487: Д. 39. Л. 58). По словам Г. Шарафа, к концу учебного года начинающие слушатели «научились писать и читать, конструкции фраз, прошли основные наиболее употребительные моменты морфологии, получили некоторые сведения по синтаксису и орографии» (ГА РТ Р-1487: Д. 39. Л. 58). Для слушателей-татар ученый читал лекции, на которых он знакомил их с основами грамматики татарского языка, а также с теoriей и практикой новой орографии.

На отделении востоковедения ВПИ предусматривался курс научной грамматики татарского языка для студентов-татар, который вел Джамал Валиди. Однако из-за малочисленности студентов этот курс фактически был сорван. «Слушателей было 4 человека, исключительно татары. В первом семестре посещали аккуратно, а во втором плохо, особенной активности не проявляли. Пройдена была только фонетика», – писал в отчете Д. Валиди (ГА РТ Р-1487: Д. 39. Л. 57).

Преподаватели отделения востоковедения ВПИ не могли смириться с педагогическим уклоном своей деятельности и надеялись возродить востоковедческий научно-исследовательский центр в рамках института. Как отмечал профессор В.И. Анучин: «Оставаться под фальшивою вывеской «Отделения Востоковедения», т.е. вводя в заблуждение и центр, и наших студентов, так как Востоковедения у нас не было, а создать его Правление запрещало, ...было зазорно» (Валеев, Валеева, Хайрутдинов 2020: 72). По-

терю Н.Ф. Катанова и С.Е. Малова руководство отделением пыталось компенсировать приглашением в Казань столичных востоковедов. В 1925 г. в Восточный педагогический институт приехал известный тюрколог А.Н. Самойлович, в то время занимавший пост ректора Ленинградского института живых восточных языков. Ученый провел в Казани чуть меньше месяца, в течение которого интенсивно занимался с казанскими студентами. Его учебный курс имел сходство с курсом С.Е. Малова «Общий обзор турецких племен и наречий», о котором говорилось выше. Для первокурсников А.Н. Самойлович прочитал цикл лекций «Введение в тюркологию», студенты второго и третьего курсов были поделены на татарскую и русскую группы. Русская группа занималась по предмету «Грамматика казанско-татарского языка в сравнительно-историческом освещении», а со слушателями, свободно владеющими татарским языком, А.Н. Самойлович разбирал уйгурский письменный памятник XI в. «Кутадгу билиг», обучая «приемам критики и толкования текста» (ГА РТ Р-1487: Д. 56. Л. 90). Как писал А.Н. Самойлович: «Занятия со слушателями Восточного педагогического института в общем доставили мне большое удовлетворение и ясно показали, что столица Татарской республики представляет безусловно благоприятную почву для собрания в ней одного из очагов тюркологии» (ГА РТ Р-1487: Д. 56. Л. 90.). Однако в 1925 г. Наркомпрос РСФСР утвердил новую структуру факультетов Восточного педагогического института, после чего ученые прекратили попытки возродить в Казани востоковедческий центр.

*Образование национальных отделений Восточного
педагогического института и преподавание татарского языка*

Как известно, в начале 1920-х гг. в структурах Наркомпроса РСФСР шли дискуссии о том, какого учителя должны готовить педагогические вузы. В 1924 г. состоялась Всероссийская конференция по педагогическому образованию, на которой идеологи высшего образования договорились о том, что необходимо унифицировать учебные программы педагогических вузов, добиваться того, чтобы преподавание в них было тесно связано с производственной практикой, и готовить прежде всего учителей-общественников, способных не только преподавать, но и вести общественно-организационную работу (Васильев 1966: 87–94). По итогам конференции в Москве состоялось ректорское совещание, вернувшись с которого ректор ВПИ С.П. Сингалевич, сообщил коллегам о том, что в свете принятых установок им придется осуществить в институте реструктуризацию. Изменения коснулись, главным образом, отделения востоковедения. В 1925 г. из него выделились татарское, чувашское национальные отделения и музейно-этнографическое. Первые два подразделения готовили учителей родного и русского языков для татарских и чувашских школ второй ступени. На музейно-этнографическом обучали внешкольных музейных

работников, но вскоре это направление было закрыто из-за отсутствия студентов.

В сравнении с учебными планами отделения востоковедения в программах татарского отделения были сокращены исторические дисциплины и полностью исключены курсы по этнографии народов Поволжья и Приуралья, археологии, а также источникovedческие предметы.

На первом курсе будущие учителя татарского языка изучали татарский язык, русский язык, введение в языкоzнание, историю культуры. На втором курсе – историю татарского языка, татарский фольклор, историю русской литературы, арабский язык, а также исторический курс «Феодализм и торговый капитал на Западе и в России в связи с историей татар». На третьем году обучения приступали к изучению истории татарского языка, истории татарской литературы, истории турецкой литературы, арабского, персидского языков и истории России. На последнем курсе начинались методические дисциплины – методика преподавания литературы и методика преподавания татарского языка (ГА РТ Р-1487: Д. 172. Л. 46–50).

Основными преподавателями татарского отделения остались Г. Шараф, Д. Валиди и Г. Рахим. Г. Шараф вел татарский язык, Д. Валиди преподавал историю татарского языка и сравнительное турецко-татарское языкоzнание, Г. Рахим – историю татарской литературы и татарский фольклор, поскольку был самым авторитетным исследователем в этих областях. В этот период на татарское отделение пришли новые преподаватели. Методику татарского языка вел Абдрахман Саади, приехавший в Казань из Средней Азии по приглашению руководителя Академического центра Татнаркомпроса Г. Ибрагимова, арабский язык преподавал Ахметхади Максуди, рекомендованный профессором А.Н Самойловичем.

Студенты отделения являлись татарами по национальной принадлежности и свободно владели родным языком. Поэтому у преподавателей отпала необходимость делить учащихся на группы в зависимости от знания языка. Такие предметы, как «Грамматика татарского языка», «Методика преподавания татарского языка», «История татарской литературы», преподавались здесь только на татарском языке (ГА РТ Р-1487: Д. 279. Л. 9). Русский язык на татарском отделении вел специалист по методике преподавания русского языка в нерусских школах И.С. Михеев. Общие языкоzвездческие дисциплины учащиеся слушали вместе со студентами литературно-лингвистического отделения, поэтому они должны были достаточно хорошо знать и русский язык.

Из-за узкой языковой специализации в сравнении с упраздненным востоковедческим отделением у национально-лингвистических отделений довольно быстро начались проблемы с набором студентов. Как отмечал в отчете уполномоченный по делам вузов Казани Н.З. Векслин, проверявший ВПИ в 1926 г.: «Узко лингвистическая установка вызывает малый и малоквалифицированный приток студентов. Есть тяга с национальных отделений на общие отделения» (ГА РТ Р-1487: Д. 172. Л. 95). В это время мало

кто из молодых людей хотел изучать в чистом виде лингвистику или литературоведение. Молодежь была охвачена революционным романтизмом, поэтому в это время типичной была ситуация, когда абитуриенты поступали на национальные отделения, а затем подавали прошения о переводе на самое популярное – общественно-экономическое (Хайруллина 2011: 34). То же происходило и на русском литературно-лингвистическом отделении.

В 1927 г. Государственный совет поменял учебные планы национальных отделений. На этот раз чиновники Наркомпроса РСФСР отказывались от исключительно литературно-лингвистической установки и вводили в большом объеме обществоведческие предметы – политэкономию, исторический материализм, историю классовой борьбы и др. Именно они заняли большую часть учебной программы татарского национального отделения и читались на всех четырех курсах. По данным профессора Н.В. Никольского, на долю литературно-лингвистических дисциплин приходилось всего 34% от всех учебных часов (Никольский 1927: 64).

В этот период, как и во многих других вузах, в Восточном педагогическом институте власти пытались внедрить бригадно-лабораторные методы обучения, в том числе и Дальтон-план, который считался в то время самым передовым. Студенты татарского отделения делились на рабочие группы, получали от преподавателя задания, которые должны были выполнять самостоятельно в специальных учебных кабинетах. Будущие педагоги занимались в кабинете татарского языка и литературы, организованного в 1927 г. в здании бывшего Института благородных девиц. Кроме того, учащиеся посещали кабинет экспериментальной фонетики профессора В.А. Богородицкого, ассистентом которого по совместительству был Г. Шараф (ГА РТ Р-1487: Д. 75. Л. 78).

Преподаватели, как правило, читали вводные лекции и консультировали слушателей в случае затруднений (ГА РТ Р-1487: Д.271. Л.121). Большую часть времени с учащимися проводили ассистенты-выдвиженцы – студенты старших курсов, выбранные предметными комиссиями для подготовки к научной деятельности. Они, как правило, дежурили в кабинете татарского языка и литературы и помогали младшим товарищам. Как писала в своей автобиографии ученица А.Г. Саади Амина Халитова, работая в кабинете татарского языка и литературы в качестве ассистента, именно она давала указания учащимся по выбору источников и материалов по истории татарской литературы и языку, объясняла методы их использования (ГА РТ Р-1487: Д. 129. Л. 43).

В конце 1920-х гг. менялись не только учебные курсы, их методы и содержание, но и педагогический состав татарского отделения. В эпоху «Великого перелома» от руководителей высших школ власти требовали привлечения в вузы преподавателей из категории «воинствующих материалистов-диалектиков». В случае с учебными заведениями Татарской АССР они должны были быть еще и представителями титульной нации. Эти требования в особенности усилились после ноябрьского пленума ЦК ВКП (б)

1929 г., обязавшего вузы готовить в ускоренном порядке специалистов для осуществления индустриализации. В 1929–1930 гг. администрация Восточного педагогического института во главе с новым директором Г.Г. Кудояровым приняла в штат института около 20 новых преподавателей и ассистентов. На татарское национальное отделение пришли специалисты, профессиональная деятельность которых была тесно связана с советскими учреждениями. В 1928 г. заведующим татарским отделением стал бывший нарком просвещения Крымской АССР, а в 1924–1930 гг. заместитель председателя Академического центра Татанаркомпроса Н.К. Мухутдинов (ГА РТ Р-1487: Д. 195. Л. 34). В 1929 г. татарский язык стал преподавать М.А. Фазлуллин – активный участник перевода татарского алфавита на яналиф. Он был сразу выдвинут руководством института на должность профессора (ГА РТ Р-1487: Д. 279. Л. 21). Известный литературный критик, главный редактор Татаиздата, Г.А. Нигмати получил в ВПИ должность доцента и преподавал историю татарской литературы после увольнения Г. Рахима (ГА РТ Р-1487: Д. 279. Л. 21). Ассистентами татарского национального отделения в этот период числились литераторы Г. Тулумбайский, Г. Гали (ГА РТ Р-1487: Д. 208. Л. 26). Стоявших у истоков преподавания татарского языка в вузах Казани Г. Шарафа, Г. Рахима и Д. Валиди, напротив, ожидал закат преподавательской карьеры. В начале 1930-х гг. в татарской периодической печати началась нападки на Г. Рахима и Д. Валиди, во многом инициированные их коллегами Г. Кудояровым и Г. Тулумбайским (Рахимов 1996: 150, 154). Вскоре Д. Валиди и Г. Рахим были репрессированы. Специальные органы обращали внимание на Г. Шарафа еще в конце 1920-х гг. в связи с его выступлениями против латинизации татарского алфавита. В 1930-е гг. его ожидали арест и восемь лет исправительно-трудовых лагерей. Развитие преподавания татарского языка в вузах Казани в последующие годы были связаны с методическими разработками профессоров М.А. Фазлулина, Н.К. Мухутдинова, М.Х. Курбангалиева.

Таким образом, до 1917 г. татарский язык входил в число периферийных учебных курсов историко-филологического факультета Казанского университета. Однако в первые годы советской власти преподавание этой дисциплины в вузах существенно расширилось. Произошло это в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте. Поскольку СВАИЭ был прежде всего центром казанской ориенталистики, татарский язык здесь вели востоковеды, ориентируясь на учебные программы разряда турецко-татарской словесности факультета восточных языков Петроградского университета. После упразднения СВАИЭ татарский язык остался одним из основных предметов в Восточной академии, где к его преподаванию были привлечены представители татарской научной интеллигенции – Г. Шараф, Д. Валиди, Г. Рахим. После смерти Н.Ф. Катанова, отъезда Н.И. Ашмарина и С.Е. Малова они стали ведущими преподавателями этого предмета.

В Восточном педагогическом институте преподавание татарского языка окончательно утратило востоковедческий уклон. Открытое в 1925 г. татарское национальное отделение должно было готовить не языковедов-исследователей, а учителей родного языка для школ второй ступени. При этом объемы, методы и формы обучения татарскому языку постоянно менялись в зависимости от изменений взглядов наркомпросовских чиновников на высшее педагогическое образование. Учебные часы на татарский язык то увеличивали, пытаясь придать татарскому национальному отделению узкопрофессиональный уклон, то уменьшали в пользу обществоведческих дисциплин, пытаясь подготовить педагогов-общественников. Однако наиболее существенной для развития преподавания татарского языка в последующие годы оказалась, на наш взгляд, смена преподавательского состава на татарском отделении в 1929–1930 гг., когда «старую» татарскую интеллигенцию сменили «пролетарские кадры».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГА РТ Р-225. – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 8.

ГА РТ Р-1337 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 18

ГА РТ Р-1339 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 4, 16.

ГА РТ Р-1487 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 39, 56, 75, 129, 172, 195, 208, 271, 279.

Никольский – Никольский Н.В. Национальные отделения Восточного педагогического института (организация и работа) // Новый педагог. Организация и работа в ВПИ в Казани. Итоги 5 лет 1922–1927 гг. Казань, 1927. С. 62–66.

Обозрение 1909 – Обозрение преподавания в Императорском Казанском университете в 1909–1910 учебном году. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1909.

Обозрение 1916 – Обозрение преподавания и наук по факультету восточных языков Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1915 года и в весеннем полугодии 1916 года. Петроград: Типография Б.М. Вольфа, В.О., Волховский пер., 4, 1915.

Обозрение 1917 – Обозрение преподавания в Императорском Казанском университете на 1917–1918 учебный год. Казань.: Типо-литография Императорского университета, 1917.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Валеев Р.М., Валеева Р.З., Хайрутдинов Д.Р. Востоковедение в Казани: Восточный факультет должен существовать при Казанском государственном университете. 1924–1925 // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2020. №3. С. 65–90.

Васильев К.В. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР (1918–1932 годы). Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1966.

Бушуева Л.А. Преподавание татарского языка в вузах Казани в 1920-е гг.: от древнетюркской письменности к Далтон-плану

Кириллова З.Н., Калганова Г.Ф. Применения татарского языка в вузах Татарстана 1920–1930-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. №6 (428). Филологические науки. Вып. 117. С. 71–76.

Мирзагитов Р.Х., Юсупов Р.А. Татарская лингвистика и образование // Вестник Казанского государственного педагогического университета. 2006. №2(6). С. 125–135.

Рахимов С. Дж. Валиди: «У меня разногласия с соввластью» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. №1/2. С. 150–173.

Хайруллина А.И. Социально-экономическая и общественно-политическая характеристика студенчества Восточно-педагогического института г. Казани в 1920-е гг. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.

Сведения об авторе: Бушуева Людмила Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); bushueva9@mail.ru

Поступила 1.10.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

TEACHING THE TATAR LANGUAGE IN KAZAN INSTITUTES OF HIGHER EDUCATION IN THE 1920S: FROM OLD TURKIC WRITTEN LANGUAGE TO THE DALTON PLAN

L.A. Bushueva

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bushueva9@mail.ru*

The article examines the process of the Tatar language teaching formation in Kazan institutes of higher education in the 1920s on the example of institutes in the Humanities sphere: the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute, the Eastern Academy and the Tatar National Branch of the Eastern Pedagogical Institute. The research is based on a wide range of unpublished sources from the funds of the State Archive of the Republic of Tatarstan.

The study examines the curriculum of the disciplines within which the Tatar language was studied, the teaching forms and methods, as well as the formation of a team of specialists who taught the language during that period. Special attention is given to the study of the socio-political conditions in which the Tatar language instruction developed. It has been established that in the first years of the Soviet regime, the Tatar language was taught in Kazan institutes mainly by orientalists. Therefore, teaching this subject was closely related to oriental studies and source studies disciplines. Students mastered not only the spoken Tatar language, but also learned to work with Old Turkic writing manuscripts.

Teaching the Tatar language in the second half of the 1920s was aimed primarily at training teachers of the native language. That period was distinguished by the instability of curricula, the introduction of new teaching methods, including the Dalton plan, and also changes in teaching staff.

Keywords: teaching the Tatar language, North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute, Eastern Academy, national branches of the Eastern Pedagogical Institute

For citation: Bushueva L.A. Prepodavanie tatarskogo yazyka v vuzah Kazani v 1920-e gg.: ot drevneyturkskoy pis'mennosti k Dal'ton-planu [Teaching the Tatar language in Kazan institutes of higher education in the 1920s: from Old Turkic written language to the Dalton plan]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 208–220. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.208-220>

REFERENCES

Valeev R.M., Valeeva R.Z., Khayrtdinov D.R. Vostokovedenie v Kazani: Vostochnyy fakul'tet dolzhen sushchestvovat' pri Kazanskom gosudarstvennom universitete. 1924 – 1925 [Oriental Studies in Kazan: The Oriental studies Faculty Should Exist under Kazan State University. 1924–1925]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2020, no. 3, pp. 65–90. (In Russian)

Vasil'ev K.V. *Ocherki po istorii vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v RSFSR (1918 – 1932 gody)* [Essays on the History of Higher Pedagogical Education in the RSFSR (1918–1932)]. Voronezh: Tsentral'no-chernozemnoe Publ., 1966. (In Russian)

Kirillova Z.N., Kalganova G.F. Primeneniya tatarskogo yazyka v vuzakh Tatarstana 1920–1930-kh gg. [The Use of the Tatar Language in Tatarstan Universities in the 1920s – 1930s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 6 (428). *Filologicheskie nauki*, vol. 117, pp. 71–76. (In Russian)

Rakhimov S. Dzh. Validi: «U menya raznoglasiya s sovlast'yu». [J. Validi: “I Have Disagreements with the Soviet Government”]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 1996, no. 1/2, pp.150–173. (In Russian)

Khayrullina A.I. Sotsial'no-ekonomiceskaya i obshchestvenno-politicheskaya kharakteristika studenchestva Vostochno-pedagogicheskogo instituta g. Kazani v 1920-e gg. [Socio-economic and Socio-political Characteristics of the Students of the Eastern Pedagogical Institute in Kazan in the 1920s. Cand. Sc. Hist. Diss.]. Kazan, 2011. (In Russian)

About the author: Lyudmila A. Bushueva, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow of the Center of History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); bushueva9@mail.ru

Received October 1, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

УДК 94(470)

**СЕКТОР ЯЗЫКА ТАТАРСКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ:
НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД СТАЛИНИЗМА**

A.T. Галимзянова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
alisabitva@mail.ru*

В статье рассматривается деятельность сектора языка Научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) в период ужесточения идеологического контроля над деятельностью советской интеллигенции. Автор показывает влияние известного Постановления «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» (1944 г.) на работу казанских языковедов. На основании архивных материалов впервые отражено воздействие марровской псевдонаучной теории на развитие языкоznания в Татарской республике. Автор отмечает, что казанским ученым неоднократно приходилось пересматривать готовые труды в свете очередных Постановлений ЦК КПСС, хотя идеологический крен мог очень быстро повернуться в противоположном направлении. Частая необходимость изменения содержания научных исследований способствовала застою науки. Данная проблема стала причиной отсутствия опубликованных трудов сектора языка, что создавало впечатление отставания исследовательской деятельности казанских ученых. В целом автор статьи доказывает, что работа языковедов ИЯЛИ соответствовала общим тенденциям развития советской науки и была подчинена политическим установкам коммунистической партии.

Ключевые слова: Институт языка, литературы и истории, Казанский филиал Академии наук, марризм, языкоznание

Для цитирования: Галимзянова А.Т. Сектор языка Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории: научная деятельность в период сталинизма // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 221–230. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.221-230>

Научно-исследовательский институт татарского языка и литературы начал свою деятельность 8 октября 1939 г., хотя его структура и положение были утверждены Постановлением СНК ТАССР еще в августе 1939 г. (Файзрахманов 1989: 96–97). Согласно этому документу Институт наход-

дился в ведении Народного Комиссариата Просвещения ТАССР и работал по утвержденному им плану (ЦПМН ИЯЛИ: Л. 2).

При институте был организован Ученый совет, который первоначально состоял из собственных научных сотрудников, представителей института усовершенствования учителей, Педагогического института, Союза писателей, Татарского издательства, лучших учителей родного языка и литературы, русского языка и литературы в нерусской школе. Состав совета также утверждался Наркомпросом ТАССР. Председателем Совета был директор института (ЦПМН ИЯЛИ: Л. 3). Штат научно-исследовательского института должен был включать 18 человек. Первоначально работа велась в четырех кабинетах – родного языка, родной литературы, методики русского языка и литературы в нерусской школе и фольклора. Во главе каждого стоял заведующий, назначаемый директором по согласованию с Наркомпросом ТАССР.

Штат кабинета родного языка был установлен в количестве 3 сотрудников: специалисты по истории родного края, по современному родному языку и по методическим вопросам (ЦПМН ИЯЛИ: Л. 4об.). В первые годы деятельности среди научных сотрудников института не было ни одного кандидата или доктора наук (Закиев 1989: 13). Заведующий кабинетом Л.З. Залялетдинов получил степень кандидата филологических наук лишь в 1942 г. Но уже к 1947 г. сектор языка был наиболее обеспечен квалифицированными кадрами по сравнению с другими секторами Института: все его сотрудники являлись кандидатами и доцентами (ГА РТ. Ф. 7571. Д. 6: Л. 9).

Кабинет родного языка занимался изучением и разработкой теоретических и практических вопросов, связанных с преподаванием родного языка в нерусских школах, а также изучением вопросов истории языка и современного его состояния (ЦПМН ИЯЛИ: Л. 3).

22 декабря 1939 г. в результате реструктуризации институт стал называться Татарским научно-исследовательским институтом языка и литературы, а в 1941 г. Институтом языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). При этом кабинеты были упразднены, вместо них появились сектора.

Кабинет родного языка был реорганизован в сектор татарского языка, штат которого был сокращен до двух человек посредством упразднения должности сотрудника по методическим вопросам (ЦПМН ИЯЛИ: Л. 16). Из-за нехватки кадров Институту приходилось привлекать к работе научных сотрудников из казанских вузов, так как несмотря на сокращение штата, задачи сектора были расширены. Казанские языковеды занимались исследованиями теоретических и практических вопросов татарского языка, связанных с его историей, развитием, современным состоянием; разработкой научной грамматики татарского языка: основных проблем стилистики, пунктуации, орфографии, терминологии; изучением диалектов татарского языка и составление толковых и общих словарей (ЦПМН ИЯЛИ: Л. 12–13).

Галимзянова А.Т. Сектор языка Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории...

В связи со сменой татарской письменности в 1927 г. на латиницу, затем в 1939 г. на кириллицу одной из важнейших задач сотрудников института стала научная доработка нового алфавита и орфографических основ татарского языка. В 1940 г. ТНИИЯЛИ совместно с Наркомпросом провели научную конференцию языковедов по обсуждению вопросов алфавита, орфографии и грамматики татарского литературного языка. Принятые здесь рекомендации были введены в обиход. В том же году под редакторством Х. Шабанова вышла в свет небольшая книга на татарском языке «Алфавит и орфография татарского языка» (Татар теленең алфавиты һәм орфографиясе / жав. ред. Х. Шабанов; ТТӘФТИ. Казан: Татгосиздат, 1941. 23 б.). Разработка татарского алфавита еще долгие годы сохраняла свою актуальность, о чем свидетельствует встреча директора ТНИИЯЛИ Х.Х. Ярмухаметова с секретарем ОК ВКП (б) В.Д. Никитиным в мае 1944 г., на котором обсуждалась указанная выше проблема. Институту было поручено и в дальнейшем работать над усовершенствованием алфавита.

В это время языковеды занимались составлением научной грамматики татарского языка. В 1939 г. институт опубликовал учебное пособие для учителей начальных классов под авторством Г. Сагди и Л. Заяллетдинова, которое было дополнено и переиздано в 1941 г. (Сәгъди Г. Систематик диктантлар жыентығы: Башлангыч мәктәп уқытучылары өчен кулланма / Г. Сәгъди, Л. Жәләй. Казан: Татгосиздат, 1939. 96 б.; Сәгъди Г. Систематик диктантлар жыентығы: Башлангыч мәктәп уқытучылары өчен кулланма / Г. Сәгъди, Л. Жәләй. Казан: Татгосиздат, 1941. 126 б.). Тогда же вышла работа Х. Хисматуллина «Упражнения по пунктуации» (Хисмәтүллин Х. Тыныш билгеләре буенча күнегүләр / Х. Хисмәтүллин; ред. Л. Жәләй. Казан: Татгосиздат, 1941. 81 б.).

В задачи сектора языка входило изучение татарских диалектов. С целью подготовки специалистов в этой области был организован научный кружок среди студентов пединститута, посетители которого затем работали в экспедициях (ЦПМН ИЯЛИ: Л. 5). В 1940 г. С. Амировым был издан опросник по изучению татарской диалектологии. Скорее всего его использовали участники научных поездок. К 1941 г. предполагалось завершить составление диалектологического словаря и словаря справочника нетатарских восточных слов. Но план не был выполнен. В конечном итоге диалектологический словарь был опубликован лишь в 1948 г.

В 1942 г. сектор планировал подготовить к печати методическое пособие по орфографии татарского языка, научную транскрипцию татарского языка, I и II части грамматики татарского языка (Морфология, Синтаксис). Однако с началом Великой Отечественной войны до марта 1942 г. работа института была свернута. После возобновления научно-исследовательской деятельности дефицит кадров и многотемность плановой работы сохранялись еще долгие годы. Это послужило тому, что в годы войны не было опубликовано ни одного монументального научного труда. Тем не менее к 1944 г. была завершена рукопись «Знаки препинания» (Л.З. За-

лялетдинов), написаны «Татарский язык за 25 лет», «Язык газеты» (Ш.А. Рамазанов), кроме того была подготовлена основная часть «Принципов для составления терминологического словаря татарского литературного языка», закончена большая работа по составлению «Русско-татарского военного словаря», подготовлены к печати избранные труды языковеда Г.А. Алпарова, диалектологический словарь, словарь восточных слов, составлена библиография источников и литературы по татарскому языкоznанию (ГА РТ. Ф. 7571. Д. 3: Л. 12).

В связи с выходом Постановления ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» Татарский Обком ВКП (б) провел проверку деятельности НИИЯЛИ (Gallyamova et al. 2020: 190; Галлямова 2015: 328). Несмотря на то, что основная критика была направлена на работу историков и литературоведов, отметили и слабую работу сектора татарского языка. В качестве главной проблемы было указано на неспособность сектора обеспечить составление научной грамматики татарского языка. В справке Обкома говорилось, что институтом абсолютно ничего не было сделано «по дальнейшему изучению, улучшению новой орфографии и внедрению алфавита на основе русской графики в массы. От этого важнейшего государственного дела институт совершенно отстранился» (Измайлова, Гибадуллина 1996: 99).

При обсуждении специального Постановления ОК ВКП (б) «О работе и ошибках ТНИЯЛИ» (6 октября 1944 г.) сотрудникам пришлось «признать» все свои ошибки, а секретарь партгруппы Х. Гимади указал на ошибочность выставления языка Золотой Орды современным татарским языком (ГА РТ. Ф. 7571. Д. 3. Л. 80). С этого времени начинает доминировать т.н. булгарская теория происхождения татар, которая была официально закреплена на «Научной сессии о происхождении казанских татар», проведенная в апреле 1946 г. в Москве совместно с Отделением истории и философии АН СССР и Казанским филиалом АН СССР. Языковедов на ней представлял Л.З. Залялетдинов, выступивший с докладом «К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка)». По его мнению, «татарский язык сформировался в результате консолидации местных тюркских говоров, принадлежавших различным местным тюркским племенам» и не является продолжением языка пришельцев из Алтая или продолжением языка монголо-татарских завоевателей (Залялетдинов Латыф Залялетдинович 2020). Таким образом, Л.З. Залялетдинов показал, что научные исследования казанских языковедов были направлены в нужном партии русле.

В это время ИЯЛИ входил в структуру КФАН СССР, организованного в 1945 г., а сектор татарского языка был объединен с сектором русского языка. Находясь в подчинении вновь образованной научной организации, сектор языка, помимо уже имеющихся задач по созданию диалектологии татарского языка, курса научной грамматики татарского языка и словарей,

должен был заниматься изучением специфики преподавания русского языка в татарской школе в связи с особенностями родного языка и составлением VII тома диалектологического атласа русского языка. Эта работа была возложена на институт Академии наук СССР (ГА РТ. Ф. 4557. Д. 4: Л. 263).

После Постановления Президиума АН ССР «Об итогах августовской сессии ВАСХНИЛ» в 1948 г. разворачивается борьба «с различного рода идеалистическими течениями и низкопоклонством перед западом». В соответствии с новым духом времени, когда критиковалось использование зарубежных достижений науки, особо популярным стало разработанная отечественным ученым, академиком Н.Я. Марром новая теория о языке. Труды Марра в обязательном порядке начали изучаться в высших учебных заведениях и даже некоторых школах, запрещалось указание на традиционное родство языков, были прекращены исследования по сравнительной и сопоставительной грамматике, возобновилось требование анализа по четырем элементам.

В свете новых программных установок деятельность сектора языка снова подверглась проверке. На партсобрании института было сказано, что некоторые сотрудники секторов языка и литературы не критически подходят к старой тюркологии, недостаточно разоблачают «теории единого потока» и формализма в литературоведении (ГАРТ. Ф. 4557. Д. 7. Л. 32). Главным недостатком стал факт отстраненности сектора языка от изучения материалистического наследия академика Н.Я. Марра в лингвистике. Для решения этой проблемы в январе 1949 г. дирекция института организовала научную конференцию «Борьба Н.Я. Марра с идеалистическим и формалистическим языкоznанием». На ней присутствовало 75 человек, из которых четверо выступили с докладами (ГА РТ. Ф. 4557. Д. 8. Л. 7). Кроме того, через Общество по распространению знаний было поручено популяризовать учение Н.Я. Марра среди учителей и научных работников (ГА РТ. Ф. 4557. Д. 7. Л. 32).

Государственная поддержка псевдонаучной теории затормозила развитие советской лингвистики. Кроме словарей сектор языка в эти годы не опубликовал ни одного исследования¹. Затянулась работа по подготовке научной грамматики татарского языка. В диалектологии не были получены существенные результаты, был издан лишь «Вопросник по изучению диалектов татарского языка» (Жәләй Л. Татар теле диалектларын ейрәнү

¹ В 1948 г. были изданы русско-татарский, диалектологический, орографический словари татарского языка. В 1950 г. были опубликованы татарско-русский, русско-татарский словари терминов по психологии и педагогике. В Министерство просвещения были сданы терминологические словари по химии, языкоznанию, математике и физике, планировалось завершение словаря по географии. На ИЯЛИ было возложено консультирование и рецензирование политсловаря, составителем которого являлся Татгосиздат.

буенча сораулык. Казан, 1949. 76 б.) и «Блокнот диалектолога» (Жәләй Л. Диалектолог блокноты. Казан, 1950. 79 б.). Приостановилась публикация готовых учебных пособий, поскольку все изданные или подготовленные к изданию труды сектора языка должны были подвергнуться пересмотру согласно «новому учению об языке» с последующим обсуждением на заседании Ученого совета (ГА РТ. Ф. 4557. Д. 7. Л. 32).

Качественные изменения в научно-исследовательской деятельности сектора языка начались в 1950 г. после выхода в свет статьи И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой марксизм был официально заклеймен как антинаучное учение. Эта статья стала программным документом. Работа советских языковедов и всех деятелей общественных наук была повернута в противоположном направлении. Партсобрание Института, ранее критиковавшее сотрудников сектора языка за то, что они стоят в стороне от изучения материалистического наследия академика Н.Я.Марра, теперь наоборот осуждало исследователей (Е.К. Бахмутова, Ш.А. Рамазанов, Л.З. Залялетдинов, В.Н. Хангильдин) за то, что в их трудах прослеживались вульгаризация и упрощение марксизма (ГА РТ. Ф. 4557. Д. 9: Л. 42).

На заведующего сектором языка была возложена обязанность в течение месяца провести расширенное заседание, на котором должны были быть обозначены конкретные мероприятия по изучению статьи И.В. Сталина и «вскрыты ошибки марровского толка», допущенные научными сотрудниками института. Руководство поручило пересмотреть все изданные учебники и программы по татарскому языку и литературе для 5–10 классов средней школы, педагогических училищ и вузов, а также все готовые работы сектора по научной грамматике и диалектологии. В результате были подвергнуты критике и заново обсуждены ранее опубликованные труды, переработаны и отредактированы подготовленные к печати «Очерки по морфологии современного татарского языка» (В.Н. Хангильдин), «Татарская диалектология» (словарь, 2-е издание) (Л.З. Залялетдинов), «Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков» (Р.С. Газизов), «Труды Алпарова» (Ш.А. Рамазанов) и сравнительная грамматика русского и татарского языка (ГА РТ. Ф. 4557. Д.10: Л. 66). Одновременно сотрудники института выступили в местной печати с критикой ранее опубликованных работ татарских языковедов, написанных под влиянием учения Н.Я. Марра.

В связи со «вскрывшимися ошибками» возникла необходимость пересмотреть структуру сектора языка с точки зрения организации в нем трех основных групп (группа татарского литературного языка, группа истории татарского языка, татарской и русской диалектологии, словарная группа) (ГА РТ. Ф. 4557. Д. 9: Л. 48). Скорее всего целью такого разделения являлась мобилизация деятельности сотрудников по одному конкретному научному направлению для повышения результативности работы сектора.

В то же время стояла задача по составлению нового пятилетнего плана, который утверждался в самых высоких инстанциях. Но научно-исследовательский план сектора многократно пересматривался. Сначала это произошло под влиянием Постановления бюро ОК ВКП(б) от 18 января 1952 г., в котором указывалось на серьезные ошибки политического характера в учебнике по татарской литературе для 8 класса средних школ. При обсуждении этого постановления внутри Института, во время которого критика касалась прежде всего сектора литературы, были сделаны замечания и в адрес сектора языка, работа которого, по мнению партигруппы, разворачивалась достаточно медленно. Было указано, что до сих пор не прошла обсуждения «Морфология татарского языка» (В.Н. Хангильдин), которая была исправлена после выхода в свет трудов И.В. Сталина по языкоznанию (ГА РТ. Ф. 4557. Д. 12: Л. 11). Выражались опасения по работе Л.З. Залялетдинова над «Диалектологией татарского языка», которую никто не читал и на которую не были написаны рецензии. Опасения были связаны с тем, что Л.З. Залялетдинов являлся одним из авторов учебника по татарской литературе для 8 класса, в котором ОК ВКП(б) еще в 1949 г. обнаружил «ошибки». К тому же последняя на тот момент статья Л.З. Залялетдинова о литературном языке подверглась критике в газете «Совет Татарстаны». В ней указывалось на недопонимание исследователем сущности сталинского учения о языке. Ни работа Л.З. Залялетдинова, ни критикующая ее статья в секторе не обсуждались. Сам ученый открыто говорил своим коллегам, что не допустит обсуждения своих трудов. Он не мог принять политику вмешательства партии в науку и с удивлением вопрошал, когда от него требовали писать о коммунизме при изложении истории древней литературы (ГА РТ. Ф. 4557. Д. 10: Л. 38).

В мае 1952 г. появились новые указания по составлению научно-исследовательского плана (ГА РТ. Ф. 4557. Д. 11: Л. 10). Согласно этим указаниям в проекте научно-исследовательского плана сектора языка остались темы по изучению татарского литературного языка (грамматики, лексики, истории), составлению большого русско-татарского словаря и VII тома Диалектологического словаря русского языка. Изучение специфики преподавания русского языка в татарской школе было приостановлено.

Однако в свете решений XIX Съезда ВКП (б) (октябрь 1952 г.) планирование было вновь пересмотрено. В план включили проблемы грамматического строя языка: современный татарский язык (его история и диалектология), диалекты русского языка для атласа, основной словарный фонд и словарный состав языка с целью составления II тома русско-татарского словаря (ГА РТ. Ф. 4557. Д. 13: Л. 57).

В последнем квартале 1952 г. сектору языка пришлось вновь заниматься исправлением готовых научных работ в свете XIX Съезда и очередного труда И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Снова исправилось исследование «Очерки по морфологии татарского языка» (ГА РТ. Ф. 4557. Д. 13: Л. 58).

Таким образом, деятельность сектора языка ИЯЛИ развивалась в жестких условиях подчинения партийным программам и идеологии. Научным сотрудникам неоднократно приходилось пересматривать результаты исследований согласно новым публикациям И.В. Сталина и указаниям высших инстанций СССР. В связи с тем, что казанским языковедам приходилось переписывать готовые труды по несколько раз, создавалось впечатление застоя в научно-исследовательской деятельности сектора языка. Тем не менее за первые 14 лет его появления была проделана масштабная работа по диалектологии татарского языка, решены многие вопросы, касающиеся грамматики современного татарского языка, опубликованы учебные пособия и словари.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

- ГА РТ. Ф. 4557. Д. 4 – Государственный архив Республики Татарстан.
Ф. 4557. Оп. 1. Д. 4.
- ГА РТ. Ф. 4557. Д. 7 – Государственный архив Республики Татарстан.
Ф. 4557. Оп. 1. Д. 7.
- ГА РТ. Ф. 4557. Д. 8 – Государственный архив Республики Татарстан.
Ф. 4557. Оп. 1. Д. 8.
- ГА РТ. Ф. 4557. Д. 9 – Государственный архив Республики Татарстан.
Ф. 4557. Оп. 1. Д. 9.
- ГА РТ. Ф. 4557. Д. 10 – Государственный архив Республики Татарстан.
Ф. 4557. Оп. 1. Д. 10.
- ГА РТ. Ф. 4557. Д. 11 – Государственный архив Республики Татарстан.
Ф. 4557. Оп. 1. Д. 11.
- ГА РТ. Ф. 4557. Д. 12 – Государственный архив Республики Татарстан.
Ф. 4557. Оп. 1. Д. 12.
- ГА РТ. Ф. 4557. Д. 13 – Государственный архив Республики Татарстан.
Ф. 4557. Оп. 1. Д. 13.
- ГА РТ. Ф. 7571. Д. 3 – Государственный архив Республики Татарстан.
Ф. 7571. Оп. 1. Д. 3.
- ГА РТ. Ф. 7571. Д. 6 – Государственный архив Республики Татарстан.
Ф. 7571. Оп. 1. Д. 6.
- ЦПМН ИЯЛИ – Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 52. Оп. 1.
- Залиятдинов Латыф Залиятдинович // Казанская тюркологическая школа. Персоналии. <https://kpfu.ru/philology-culture/ktsh/personalii/zalyaletdinov-latyf-zalyaletdinovich> (Дата обращения 19.08.2021).

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Khanipova I.I. The Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in August 1944 and the Tatar Intelligentsia // Золотоординское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 185–199. <http://dx.doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199>

Галимзянова А.Т. Сектор языка Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории...

Галлямова А.Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2015.

Закиев М.З. 50 лет поисков и открытий // 50 лет поисков и открытий / под ред. Р.Г. Сибгатуллина, Ф.С. Манасыпова, Казань: Таткнигоиздат, 1989.

Измайлова И., Гибадуллина Р. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. № 3/4. С. 96–101.

Файзрахманов Г.Л. Развитие гуманитарных исследований в сороковые–восьмидесятые годы (к 50-летию Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР) // Великий Октябрь и вопросы формирования татарской социалистической нации / отв. ред. М.К. Мухаряров. Казань, 1989. С. 96–122.

Сведения об авторе: Галимзянова Алина Тагировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); alisabitva@mail.ru

Поступила 20.08.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

THE DEPARTMENT OF LANGUAGE STUDIES OF THE RESEARCH INSTITUTE OF LINGUISTICS, LITERATURE AND HISTORY: ITS SCHOLARLY ENDEAVOR IN THE PERIOD OF STALINISM

A.T. Galimzyanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
alisabitva@mail.ru*

This paper presents the scientific work of the Department of Language Studies of the Research Institute of Linguistics, Literature and History (IYALI) during the period of the tightening ideological control over the Soviet intelligentsia activities. The author considers the effect on the work of Kazan linguists of the well-known Resolution "On the status and measures for improving the social and political, ideological activities in the Tatar party organization" (1944). According to the archive materials, the impact of Marr's pseudoscientific theory on the development of linguistics in the Tatar Republic is reflected for the first time. The author notes that Kazan scholars repeatedly had to revise the finished works in the wake of yet another resolutions of the CPSU Central Committee, despite the fact that the ideological tilt could very quickly turn in the opposite direction. The frequent need for changing the results of academic research led to stagnation of research. This problem was also the reason for the lack of published works of the Department of Language Studies, which gave the impression that the research activities of Kazan scholars were lagging behind. In general, the author of the presented article

proves that the work of the IYALI linguists corresponded to the general trends in the development of Soviet science and was subordinate to the political guidelines of the Communist Party.

Keywords: The Research Institute of Linguistics, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, Marrism, linguistics

For citation: Galimzyanova A.T. Sektor yazyka Tatarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii: nauchnaya deyatel'nost' v period stalinizma [The Department of Language Studies of the Research Institute of Linguistics, Literature and History: its scholarly endeavor in the period of Stalinism]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 221–230. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.221-230>

REFERENCES

Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Khanipova I.I. The Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in August 1944 and the Tatar Intelligentsia. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 185–199. <http://dx.doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199> (In English)

Gallyamova A.G. *Tatarskaya ASSR v period poststalinizma (1945–1985 gg.)* [Tatar ASSR in the Post-Stalinism Period (1945–1985)]. Kazan: Tatar Book Publ., 2015. (In Russian)

Zakiev M.Z. *50 let poiskov i otkrytiy* [50 Years of Search and Discoveries]. Kazan: Tatar Book Publ., 1989. (In Russian)

Izmaylov I., Gibadullina R. “Ne dano marksistskoy otsenki Zolotoy Orde” [“Marxist assessment of the Golden Horde Not Given”]. *Gasyrlar avazy – Echo vekov*, 1996, no. 3/4, pp. 96–101. (In Russian)

Fayzrakhmanov G.L. Razvitiye gumanitarnykh issledovaniy v sorokovyevos'midesyatye gody (k 50-letiyu Instituta yazyka, literatury i istorii im. G. Ibragimova KF AN SSSR) [Development of Humanities Research in the 40s – 80s (to the 50th anniversary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History of the USSR Academy of Sciences Kazan Branch)]. *Velikiy Oktyabr' i voprosy formirovaniya tatarskoy socialisticheskoy natsii*. Kazan, 1989, pp. 96–122. (In Russian)

About the author: Alina T. Galimzyanova, Cand. Sc. (History), Research Fellow of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); alisabitva@mail.ru

Received August 20, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

УДК 94 (470.41)

**СОЗДАНИЕ КАФЕДРЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
В КАЗАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С СЕРЕДИНЫ 1940-Х – 1950-Е ГОДЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

И.И. Ханирова

*Институт истории им. Ш. Марджсани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ihanipova@mail.ru*

В статье проанализированы документальные материалы Государственного архива Республики Татарстан, связанные с историей становления и деятельности кафедры/отделения татарского языка и литературы Казанского университета с середины 1940-х – 1950-е гг. Изучение протоколов кафедры позволило выявить состав преподавателей, основные направления ее работы в первые послевоенные годы, материально-техническое оснащение и особенности организации учебного процесса. Сделан вывод, что деятельность отделения татарской филологии внесла весомый вклад в определение дальнейших путей развития татарского филологического образования, продемонстрировала значимость сохранения языка для культуры татарского народа.

Ключевые слова: национальные кадры, КГУ, отделение татарского языка и литературы, татарская филология, государственная политика в области национального образования

Для цитирования: Ханирова И.И. Создание кафедры татарского языка и литературы в Казанском государственном университете и ее деятельность с середины 1940-х – 1950-е гг. (по материалам Государственного архива Республики Татарстан) // Историческая этнография. 2021. Т. 6, №2. С. 231–242. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.231-242>

В фонде «Казанский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина Министерства высшего и среднего специального образования СССР» Государственного архива Республики Татарстан отложились материалы, свидетельствующие о начальном периоде деятельности кафедры/отделения татарского языка и литературы Казанского государственного университета. В отличие от документации других кафедр историко-филологического фа-

культета КГУ, представленных ежегодными протоколами, отчетами, планами научно-исследовательской и учебно-воспитательной работы кафедр, программами спецкурсов и спецсеминаров, стенограмм лекций и т. п., документация кафедры татарского языка и литературы первого десятилетия, к сожалению, неполная. Материалов о первом пятилетии работы кафедры практически не сохранилось.

В основном в делах преобладали материалы планового характера. Например, после плана работы кафедры татарского языка на 1945–1946 г. (Д. 42), следующими документами по кафедре, хранящимися в описи фонда, являются протоколы, учебные программы (Д. 166–167), планы работы (Д. 226–228). Они уже датируются 1950–1951 учебным годом. С этого времени и началась ежегодная подробная документация – планы научно-исследовательских работ, научных экспедиций кафедры, годовые отчеты и т. п.

Отделение татарского языка и литературы было открыто на историко-филологическом факультете Казанского университета осенью 1944 г. (Тумашева 1996). Приказом 4 «Б» Всесоюзный Комитет по делам высшей школы при СНК СССР от 24 апреля 1944 г. «Об организации кафедры татарского языка и литературы при Казанском Государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина» был утвержден штат кафедры из 4 единиц – заведующий кафедрой (профессор), доцент кафедры, ассистент и лаборант (Тумашева 1996: 216). Р.Р. Замалетдинов и М.М. Хабутдинова. Специалисты, подробно изучившие документы личного характера – воспоминания, дневники, письма преподавателей и студентов первых наборов отделения татарского языка и литературы, отмечали, что «известие о создании отделения татарского языка и литературы в Казанском университете вызвало небывалый подъем в среде татарского народа». Сам факт существования татарского отделения, несмотря на материальные трудности времени и некоторые организационные проблемы, вызвал чувство гордости у первых студентов, будущих деятелей татарстанской науки и культуры (Замалетдинов, Хабутдинова 2018: 103–105).

Отчитываясь о работе кафедр историко-филологического факультета за 1943–1944 учебный год, декан факультета А.Н. Вознесенский отмечал, что сотрудники факультета неоднократно обсуждали вопрос, связанный с организацией двух новых отделений – отделения классической филологии и отделения татарского языка и литературы. В этой связи ставилась задача не только восстановления работы кабинетов истории, литературы и языкоznания, но и подбора кадров для отделения татарского языка и литературы (ГА РТ Д. 32: Л. 9об., 10 об.). На кадровый голод как на одну из главных проблем первых лет деятельности отделения татарского языка и литературы справедливо указывали казанские исследователи Р.Р. Замалетдинов и М.М. Хабутдинова (Замалетдинов, Хабутдинова 2018: 109).

*Ханипова И.И. Создание кафедры татарского языка и литературы
в Казанском государственном университете...*

После обсуждения на Ученом совете историко-филологического факультета 13 апреля 1945 г. на должность заведующего, а также доцента по кафедре татарского языка и литературы была избрана Р.А. Хакимова, ученица известного российского и советского ученого-востоковеда Н. Марра. Будучи прекрасным организатором, Рабига Афзаловна сумела наладить и рабочий, и творческий процесс. Уже на заседании Ученого совета ист-филфака 27 июня 1945 г., докладывая о работе за отчетный период и указывая на трудности в работе – затруднения с подбором штата и составом преподавателей во время формирования педагогического коллектива, текучесть студенческого состава, отсутствие программ и учебных планов, Р.А. Хакимова отмечала, что к этому моменту многие проблемы начали разрешаться. К примеру, произошло укрепление кафедры.

Направление научно-исследовательской работы кафедры татарского языка и литературы на 1945–1946 учебный год определялось задачами пятилетнего плана НИР. Доцент Р.А. Хакимова планировала продолжить изучение языка произведений Ш. Марджани и Мусы-Акъегет-Задэ – предшественников Г. Тукая, жизнедеятельности Г. Тукая. Старший преподаватель С. Бикбулатов занялся анализом словаря Махмуда Кашгари. Доценты Ш.А. Рамазанов и Л.З. Залятдинов, старший преподаватель Б. Яфаров готовили доклады для литературного кружка (ГА РТ Д. 42: Л. 1). По предложению Ученого совета членами кафедры была составлена записка «Об организации подготовительных курсов для татар для дальнейших приемов», а в качестве меры обеспечения нового приема на татарское отделение и в целях поднятия интереса к татарскому отделению университета – организованы лекции по вопросам татарской культуры (ГА РТ Д. 29: Л. 23об.).

На 1950–1951 учебный год кафедрой татарского языка и литературы были разработаны учебные программы по татарскому народному творчеству, татарской литературе XIX в., татарской советской литературе, методике преподавания литературы (ГА РТ Д. 167: Л. 1–51; ГА РТ Д. 168: Л. 1–45]. В них подчеркивалось отсутствие курсов татарской литературы в учебных планах татарских школ (мектебе и медресе) вплоть до начала XX в. (ГА РТ Д. 167: Л. 1). Сотрудники кафедры трудились над созданием курса истории татарской литературы, в том числе советского периода, изучая творчество Шакира Мухаметова, Гумера Баширова, занимались разработкой проблем татарского языка и его истории, исторической грамматики (ГА РТ Д. 228: Л. 5). Тексты, с которыми работали филологи тех времен, очень важны для современных историков, занимающихся проблемами советского периода. Так, в учебных программах по татарскому народному творчеству анализировались дореволюционное устное народное творчество рабочих фабрик и заводов, сказки и сказы рабочих, реализм и специфика народных произведений. Рассматривалось отражение в песнях

и байтах, фабрично-заводских песнях – частушках – специфики труда, условий труда и эксплуатация рабочих (*шахта жыры*). Еще одна немаловажная задача, решавшаяся кафедрой в 1950-е гг. – собрание татарского советского народного творчества эпохи восстановления народного хозяйства – песни и частушки о новостройках, сельском хозяйстве, индустриализации и коллективизации, о борьбе с врагами народа («*Мирсаит бәете*», «*Гаптиева бәете*», «*Серно-кислотный цех бәете*», «*Комсомолец Рәхи бәете*»), сохранение массовых песен времен Великой Отечественной войны – («*Юксыну*») (ГА РТ Д. 168: Л. 5, 6).

Существенно тормозило научно-исследовательскую работу, в том числе со студентами, отсутствие должной материальной базы – кабинета татарского языка и литературы, имевшихся у других кафедр. Небольшим по объему был и книжный фонд кафедры, кабинет был обеспечен только теми изданиями книг и журналов, какие вышли из печати за период ее существования (т. е. за 5–6 лет). Отсутствовали наглядные пособия, крайне необходимые для учебного процесса. Помещение, выделенное под кафедру, было тесным, неудобным для научно-исследовательской работы коллектива и самостоятельной работы студентов. Со временем материальное оснащение кафедры постепенно улучшалось – появились пишущие машинки с арабо-персидской литературой, множительные аппараты, фотолаборатория и т.п. (Замалетдинов, Хабутдинова 2018: 109).

В начале 1950-х гг. большое внимание в университетской среде уделялось вопросам языкоznания. Опубликованная статья И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания» вызвала массовую, безусловно инициированную, реакцию научного сообщества (Сессия отделений общественных наук 1951), оказав свое влияние и на деятельность кафедры /отделения татарского языка и литературы. Выполнение приказа Министерства высшего образования СССР № 1332 от 7 августа 1951 г. «О мерах по дальнейшему улучшению учебной и научной работы в области языкоznания» строго контролировалось Главным управлением университетов. Уже к 25 января 1952 г. требовался отчет о проведенных в соответствии с приказом мероприятиях (ГА РТ Д. 237: Л. 46).

Об активной «перестройке» работы языковедческих кафедр историко-филологического факультета Казанского государственного университета после выхода в свет указанной работы И.В. Сталина свидетельствуют многочисленные партийные собрания университета, посвященные вопросам организации НИР в новых условиях, пересмотр учебных планов и программ, критика работы лингвистических кафедр на основе учения Н.Я. Марра, принятие мер по устранению недостатков и ошибок в преподавании вплоть до стенографирования читаемых лекций (ГА РТ Д. 238: Л. 118–125, 119, 121, 126). Пересматривалась и заново утверждалась тематика научных, диссертационных и студенческих работ по кафедрам рус-

Ханирова И.И. Создание кафедры татарского языка и литературы
в Казанском государственном университете...

ского языка и татарского языка и литературы. Так, доцент Я.Х. Агишев вынужден был изменить свою исследовательскую тему. Он начал работать над темой «Творчество Шакира Мухамедова». Кафедра татарского языка и литературы совместно со специалистами по татарскому языку и литературе из КГПИ и Казанского филиала АН СССР разработала новые программы по общим и специальным курсам татарского языка и литературы, утвержденные позднее Ученым советом истфилфака: «Введение в языкознание», «История татарского литературного языка», «Татарская диалектология», «Современный татарский язык», «Сопоставительная грамматика татарского и русского языка». Согласно пересмотренному плану НИР кафедра стала изучать языковые особенности татар-мишар. А в обязанность членов кафедр русского и татарского языка была возложена пропаганда учения И.В. Сталина среди учителей школ г. Казани и Татарской АССР (ГА РТ Д. 238: Л. 122, 124).

В докладной записке ректору Казанского государственного университета профессору Д.Я. Мартынову о выполнении приказа декан истфилфака, доцент М.И. Абдрахманов отмечал, что на основе «гениального» труда И.В. Сталина прошла перестройка учебной и научной работы языковедческих и литературоведческих кафедр. Помимо общефакультетского теоретического семинара преподавателей, свои работы в свете сталинского труда скорректировали члены всех кафедр. Так, для семинара кафедрой татарского языка и литературы были разработаны доклады на темы: «Проблемы развития соцреализма в татарской литературе в свете трудов тов. Сталина о языкознании» (доц. Х.У. Усманов), «Демократические традиции татарской литературы в свете последних трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания» (доц. Я.Х. Агишев), «Основа языка памятника Булгарского периода XIV в. Нахж эль Фарадис» в свете трудов тов. Сталина по вопросам языкознания» (асс. Ишмухаметов). Кафедрой были пересмотрены темы курсовых и дипломных работ в направлении тесной конкретно-исторической связи грамматического строя и основного словарного фонда, усиления и активизации работы по изучению процессов образования и развития языков народов СССР, разработки вопросов стилистики национального языка. Члены кафедры занялись исторической морфологией татарского языка (Л.З. Заяллетдинов), вопросами законов внутреннего развития татарского языка в свете сталинского учения о языке (Л.И. Яфаров), акцентировали внимание на изучении творчества представителей татарской литературы досоветского и советского периодов (ГА РТ Д. 237: Л. 468, 49). К реализации указаний И.В. Сталина в работе «Марксизм и вопросы языкознания» были привязаны мероприятия кафедры, в том числе и составление программ по языковедческим предметам в 1950–1951 учебном году (ГА РТ Д. 138: Л. 12). Именно эта «излишняя идеино-политическая направленность» учебного процесса стала вызывать недов

вольство у свободомыслящих представителей студенчества (Замалетдинов, Хабутдинова 2018: 104–105).

Тем не менее Пленум Казанского госкомитета ВКП(б) 26 февраля 1951 г., посвященный учебно-воспитательной и научной работе в Казанском университете, по-прежнему указал на недостатки в перестройке работы университета в свете трудов И.В. Сталина по вопросам языкоизнания. Указывалось на медленный темп перестройки членов кафедры русского языка под учение вождя, недостаточный уровень читаемых лекций, семинаров и практических занятий, недостаточное количество взаимопосещений, стенографируемых лекций, застенографированные же «обсуждаются без творческой дискуссии, развертывания большевистской критики и самокритики» (ГА РТ Д. 238: Л. 124, 125). Проверяющие отметили и медленный темп повышения научной квалификации членов кафедр русского и татарского языка, слабую обеспеченность языковедческих кафедр высококвалифицированными научно-преподавательским кадрами (обе кафедры возглавлялись на тот момент доцентами, а не профессорами).

Между тем, кафедра татарского языка и литературы росла численно и качественно. К сентябрю 1951 г. в ней под руководством заведующего Х.У. Усманова был укомплектован новый состав (2 доцента, 1 старший преподаватель, 1 ассистент, 4 аспиранта, 1 лаборант), что способствовало налаживанию учебного процесса, созданию новых курсов. В связи отсутствием учебников и учебных пособий по читаемым курсам татарского языка и татарской литературы кафедра поставила перед каждым преподавателем задачу написания конспектов лекций по наиболее важным разделам программ. В частности Х.У. Усманов писал о творчестве М. Гафури, Я.Х. Агишев – о писателе Шакире Мухамедове (ГА РТ Д. 226: Л. 43, 45).

В начале 1950-х гг. в состав кафедры татарского языка и литературы входили кандидат филологических наук Х.У. Усманов (заведующий кафедрой), доцент Я.Х. Агишев, доцент Л.З. Залялетдинов (Л. Заляй), ассистент Г. Ишмухаметов, старший преподаватель Л. И. Яфаров (занимался разработкой нового учебного курса по татарскому синтаксису) (ГА РТ Д. 238: Л. 11). Сотрудники занялись повышением научной квалификации, в 1951–1952 учебном году к кафедре были прикреплены 4 аспиранта – 2 второго и 2 первого года обучения. По мере ее укрепления новыми кадрами в начале 1951–1952 учебного года вновь был поставлен вопрос об очередном пересмотре учебных программ по татарскому языку и литературе, который проводился с привлечением специалистов – научных работников научно-исследовательских учреждений и вузов ТАССР.

На деятельности кафедры татарского языка и литературы сказывались и т. н. политico-идеологические нападки на школьные учебники по литературе. В связи с выявленными в учебнике за 8 класс «серезными ошибками в освещении истории татарской литературы дооктябрьского

периода», бюро Татобкома поставило перед литературоведами и языковедами совершенно новые вопросы по разработке проблем татарской литературы и языка. Кафедра была вынуждена переключиться на решение этих неотложных вопросов. В отчете кафедры о НИР за 1952 г. отмечалось: «В самом начале 1952 г. бюро Татобкома ВКП(б) вынесло решение об учебнике литературы для 8 класса татарских школ. Были вскрыты идеологические извращения в освещении истории татарской литературы. Кафедра вынуждена была заново пересмотреть учебные планы, программы по татарской литературе и языку. По вопросам истории и характеру татарского просветительства проведены дискуссии с привлечением научных работников филиала АН СССР, педагогического института и писателей республики (ГА РТ Д. 238: Л. 113). К написанию учебника были привлечены Х.У. Усманов и Я.Х. Агишев. Создание нового учебника стало важнейшим и чрезвычайно ответственным заданием и требовало большого напряжения в работе. Рукопись была запущена в производство лишь после неоднократного рецензирования, изучения специальной комиссией и обсуждения в Татобкоме ВКП(б) (ГА РТ Д. 238: Л. 10).

В середине 1950-х гг. кафедра татарского языка и литературы продолжала работу по двум основным направлениям – развитие критического реализма в дореволюционный и соалистического – в советской татарской литературе, и внутренние законы развития татарского языка (ГА РТ Д. 238: Л. 8), занималась созданием истории татарской литературы, подготовкой к печати учебных пособий (ГА РТ Д. 365: Л. 1). 29 ноября 1955 г. представители кафедры приняли участие в Заседании президиума Союза писателей ТАССР, где прошло обсуждение составленного А.К. Гиниятуллиной библиографического справочника¹ – первого опыта сводного пособия по советской татарской художественной литературе (ГА РТ Д. 398: Л. 15).

Проблемы, связанные с преподаванием татарского языка в средней школе, свертыванием татарских школ как в ТАССР, так и в районах традиционного проживания татар за ее пределами, сужением в целом сфер применения татарского языка, оказывались на состоянии учебного процесса школы высшей. Обсуждая итоги преподавания татарского языка на факультетах КГУ в мае 1959 г., преподаватели высказывали свои мнения, суждения о возникающих в образовательном процессе проблемах. А. Яхин, преподававший на почасовой основе на географическом факультете, отмечал, что основная группа студентов не знала татарского языка, в связи с чем поддержал предложение М. Закиева об организации специальных групп для мало владеющих языком. Ф. Ганиев, также преподававший

¹ Речь идет о: Гиниятуллина А. Писатели советского Татарстана. Библиографический справочник. Казань: Таткнигоиздат, 1957.

на геофаке, высказывал мнение о необходимости переиздания учебника М.Х. Курбангалиева для окончивших русские школы, изданного на латинской графике. Для студентов, закончивших татарские школы вместо занятий по татарскому языку, преподаватель предложил выделять время на изучение терминологии по специальности. М.Х. Хасанов, занимавшийся в группах истфака, отмечал, что у студентов нет общего представления о татарской литературе, т. к. абсолютное большинство среди них закончило русские школы и техникумы, отношение к языку у них плохое, плохо пишут и разговаривают, нет понимания грамматического строя татарской речи. Охватить общими мероприятиями знающих и незнающих язык достаточно сложно. Педагог поднял вопрос о создании кружка для русских студентов по изучению татарского языка, поскольку имелись желающие его глубоко изучать. Г. Мустафин, работавший на физмате, и Д. Тумашева отмечали, что в связи затруднениями с аудиториями в расписание ряда факультетов занятия по татарскому языку официально не включались. И это сказывалось на посещаемости (ГА РТ Д. 507: Л. 20, 20 об., 21–21об.). Интересно то, что студенты татарского отделения были востребованы в школах города. Так, характеризуя педагогическую практику завуч школы № 35 Х.Ф. Мухутдинов отмечал высокий уровень не только теоретической подготовки, но и воспитательной работы со школьниками и пионерами (ГА РТ Д. 3748: Л. 1).

На кафедре татарского языка и литературы на постоянной основе велась работа по повышению научного потенциала. К примеру, после успешного обсуждения на кафедре диссертации Дж. Д. Алмазова «Кыйса-и-Юсуф – болгарско-татарский памятник XIII века» 31 декабря 1958 г. было принято решение ходатайствовать об авторе перед ректоратом о его включении с 1 января 1959 г. на полную штат единицу. Успешно закончивший аспирантуру, знающий несколько восточных языков (арабский, персидский, тюркский), Дж.Д. Алмазов к тому же имел опыт работы в вузе. В состав кафедры на тот момент входили Х. Усманов, проф. Л. Заяллетдинов, доценты Я. Агишев, М. Закиев, И.З. Нуруллин, канд. филол. наук З.М. Мазитов, У.Ш. Байчура, преподаватели М.Х. Хасанов, А.Ш. Афлетунов, а также почасовики Ф. Ганиев, В. Хаков, А. Яхин, Дж. Алмазов, Г. Агдамова, Г. Мустафин (ГА РТ Д. 507: Л. 9–10, 20). Вместе с тем состояние научных исследований проблем национальной школы оставалось неудовлетворительным – не хватало аспирантов в области татарского языкоznания, отсутствовали научные труды по методике преподавания родного и русского языков в татарской школе и др. [Галлямова и др. 2014: 246].

Большое внимание кафедра татарского языка и литературы уделяла экспедиционной работе. Летом 1955 г. была организована диалектологическая экспедиция по изучению диалектов татарского языка на территории Башкирской АССР (Чекмагушевский, Кандранный, Туймазинский, Буз-

Ханипова И.И. Создание кафедры татарского языка и литературы
в Казанском государственном университете...

дяковский, Благовороский, Кушнаренковский районы). Собранные материалы обрабатывались Г.Д. Тумашевой. На 1959 г. была запланирована научная экспедиция в Куйбышевскую область по сбору древних восточных рукописей, диалектологическая экспедиция в Омскую область (Усть-Ишимский, Татарский, Муромцевский и Колесовский районы) с целью изучения восточного диалекта татарского языка (ГА РТ Д. 552: Л. 2). По мнению преподавателей, положительно сказалось на научной и учебной работе отделения разделение кафедры на кафедру татарского языка и кафедру татарской литературы (Протокол № 3 от 30 августа 1960 г.) (ГА РТ Д. 552: Л. 5).

Утвержденный 16 сентября 1959 г. заместителем министра высшего и среднего специального образования СССР М.А. Прокофьевым (№241/УН) учебный план по специальности №2002 «Татарский язык и литература» с пятилетним сроком обучения позволял студентам татарского отделения получить квалификацию филолог – учитель татарского языка и литературы, или филолог – литературный работник; или филолог – библиотековед и библиограф. Согласно плану, перестраивались лингвистический, литературоведческий и журналистский циклы лекций. Среди предметов, связанных с татарской литературой и языком, числились современный татарский язык, диалектология, практическая стилистика татарского языка, история татарского языка и история татарской литературы, методика преподавания татарского языка и методика преподавания татарской литературы, татарское устное народное творчество, древнетюркский язык. В качестве факультативных дисциплин давались арабская литература, турецкий язык и история татарского театра (ГА РТ Д. 553: Л. 1–1об.). Лекции по истории татарской литературы, татарскому фольклору читались и на отделение журналистики (ГА РТ Д. 553: Л. 12об.).

При поиске тем для дипломных работ студентов кафедры татарского языка и литературы Казанского государственного университета обращалось внимание на тематику, отвечавшей «требованиям современности и практическим задачам культурного строительства в республике», установление научных связей студентов с студентами вузов Башкирии, Чувашии и др. (ГА РТ Д. 591: Л. 47, 48). История первых десятилетий деятельности кафедры демонстрировала не только ее вклад в развитие татарского языкоznания и литературы, в создание научной школы в области изучения татарского языка (грамматическое, историческое и ономастическое направления), но и в исследования по истории литературы татарского народа.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

- ГА РТ Д. 29 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 29.
- ГА РТ Д. 32 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 32.
- ГА РТ Д. 42 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 42.
- ГА РТ Д. 138 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 138.
- ГА РТ Д. 167 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 167.
- ГА РТ Д. 168 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 168.
- ГА РТ Д. 226 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 226.
- ГА РТ Д. 228 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 228.
- ГА РТ Д. 237 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 237.
- ГА РТ Д. 238 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 238.
- ГА РТ Д. 507 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 507.
- ГА РТ Д. 552 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 552.
- ГА РТ Д. 553 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 553.
- ГА РТ Д. 591 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 591.

Протоколы заседаний ученого совета факультета 11 мая 1944 г. – 27 июня 1945 г. // Архив КФУ. Приказы ректора по университету за 1944 г. Опубликовано: Тумашева Д.Г. Развитие татарского языкоznания в Казанском университете (1944–1995) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. №1/2. С. 216.

Сессия отделений общественных наук Академии наук СССР, посвященная годовщине опубликования «гениального произведения И.В. Сталина» «Марксизм и вопросы языкоznания»: сборник материалов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Галлямова А.Г., Кабирова А.Ш., Иванов А.А. и др. История Татарстана и татарского народа. 1917–2013 гг.: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014.

Замалетдинов Р.Р., Хабутдинова М.М. История создания отделения татарского языка и литературы в Казанском государственном университете в воспоминаниях преподавателей и первых студентов // Tatarica. 2018. №1(10). С. 91–113.

Тумашева Д.Г. Развитие татарского языкоznания в Казанском университете (1944–1995) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. №1/2. С. 212–216.

Ханипова И.И. Создание кафедры татарского языка и литературы
в Казанском государственном университете...

Сведения об авторе: Ханипова Ильнара Ильдусовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и.о. заведующей отделом новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ihanipova@mail.ru

Поступила 8.11.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

**CREATION OF TATAR LANGUAGE AND LITERATURE DEPARTMENT
AT KAZAN STATE UNIVERSITY AND ITS ACTIVITIES
IN THE MIDLLE OF 1940S – 1950S (BASED ON THE MATERIALS
FROM THE STATE ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)**

I.I. Khanipova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ihanipova@mail.ru*

The article analyzes the documentary materials of the Republic of Tatarstan State Archives on the history of the formation and activities of Kazan University's Tatar Language and Literature Department in the middle of 1940s – 1950s. The study of the protocols of the department provided an opportunity to identify the academic staff, the main directions of the department's work in the first post-war years, the material and technical equipment and the specifics of organizing the educational process. It was concluded that the activities of the Department of Tatar Philology made a significant contribution to the determination of further ways of developing Tatar philological education and demonstrated the importance of preserving the language for the culture of Tatar people.

Keywords: national cadres, Kazan State University, Tatar language and literature department, Tatar philology, state policy in the field of national education

For citation: Khanipova I.I. Sozdanie kafedry tatarskogo jazyka i literatury v Kazanskom gosudarstvennom universitete i ee deyatel'nost' s ser. 1940-kh – 1950-e gg. (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Tatarstan) [Creation of Tatar language and literature department at Kazan State University and its activities in the middle of 1940s – 1950s (based on the materials from the State Archives of the Republic of Tatarstan)]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 231–242. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.231-242>

REFERENCES

Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Ivanov A.A., Gaynetdinov R.B., Minnulin I.R., Almazova L.I. *Istoriya Tatarstana i tatarskogo naroda. 1917–2013 gg.* Ucheb. posobie [History of Tatarstan and the Tatar People. A study guide]. Kazan: Kazan University Publ., 2014, 436 p. (In Russian)

Tumasheva D.G. *Razvitiye tatarskogo yazykoznanija v Kazanskem universitete (1944–1995)* [The Development of Tatar Linguistics at Kazan University (1944–1995)]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 1996, no. 1/2, pp. 212–216. (In Russian)

Zamaletdinov R.R., Khabutdinova M.M. *Istoriya sozdaniya otdeleniya tatarskogo yazyka i literatury v Kazanskom gosudarstvennom universitete v vospominaniyah prepodavateley i pervykh studentov* [The Story behind the Tatar Language and Literature Department at Kazan State University in the Memoirs of Teachers and First Students]. *Tatarica*, 2018, no. 1(10), pp. 91–113. (In Russian)

About the author: Ilnara I. Khanipova, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow, Acting Head of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ihanipova@mail.ru

Received November 8, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ
НА РУБЕЖЕ ХХ–ХХI ВЕКОВ***

Ю.Ю. Магерамова

*Институт развития образования
и повышения квалификации педагогических кадров
Магадан, Российская Федерация
mager.u@bk.ru*

В статье описана специфическая языковая ситуация, сложившаяся на территории Крайнего Севера-Востока России (КСВ), на примере Магаданской области в конце ХХ – начале ХХI в. В ходе исследования использовались теоретические и эмпирические общенаучные методы (анализ, синтез, наблюдение и обобщение), а также собственно лингвистические и социолингвистические модификации общенаучных методов (квантитативный и концептуальный анализ, включенное наблюдение, интервьюирование носителей языка). Определены основные экстралингвистические факторы, под влиянием которых сформировалась современная лингвистическая ситуация: суровые климатические условия, низкая плотность населения, слабо развитая транспортная инфраструктура, удаленность от центров науки и культуры, наличие автохтонного населения, неоднородный и непостоянный состав жителей и пр. Доказывается, что сочетание влияния экстралингвистических факторов с действием внутренних языковых законов привело к формированию на КСВ особой лингвистической ситуации, которая характеризуется следующими признаками: наличием заимствований из языков коренных малочисленных народов Севера, минимизацией диалектного влияния, существованием особого колымского региолекта, функционирующего в регионе. В качестве иллюстрации приведены примеры лексем, заимствованных из языков автохтонных этносов в русском литературном языке, в старожильческих говорах, в колымском региолекте. Освещен вопрос о старожильческих говорах, сохранившихся в отдельных населенных пунктах Магаданской области, но не оказывающих сегодня влияния на речь колымчан. Описана структура лексико-семантического уровня колымского региолекта, представленная несколькими видами локализмов: семантическими, лексическими, относительными и субстратными регионализмами. Делается вывод о сформированности на Крайнем Севере-Востоке России особой лингвистической ситуации, которая, с одной стороны, во многом специфична, а с другой стороны, соответствует общемировым тенденциям развития языковых систем.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-012-00266 «Региональные варианты русского языка на Крайнем Севере-Востоке России».

Ключевые слова: Крайний Северо-Восток России (КСВ), языковая ситуация, экстралингвистические факторы, языки коренных малочисленных народов Севера (КМНС), заимствования, топонимы, колымский региолект, субстратные регионализмы

Для цитирования: Магерамова Ю.Ю. Лингвистическая ситуация на Крайнем Северо-Востоке России на рубеже ХХ–XXI веков // Историческая этнология. 2021. Т.6, № 2. С. 243–256. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.243-256>

Языковая (лингвистическая) ситуация – это, в первую очередь, социолингвистическое понятие, в основе которого, судя по большинству научных определений, лежат системный и функциональный подходы к языку. «В самом общем виде языковая ситуация может быть определена как модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, существующих и взаимодействующих в пределах политico-административного и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов» (Швейцер 2012: 134).

На территории Крайнего Северо-Востока России (КСВ) на рубеже ХХ–XXI вв. по многим причинам сложилась своеобразная языковая ситуация, описание которой и стало целью данной работы. В первоочередные задачи исследования входит выявление экстралингвистических факторов, действующих на лингвистическую ситуацию, а также анализ важнейших черт, делающих ее во многом уникальной.

В ходе исследовательской работы использовались как традиционные теоретические и эмпирические общенаучные методы (анализа, синтеза, наблюдения и обобщения), так и собственно лингвистические и социолингвистические модификации общенаучных методов рассмотрения предмета (квантитативный и концептуальный анализ, включенное наблюдение, интервьюирование носителей языка). Совокупность примененных методов позволяет с высокой степенью уверенности говорить о достоверности полученных данных и сделанных выводов.

Методологической основой нашего исследования послужили положения во многом программной статьи профессора А.А. Соколянского, посвященной проблемам региональной лингвистики на территории Крайнего Северо-Востока России (Соколянский 2008: 4–43), в которой автор очертил круг основных экстралингвистических факторов, повлиявших и продолжающих воздействовать на собственно языковую ситуацию в регионе, а также перечислил первостепенные задачи, которые необходимо решить лингвистам, изучающим языковой ландшафт КСВ.

К сожалению, необходимо констатировать тот факт, что и на сегодняшний день данные задачи решены лишь частично, а представления о

*Магерамова Ю.Ю. Лингвистическая ситуация
на Крайнем Северо-Востоке России на рубеже ХХ–XXI веков*

языковом пространстве территории пока разрозненны и фрагментарны. В большей мере лингвистическая характеристика дана, к примеру, старожильским говорам, функционирующими на КСВ (особенно в диахроническом аспекте), в целом сформирована источниковедческая база для региональных исследований, детально проанализированы некоторые группы лексических единиц и отдельные лексемы, характерные для колымского региолекта, частично изучено функционирование языков коренных малочисленных народов Севера. В то же время, в частности, в Магаданской области отсутствует научный центр по изучению языков автохтонных этносов, лишь в первом приближении описана речь городского населения, практически отсутствуют работы, связанные с анализом языка писателей территории, а также языка региональных средств массовой информации. Список нерешенных проблем можно продолжать. В данной статье мы предпринимаем попытку детализировать представления об актуальной языковой ситуации на КСВ и тех первостепенных задачах, которые стоят перед современными учеными, интересующимися данной проблематикой.

Предварительно определимся с пониманием термина *Крайний Северо-Восток России*, который отсутствует, в частности, в официальном административно-территориальном делении Российской Федерации. Это понятие является, в первую очередь, физико-географическим: Крайний Северо-Восток России объединяет несколько субъектов (или их частей) Российской Федерации: территории Магаданской области, Чукотского автономного округа, Камчатского края, северо-восточной части республики Саха (Якутия), север Хабаровского края. Данный термин традиционно используется учеными (в основном историками и лингвистами) для описания в диахронии и синхронии явлений, связанных с этими во многом схожими территориями.

Не все языковые процессы, происходящие на КСВ, одинаковы для названных территорий, хотя между ними и наблюдается основополагающее тождество экстралингвистического характера, которое не может не оказывать влияния на собственно языковые черты.

Из общих внеязыковых реалий можно назвать определяющие специфику:

– климатические условия, влияющие на образ жизни и менталитет северянина. Долгая зима, прохладное непродолжительное лето, то есть, прямо говоря, дискомфортные условия, которые формируют у жителя севера такие качества, как выносливость, терпеливость, стойкость, основательность, неторопливость, более спокойное восприятие экстремальных ситуаций, особая любовь к природе и др. В самых общих чертах можно сказать, что в характере северянина «тепло сердец» противопоставлено климатическому холоду. Кроме того, для северных территорий характерны феномены «временщества» и «отложенной жизни»: многие жители признаются, что живут либо в ожидании отпуска (который намного продолжительнее, чем в центральных регионах России), либо в ожидании переез-

да туда же, хотя, надо признаться, что многие жители территории так и не решаются в итоге на этот шаг и остаются на севере навсегда, а некоторые, уехав, возвращаются, не справившись с северным притяжением и часто неспособностью найти общий язык с жителями других регионов;

– крайне низкую плотность населения (в 2021 г. она составила 0,3 человека на км²; для сравнения в Хабаровском крае – 1,65 чел./км², в Приморском крае – 11,4 чел./км²; в Республике Татарстан – 57,4 чел./км²) и его сосредоточенность преимущественно в городах: по данным 2020 г., 96,84% составляет городское население. Эти факторы приводят к максимальному превалированию литературного языка среди его носителей и существенному ослаблению позиций как автохтонных языков, так и имеющегося в регионе диалекта;

– слабо развитую транспортную инфраструктуру: у жителей Магаданской области имеется возможность выехать в центральные районы страны только авиатранспортом, отсюда наблюдается четко сформированное островное мышление (особенно у представителей более старшего поколения магаданцев), которое стало нивелироваться в последние годы. На это указывает, например, функционирование лексемы *материк* в местном региолекте. Для старшего и среднего поколения актуальны контексты типа «*проведу отпуск на материке*», «*он уехал навсегда на материк*». Это региональное значение развило из отчетливой осознанности оторванности от «континента», хотя в реальности Магаданская область и ее административный центр расположены на континентальной части страны на полуострове Старицкого. Однако следует отметить, что с развитием авиасообщения, сокращением времени в пути (с 14 часов в полете с обязательной пересадкой в 80-х годах XX в. до 7–7,5 часов беспересадочного полета до Москвы) использование лексемы *материк* в указанном значении молодым поколением колымчан считается архаичным – они предпочитают в этом же контексте использовать аббревиатуру ЦРС (центральные районы страны) часто в расширительном значении для именования любых несеверных регионов России;

– относительную удаленность от центров науки, культуры, которая сегодня во многом компенсируется с помощью современных технических средств связи, что, к сожалению, в меньшей степени касается отдаленных округов, зачастую не имеющих качественного интернет-сообщения;

– наличие автохтонного населения (эвенов, коряков, ительменов, юкагиров, чукчей, чуванцев и др.);

– неоднородный и непостоянный состав населения, типичный для КСВ на всех хронологических этапах его существования, начиная со времени его активного освоения русскими переселенцами в XVII–XVIII вв., когда на эту территорию отправились выходцы из самых разных слоев населения, преимущественно из севернорусских областей России. Позднее пополнение состава жителей региона шло то заметно усиливаясь в определенные исторические эпохи (эпоха сталинских репрессий, активное ос-

*Магерамова Ю.Ю. Лингвистическая ситуация
на Крайнем Северо-Востоке России на рубеже ХХ–XXI веков*

воение золоторудных запасов в 60-е годы ХХ в.), то сменяясь относительной стабилизацией, сопровождающейся перманентным оттоком. На рубеже ХХ–XXI вв. количество населения существенно снизилось с 391 697 человек в 1989 г. до 156 996 человек в 2010 г. Изменился и национальный, а следовательно, и языковой состав прибывающих на территорию: в последнее десятилетие многие отрасли народного хозяйства (особенно добывающая и торговля) практически перешли на вахтовый метод работы, по этой причине в Магаданскую область прибывает все больше граждан иностранных государств, слабо владеющих русским языком или не владеющих им вовсе;

– специфические отрасли народного хозяйства (рыболовство и рыбобрабатывающая промышленность, добывающая промышленность как ведущие отрасли, в которых занята значительная часть населения);

– историческое прошлое, отягощенное трагическими событиями сталинских репрессий, создание по поводу Магадана-Колымы определенной «мифологии», которая сегодня совершенно не соответствует действительности, но с которой по-прежнему сталкиваются жители Магадана и области и находятся с этим предвзятым отношением в некоей негласной битве. И действительно, произведенный нами ранее интерпретационный анализ структуры топонимического концепта *Магадан* свидетельствует о том, что понятийным ядром концепта в русской языковой картине мира является представление о *северном городе – столице «ссыльной Колымы»*. Именно этот смысловой компонент обусловлен историко-культурными фактами и является актуальным для большинства носителей русского языка. Безусловно, «...в многомерном строении данного концепта содержатся и другие признаки, которые относятся к коннотативным: *далекий, суровый, холодный, аскетичный*, при этом *обладающий своеобразным притяжением*. Однако аксиологическая составляющая рассмотренного концептуального феномена все же фиксирует главным образом негативное отношение носителей русского языка к данной реалии (Магерамова 2020: 172).

Сочетание экстралингвистических факторов с действием внутренних языковых законов привело к формированию на КСВ особой лингвистической ситуации, которая характеризуется несколькими основными признаками: наличием заимствований из языков коренных малочисленных народов Севера, минимизацией диалектного влияния, существованием особого колымского региолекта, функционирующего в регионе. Остановимся подробнее на каждом из этих пунктов.

Специфика лингвистической ситуации, сложившейся на территории Крайнего Северо-Востока России в конце ХХ – первой трети ХХI в., заключается в высокой степени утраты коренными этносами своих родных языков и практически полный их переход на русский как в ситуациях официального общения, так и в бытовой коммуникации. По нашим данным, на территории Магаданской области проживает около 6 тысяч

представителей коренных малочисленных народов Севера (чуть более 4% населения региона).

Самый многочисленный этнос – *эвены* (по нашим данным за 2019 г. – 2954 человека; по данным переписи населения 2010 г. – 2635 человек: наблюдается незначительный рост по сравнению с 2002 г., когда было зафиксировано 2527 человек). Следующий по убыванию численности автохтонный этнос – *коряки* (по нашим данным за 2019 г. – 963 человека; по данным переписи населения 2010 г. – 900 человек: наблюдается незначительный рост по сравнению с 2002 г., когда было зафиксировано 888 человек). Помимо названных этнических групп в Магаданской области проживают представители других коренных малочисленных народов Севера: *ительмены, чuvанцы, чукчи, юкагиры* и др. Как свидетельствуют научные исследования, лишь части из представителей этих народов удалось сохранить владение родным языком. По данным В.В. Доржеевой и О.Ю. Слепцовой, только 42% коряков и 24% эвенов на период Всероссийской переписи населения 2010 г. владели родными языками, при этом подавляющее большинство представителей коренных малочисленных народов Севера владеют русским языком и считают его родным порядка 77% информантов (Доржеева, Слепцова 2018: 3). Одновременно значительная часть коренного населения сохраняет свою этническую идентичность, под которой вслед за социологом Людмилой Науменко, мы понимаем «...результат эмоционально-когнитивного процесса осознания этнической принадлежности, отождествление индивидом себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов, а также глубоко личностно-значимое переживание своей этнической принадлежности» (Науменко 2010: 142).

Снижение уровня владения родным языком произошло в силу, одной стороны, намеренного влияния (по свидетельствам очевидцев, прямого запрещения пользоваться родным языком в интернатах для КМНС), с другой стороны, непредумышленного воздействия в течение не одного десятилетия на автохтонные этносы, которые все это время существовали в иноэтническом окружении, что не могло не привести к ассимиляции этих народов. Возникновению асимметричной языковой ситуации способствовали и другие факторы: практически полный переход представителей КМНС к оседлому образу жизни и переезд (особенно молодежи) в города, что обрывает связи этносов со своим исконным окружением и традиционными видами хозяйственной деятельности, отсутствие необходимости и мотивации пользоваться родным языком и т.д. Безусловно, со стороны государства как в советское время, так и позже предпринимались попытки поддержки миноритарных языков: готовились и издавались учебники родных языков, печатались произведения художественной литературы на языках коренных малочисленных народов Севера (эвенском, корякском, чукотском), на территориях компактного проживания коренных народов велось преподавание эвенского и корякского языков, обеспечивалось присутствие коренных языков в информационном пространстве региона пу-

*Магерамова Ю.Ю. Лингвистическая ситуация
на Крайнем Северо-Востоке России на рубеже ХХ–XXI веков*

тем издания газет (или отдельных колонок в них) на национальных языках, в вузах велась подготовка учителей родных языков и родной литературы.

Основным высшим учебным заведением, выпускающим специалистов указанного профиля, был и до сих пор является институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. До 2008 г. северное (североведческое) отделение существовало и в Северо-Восточном государственном университете в г. Магадане. В течение ряда лет студенты направления подготовки «Педагогическое образование» обучались по профилю «Русский язык и литература, родной язык и литература» с изучением эвенского и корякского языков. Однако уже более 10 лет назад это отделение прекратило свое существование, в первую очередь, в связи с невостребованностью среди представителей КМНС, а также вследствие серьезного кадрового дефицита, невозможности найти специалистов, имеющих педагогическое образование и владеющих в достаточной мере родными языками. Таким образом, сегодня в Магаданской области подготовка учителей родного языка и литературы на уровне высшего образования не ведется, перспективы возобновления этой деятельности весьма туманны.

В округах компактного проживания автохтонных этносов (Северо-Эвенский, Среднеканский и Омсукчанский районы) в школах по-прежнему преподаются эвенский и корякский языки. Во всех учреждениях общего и среднего общего образования Магаданской области в качестве факультативного ведется курс «Литература Северо-Востока» на русском языке. В магаданском Институте развития образования и повышения квалификации педагогических кадров сегодня действует научно-методическая лаборатория национальной культуры и национальных языков, реализующая мероприятия, нацеленные на научно-методическую поддержку преподавания родных языков народов Крайнего Северо-Востока России, популяризацию культуры миноритарных народов региона, формирование краеведческой компетенции у подрастающего поколения Магаданской области. Остальные региональные меры по сохранению культурного и, в частности, языкового наследия коренных народов ограничиваются разнообразными мероприятиями культурно-просветительского характера.

Помимо того, что русский язык выполняет для представителей автохтонных народов замещающую функцию в официальной и бытовой коммуникации, он стал и источником многочисленных заимствований. Во-первых, в языки коренных народов Севера вошли лексические единицы, называющие реалии быта, чуждого изначально автохтонным народам: к примеру, слова *билет*, *библиотека*, *бригада*, *буква*, *вокзал*, *вторник*, *депутат*, *градус*, *грамм*, *организм*, *президент*, *староста*, *страница*, *тюрьма* и др. закреплены в «Ительменско-русском словаре...» (Володин, Халоймова 2001). Аналогичная ситуация наблюдается и в лексическом составе других языков коренных малочисленных народов Севера. Во-вторых, в словарь

ный состав эвенского, корякского, юкагирского, чукотского и др. языков вошли лексемы, называющие северные реалии: *важенка, кухлянка, нарта, пурга, ровдуга, тундра* и др. Несомненно, что большинство приведенных в качестве примеров слов не являются этимологически исконно русскими: в разное время они также были заимствованы, однако в процессе включения данных слов в языки КМНС русский язык послужил посредником.

Характеристика лингвистической ситуации КСВ будет односторонней, если не учесть того факта, что несмотря на доминирование русского языка, он также испытал в определенных сферах серьезное влияние со стороны миноритарных языков Севера, которые со своей стороны обогатили словарный запас старожильческих говоров, существующих на данной территории, сформированного здесь же региолекта, а также русского литературного языка. В частности, подавляющее большинство топонимов Магаданской области имеет субстратное происхождение, включая сам астионим *Магадан*, восходящий к эвенскому этимону *монгдан* (*монгадан*), в свою очередь связанному с лексемой *монгали* (эвенск. *плавник, валежник, морские наносы*). Таким образом, *Магадан* переводится с эвенского как *морские наносы, жилище из плавника*.

Значительное количество официальных топонимов эвенского, корякского, юкагирского, якутского, чукотского, эскимосского происхождения, используемых на КСВ, зафиксировано в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР» В.В. Леонтьева и К.А. Новиковой (Леонтьев, Новикова 1989). По информации словаря среди топообъектов – названий рек и поселков Магаданской области превалируют наименования эвенского происхождения: *Армань* (ключ, родник), *Буюнда* (дикооленная), *Гадля* (нересттилище), *Домбычан* (небольшая юрта), *Дукча* (остов юрты), *Инкач* (сухой), *Кадыкчан* (маленькое ущелье), *Мальдяк* (место, куда ходят за дровами), *Мимкичан* (удивительный, интересный), *Сусуман* (буран, поземка, ветер), *Талай* (блеск), *Уйкан* (маленькое устье) и др.

Корякское происхождение характерно для топонимов *Вачваем* (поперечная река), *Вироваям* (ольховая река), *Ильгитэгин* (конец белизны), *Имлан* (гора сломанный лук), *Канаваам* (кривая река) и др.

Чукотские топонимы: *Кагыртын* (отверстие, вход), *Кайнын* (бурый медведь), *Маравваам* (злая река), *Раучуа* (место победы над оседлыми), *Уквыв* (камень), *Уэленэйвеем* (гора с черными проталинами), *Элекай* (черненькая, грязненькая) и др.

Эскимосские наименования: *Выхтыгак* (травянистый), *Иврак* (поворот), *Катыганак* (ущельный), *Талигурак* (ласт кита) и др.

Юкагирские по происхождению топонимы: *Омолон* (хорошая река), *Палян* (каменистая) и некоторые другие.

Якутская этимология просматривается у топонимов *Соготох* (единственный, одинокий), *Талон* (долина, поле, поляна, покосное угодье), *Тамаркаяль* (туманное заболоченное озеро), *Улахан-Нагайн* (большая наклонная местность) и др.

*Магерамова Ю.Ю. Лингвистическая ситуация
на Крайнем Северо-Востоке России на рубеже ХХ–XXI веков*

Некоторые топонимы имеют гибридное происхождение: русско-якутские *Семен-юрях* (река *Семена*), *Сергей-юрюе* (река *Сергея*), русско-эвенское *Сопкачан* (*маленькая сопка*), якутско-латинское *Улахан-Аурум* (*большое золото*), корякско-чукотские *Велькиневеем* (река – *челюсть-гора*), *Вилюнэй* (*ухо-гора*), *Гытгын* (*озеро*), *Гырголваям* (*верхняя река*) и подобные.

Лишь небольшая часть топонимов Магаданской области является собственно русской с этимологической точки зрения: часто в основе таких наименований – фамилия геолога, первопроходца или какой-либо характерный признак (*поселок Билибино*, *бухта Нагаева*, *бухта Гертнера*, *поселок Синегорье*, *поселок Ягодное* и др.). Иногда в основе названия местности – забавный случай: интересное происхождение, к примеру, имеет правый приток реки Колыма, речка *Запятая*, которая изначально была названа начальником Первой колымской экспедиции Ю.А. Билибины *Точкой*, так как она ошибочно была принята за конечный пункт пути. Когда оплошность вскрылась, водный объект был переименован.

Заимствования из языков КМНС обогатили не только русскую топонимику, но и вошли в основной словарный запас русского литературного языка в связи с плотными контактами первых русских переселенцев с коренными жителями Крайнего Северо-Востока. Некоторые реалии северной жизни перенимались вместе с их исконными названиями: так достоянием русского языка стали лексические единицы *нерка* – эвенск. *рыба рода тихоокеанских лососей*; *яранга* – чукотск. *переносное, круглое жилище некоторых народов Севера, остов и коническая крыша которого, состоящая из шестов, покрыты олеными шкурами*; *эвены* – эвенск. *самоназвание эвенов* и др.

Еще большее количество слов из языков автохтонных этносов можно обнаружить в старожильческих говорах КСВ, наличие которых является еще одной важной характеристикой лингвистической ситуации на данной территории. Указанные говоры представляют собой речь старожильческого населения – этнической группы постоянного населения с русской культурой и русским укладом жизни, говорящего на диалекте русского языка, основу которого составляют черты севернорусского наречия. История формирования старожильческих говоров и их лексические особенности представлены в пособии Н.Н. Соколянской «Проблемы региональной лингвистики (лексикологический аспект)» (Соколянская 2006: 5–27), основные фонетические черты этих говоров (пятифонемный ударный вокализм, оканье, еканье, соканье, сладкоязычие и т.д.) описаны в работах А.А. Соколянского (Соколянский 2016: 7–38). Лексика старожильческих говоров (около 6000 слов и выражений) отображена в «Словаре региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова (Зотов 2010). Как уже было отмечено выше, заметную часть их словарного состава представляют заимствования из языков коренных малочисленных народов Севера. Приведем некоторые примеры, зафиксированные в названном «Словаре...» с

соответствующими пометами, указывающими на язык-источник той или иной лексической единицы: *ака* – эвенск. *старший брат*; *аммукан* – юкагирск. *один*; *ана* – тунг. *болезнь, кликушество*; *апала* – чуванск. *болезнь-спячка*; *аскила* – эвенск. *юго-западный ветер*; *бананга* – корякск. или тунгусск. *березовая кора, употребляемая для бытовых поделок*; *гинджил* – юкагирск. *нижний край шатровой полы*; *догис* – эвенск. *северо-западный ветер*; *инанвин* – корякск. *то же, что аутница (орудие для скобления шкур)*; *канайты* – чукотск. *меховые брюки*; *кея* – чукотск. *черт*; *оргзы* – эвенск. *квашеная (полусгнившая) в специальных ямах рыба для корма собак*; *эвнич* – эвенск. *запон у кухлянки, расшищая часть подола и др.*

Важно отметить, что современная лингвистическая ситуация на КСВ характеризуется отсутствием сколько-нибудь заметного влияния диалектной среды на литературный язык, что связано, прежде всего, с тем, что диалектоносители (преимущественно представители старшего поколения) проживают территориально изолированно, что сводит к минимуму контакты с другими жителями региона.

Специфику языковой ситуации Крайнего Севера-Востока России при этом составляет функционирование на этой территории колымского региолекта – локально ограниченной разновидности русского национального языка, характеризующегося особым набором лексико-семантических средств, типичных для речи жителей Магадана и Магаданской области. Структура региолекта, по нашему мнению, включает в себя четыре основные группы лексических единиц: семантические регионализмы (например, *трасса* в значении *территория, расположенная по ходу Колымской трассы*; *дорога* в значении *оплачиваемый проезд в отпуск в качестве северной льготы* и т.п.), лексические регионализмы, ядро которых представлено неофициальными топонимами (*Снежска, Швейка, Инвалидка, Автомэк* и пр.), относительные регионализмы (в другой терминологии – регионально актуализированная лексика) – слова литературного языка, частотность употребления которых значительно выше в том или ином регионе по причине обозначения ими актуальных для определенной местности реалий (*брусника, жимолость, нерпа, сопка, стланик, чайка* и др.) и локализмы субстратного характера – заимствования из языков автохтонных этносов, используемые исключительно носителями региолекта.

Чаще всего к последней разновидности регионализмов относятся имена собственные – наименования традиционных праздников коренных народов КСВ, широко отмечаемых в последние годы в Магаданской области. Особо значимым для колымчан является, к примеру, «Хэбденек» (эвенский Новый год), отмечаемый в июне. В ходе празднования гости принимают участие в традиционных эвенских ритуалах «Благодарение Земли», «Тог Муранны», «Кормление огня», «Хусил – Священные лебеди», «Торикачак – свадебный обряд», «Дэлбурге», «Хэде» и др. Оним Хэбденек хорошо известен жителям региона, именно по этой причине он может быть отнесен к региональной лексике. Не меньшую известность име-

*Магерамова Ю.Ю. Лингвистическая ситуация
на Крайнем Северо-Востоке России на рубеже ХХ–XXI веков*

ют и некоторые другие национальные праздники и этнофестивали, имеющиеся с помощью лексических единиц из языков коренных народов Севера: «Туйгивин» (корякск. *новый год*; праздник нового года по корякскому летоисчислению), «Дялбу» (эвенск. *друзья*), «Кильвэй» (корякск. *теленок дикого оленя*; праздник первого олененка), «Бакылдыяк» (эвенск. *рождение*; праздник большой (первой) рыбы). В отдельных округах Магаданской области проходят и другие этнические мероприятия, наименования которых известны лишь жителям этих районов: так, к примеру, в Среднеканском районе отмечается юкагирский национальный праздник *Шахадьибэ* (праздник солнца), корякский национальный праздник *Лылелут* отмечают в Северо-Эвенском округе. Названные онимы включены в региональный лексикон жителей Магаданской области, однако внутренняя форма субстратных регионализмов для представителей русскоязычного населения затемнена, а смысловое наполнение этих слов обычно отождествляется с их центральным семантическим компонентом *национальный праздник*. Нет сомнений в том, что этнические праздники пробуждают интерес социума к коренным малочисленным народам КСВ, однако чрезвычайно важно, чтобы этнографическая декоративность не отвлекла внимание общества от стержневого компонента национальной идентичности – этнических языков, которым сегодня, к сожалению, угрожает полное исчезновение.

Таким образом, языковой ландшафт Крайнего Северо-Востока на рубеже ХХ–XXI вв., с одной стороны, обладает собственной спецификой по сравнению с лингвистической ситуацией многих других регионов России (отсутствием влияния диалекта, существованием особого колымского региолекта, утратой языков коренных этносов), а с другой стороны, во многом соответствует современным тенденциям развития языковых систем в глобальном масштабе, что выражается, в частности, в активизации ассимилятивных процессов, в переходе от многочисленных миноритарных языков, основанных на культурном прошлом, к языку, имеющему прагматическое коммуникативное значение.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Володин А.П., Халоймова К.Н. Словарь ительменско-русский и русско-ительменский: пособие для уч-ся начальной школы. СПб.: Просвещение, 2001.

Доржеева В.В., Слепцова О.Ю. Проблемы сохранения родных языков коренных малочисленных народов Севера (на материалах Магаданской области) // Общество: философия, история, культура, 2018. №9 (53). <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sohraneniya-rodnyh-yazykov-korennyh-malochisennyh-narodov-severa-na-materialah-magadanskoy-oblasti> (Дата обращения 27.09.2021).

Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010.

Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / науч. ред. Г.А. Меновщиков. Магадан: Кн. изд-во, 1989.

Магерамова Ю.Ю. Место топоконцепта *Магадан* в русской языковой картины мира // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. №12/2. С. 169–173.

Науменко Л.И. Идентичность этническая // Образовательная политика. 2010. №5–6 (43). <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-etnicheskaya> (Дата обращения 27.09.2021).

Соколянская Н.Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикологический аспект): учеб. пособие. Магадан: Изд-во СМУ, 2006.

Соколянский А.А. Проблемы региональной лингвистики Крайнего Северо-Востока России // Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики: сб. науч. статей / под ред. А.А. Соколянского. Магадан: Новая полиграфия, 2008. С. 4–43.

Соколянский А.А. Фонетическая система русских старожильческих говоров Крайнего Северо-Востока России // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России): учеб. пособие / под ред. А.А. Соколянского. Магадан: СВГУ, 2016. С. 7–11.

Соколянский А.А. Сладкоязычие в старожильческих говорах Крайнего Северо-Востока России // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России): учеб. пособие / под ред. А.А. Соколянского. Магадан: СВГУ, 2016. С. 11–38.

Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. Изд. 4-е, испр. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Сведения об авторе: Магерамова Юлия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая научно-методической лабораторией национальной культуры и национальных языков Института развития образования и повышения квалификации педагогических кадров (685000, ул. Якутская, 67Б, Магадан, Российская Федерация); mager.u@bk.ru

Поступила 21.07.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

LANGUAGE SITUATION IN THE FAR NORTH-EAST OF RUSSIA AT THE BORDER OF THE 20TH – 21ST CENTURIES

Yu.Yu. Mageramova

*Institute for the Development of Education
and Advanced Training of Teachers
Magadan, Russian Federation
mager.u@bk.ru*

The article describes a specific linguistic situation that developed in the Far North-East of Russia (CWS) using the example of the Magadan region in the late 20th – early 21st centuries. The study used theoretical and empirical general scientific methods (analysis, synthesis, observation and generalization), as well as proper linguistic and

*Магерамова Ю.Ю. Лингвистическая ситуация
на Крайнем Северо-Востоке России на рубеже XX–XXI веков*

sociolinguistic modifications of general scientific methods (quantitative and conceptual analysis, inclusive observation, interviewing native speakers). The main extralinguistic factors, under the influence of which the modern linguistic situation was formed, were determined: harsh climatic conditions, low population density, poorly developed transport infrastructure, remoteness from centers of science and culture, the presence of an autochthonous population, a heterogeneous and unstable composition of inhabitants, etc. It is proved that the combination of the influence of extralinguistic factors with the action of internal linguistic laws has led to the formation of a special linguistic situation on the CWS, which is characterized by the following features: the presence of borrowings from the languages of the indigenous peoples of the North, minimization of dialectal influence, the existence of a particular Kolyma regional dialect functioning in the region. As an illustration, there are examples of lexemes borrowed from the languages of autochthonous ethnic groups in the Russian literary language, in old-time dialects, in the Kolyma region. The article covers the issue of old-timers' dialects that have survived in certain settlements of the Magadan region but do not have an impact on the speech of the Kolyma residents today. The structure of the lexical-semantic level of the Kolyma region is described, it is represented by several types of localisms: semantic, lexical, relative and substratum regionalisms. The conclusion is made about the formation of a special linguistic situation in the Far North-East of Russia, which, on the one hand, is in many respects specific, and on the other hand, corresponds to the global trends in the development of language systems.

Keywords: The Far North-East of Russia (CWS), linguistic situation, extralinguistic factors, languages of the indigenous peoples of the North (KMNS), toponyms, borrowings, Kolyma region, substratum regionalisms

For citation: Mageramova Yu.Yu. Lingvisticheskaya situaciya na kraynem severo-vostoke Rossii na rubezhe XX–XXI vekov [Language Situation in the Far North-East of Russia at the Border of the 20th–21st centuries]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 243–256. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.243-256>

REFERENCES

Dorgeeva V.V., Sleptsova O.Yu. Problemy sokhraneniya rodnykh yazykov korennnykh-malochislennykh narodov severa (na materialakh Magadanskoy oblasti) [Problems of Preserving the Native Languages of the Indigenous Small-numbered Peoples of the North (Based on the Materials from the Magadan Region)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, 2018, no. 9 (53). (In Russian) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sohraneniya-rodnyh-yazykov-korennnyh-malochislennyh-narodov-severa-na-materialah-magadanskoy-oblasti> (accessed 21.07.2021)

Leontyev V.V., Novikova K.A. *Toponimicheskiy slovar' Severo-Vostoka SSSR* [Toponymic Dictionary of the USSR North-East]. Magadan: Book Publishing House, 1989. (In Russian)

Mageramova Yu.Yu. Mesto topokoncepta Magadan v russkoy yazykovoy kartine mira [The Place of the Magadan Topoconcept in the Russian Linguistic Worldview].

Sovremennaya nauka: aktualnye problem teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020, no. 12/2, pp. 169–173. (In Russian)

Naumenko L.I. Identichnost etnicheskaya [Ethnic Identity]. *Obrazovatel'naya politika*, 2010, no. 5–6 (43). (In Russian) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-etnicheskaya> (accessed 21.07.2021)

Shveytser A.D. *Sovremennaya sociolinguistika: teoriya, problemy, metody* [Modern Sociolinguistics: Theory, Problems, Methods]. Moscow: Librocom, 2012. (In Russian)

Sokolyanskaya N.N. *Problemy regionalnoy lingvistiki: leksikologicheskiy aspect* [Regional Linguistics Problems: The Lexicological Aspect]. Magadan: State Magadan University Publ., 2006. (In Russian)

Sokolyanskiy A.A. Foneticheskaya sistema russkikh starozhilcheskikh govorov Kraynego Severo-Vostoka Rossii [The Phonetic System of Russian Old-timers' Dialects of the Far North-East of Russia]. *Regionalnaya lingvistika (Krajinii Severo-Vostok Rossii)*. Magadan: SVGU Publ., 2016, pp. 7–11. (In Russian)

Sokolyanskiy A.A. Problemy regionalnoy lingvistiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii [Problems of the Regional Linguistics of the Far North-East of Russia]. *Krajinii Severo-Vostok v zerkale regionalnoy lingvistiki*. Magadan: New Printing Publ., 2008, pp. 4–43. (In Russian)

Sokolyanskiy A.A. Sladkoyazychie v starozhilcheskikh govorakh Kraynego Severo-Vostoka Rossii [Sweet Tongues in the Old-timers' Dialects of the Far North-East of Russia]. *Regionalnaya lingvistika (Krajinii Severo-Vostok Rossii)*. Magadan: SVGU Publ., 2016, pp. 11–38. (In Russian)

Volodin A.P., Khaloimova K.N. *Slovar' itel'mensko-russkii i russko-itel'menskiy* [Itelmen-Russian and Russian-Itelmen Dictionary]. St. Petersburg: Education Publishing House Branch, 2001. (In Russian, In Itelmen)

Zotov G.V. *Slovar' regional'noy lexiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii* [Dictionary of the Regional Vocabulary of the Far North-East of Russia]. Magadan: SVGU Publ., 2010. (In Russian)

About the author: Yulia Yu. Mageramova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Scientific and Methodological Laboratory of National Culture and National Languages, the Institute for the Development of Education and Advanced Training of Teachers (67B Yakutskaya St., Magadan 685000, Russian Federation); mager.u@bk.ru

Received July 21, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

ЭТНОГРАФИЯ ТЮРКСКОГО МИРА

УДК 394.262

КУМЫСНЫЕ ПРАЗДНИКИ, РИТУАЛЫ И ЦЕРЕМОНИИ В КОНТЕКСТЕ ПОМНЯЩЕЙ КУЛЬТУРЫ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ*

З.К. Сураганова

*Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок»
Нур-Султан, Республика Казахстан
suraganova_zk@mail.ru*

К.К. Сарсембина

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Нур-Султан, Республика Казахстан
kuralai_sk@mail.ru*

В статье на основе письменных и полевых источников рассматриваются кумысные праздники, ритуалы и церемонии в исторической ретроспективе и современной реальности.

На основе китайских, армянских, среднеазиатских источников XIII–XVII вв. показано ритуальное значение кумыса, который на протяжении столетий сохранял роль главного церемониального атрибута в рамках воинских ритуалов и жертвоприношений в культуре народов Центральной Азии. Кумысом кропили боевые штандарты накануне сражения. Он выступал в качестве жертвенного возлияния небу, сторонам света, горам. Кумыс являлся престижным напитком и обязательным угощением как в кибитке простого степняка, так и на государственных приемах и празднествах великих степных империй. Этот напиток выступал главным угощением на пиру. Порядок его распределения семантически обозначал иерархии в степных империях. В казахской степи традиции кумысных церемоний и праздников продолжают, согласно этнографическим источникам XIX–XX вв., сохранять устойчивость. В XX в. по-прежнему отмечается престижный характер кумыса у казахов, указывается обрядовый характер кумысных угощений. В настоящее время кумыс в Казахстане по-прежнему выполняет роль престижного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, программа BR10164218 «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии».

напитка, который присутствует не только в календарной обрядности, но и на пирах, устраиваемых во время обрядов жизненного цикла.

Полевые исследования, проведенные в июле – сентябре 2021 г., дают основание говорить не только об устойчивости кумысных праздников в рамках весеннеи и осенней календарной обрядности, но и их актуализации в виде представления как элемента нематериального культурного наследия.

В отличие от Средневековья в церемонии угощения кумысом сегодня отмечается изменение характера обряда и цели. Возникший в глубокой древности комплекс кумысных праздников рассматривается сегодня казахами как культурное наследие, как место памяти. Его используют в качестве символического капитала для организации и проведения различных мероприятий.

Ключевые слова: қымызмұрындық, сірге жаяр, место памяти, кумысные ритуалы и церемонии, казахи

Для цитирования: Сураганова З.К., Сарсембина К.К. Кумысные праздники, ритуалы и церемонии в контексте помнящей культуры Великой степи // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 257–270. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.257-270>

Авторы статьи предпринимают попытку анализа символического значения кумысных ритуалов и церемоний в контексте помнящей культуры Великого пояса степной Евразии.

Кумыс – сакральный напиток степняков – остается важным элементом традиционного застолья у казахов. Им угощают перед главным блюдом и после чайного стола. В угощении кумысом устойчивыми остаются определенные порядок и правила угощения.

Привлечение письменных источников и полевых материалов позволяет представить в динамике кумысные обряды и церемонии на протяжении более чем 800 лет.

Материалы и методы исследования

Материалами для исследования стали средневековые письменные памятники, этнографические наблюдения исследователей XX в. и материалы авторских полевых исследований 2021 г. Хронология привлеченных письменных источников охватывает период с XIII по XVII в. Среди них: китайские («Юань чао би ши» («Сокровенное сказание» в переводе С.А. Коцзина и Б.Я. Владимира), «Хэй да ши люе» («Краткие сведения о черных татарах»), «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар» в переводе В.П. Васильева), армянские («История Вардана», «История Армении» Киракоса Гандзакеци), среднеазиатские «Бабурнаме» и «Бахр ал-асрап фи манакиб ал-ахтар» («Море тайн относительно доблестей благородных»).

Этнографические наблюдения советских исследователей С.И. Руденко и Ф.А. Фиельструпа в 1930-е гг. отражают бытование кумысных обрядов в казахском ауле, когда советская власть еще не успела вмешаться в регламентацию праздничной культуры населения.

Привлеченные полевые материалы – результат исследований авторов, проведенных в июле – сентябре 2021 г. на территории Акмолинской (Ерейментауский, Коргалжынский районы), Карагандинской (Ультауский, Жанааркинский районы), Павлодарской (Баянаульский район) областей. Они дают основание говорить о ревитализации кумысных праздников и церемоний. Полевые материалы получены методами опроса, включенного наблюдения и интервью.

Обзор литературы

Кумысные обряды и церемонии в империи Чингизидов начали привлекать внимание исследователей уже в начале XX в. Одним из первых в их изучении стал востоковед В.В. Бартольд. В сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина, изданный в 1909 г., вошла его статья «Церемониал при дворе узбецких ханов в VII веке», где ученый, анализируя сочинение поэта, историка, суфия Махмуда бен Эмира Вали «Бахр ал-асрап фи манакиб ал-ахтар», написанное в 1630–1635 гг., отмечает строгую иерархию церемонии распития кумыса, роль *сабадара* (заведующего кумысным бурдюком) (Бартольд 1909: 293–308). Исследователь писал: «Подробности рассказа наглядно свидетельствуют о том, насколько узбецкие ханы, утвердившие свою власть в культурных областях нынешнего Русского Туркестана в начале XVI в., еще в половине XVII в. должны были считаться с традициями кочевой жизни и родового строя и насколько их двор в этом отношении отличался от двора современных хивинских и бухарских ханов, особенно последних» (Бартольд 1909: 295).

К теме кумысных церемоний и их значений в государственной политике империи Чингисхана обратился современный исследователь А.Г. Юрченко. В его трудах кумысные ритуалы рассматриваются с точки зрения политики Чингизидов, связанной с включением иноземцев в имперское и культурное пространство империи. Ученый подчеркивает, что кумыс не имел в данном контексте отношения к религиозному церемониалу, а представлял собой почетное угождение, которым поощряли новых подданных (Юрченко 2007: 62–70). В своей книге «Элита Монгольской империи: время праздников, время казней» исследователь на основе исторических источников демонстрирует четкую привязку имперских праздников – Великих курултаев – к традиционной календарной обрядности и астральным циклам степняков (Юрченко 2012: 2). Он показывает их политическую подоплеку, когда «остается неизменной скрытая мотивация подобного рода мероприятий: непосредственный, личный контакт верховного правителя со своими наместниками из отдаленных областей для под-

тверждения последними лояльности центральной власти» (Юрченко 2012: 28). Ученый выделяет четыре главных имперских праздника: Новый год, праздники возлияния молоком белых кобылиц, начала второго полугодия, середины лунного года, церемонии, связанные с почитанием Земли и Неба (Юрченко 2012: 16–53). Это классификация подтверждается другими источниками. Например, армянскими. Так, согласно «Истории Вардана», в июле 1264 года великий Ильхан Хулагу устраивал праздник в честь Нового года. «Эти праздничные дни назывались у них *Хурультай*, т. е. праздники совещаний, и продолжались целый месяц. В течение этого времени прочие ханы, родственники Чингиз-хана, в новых одеждах являлись к владельцу своему совещаться о всем нужном. Каждый день они надевали платья другого цвета: К этому дню являлись туда покорные им цари и султаны с большими дарами и приношениями» (История монголов по армянским источникам 1873: 16–17).

В советской этнографии представлено описание кумысных праздников казахов. Так, участники антропологического отряда Казахстанской экспедиции Академии наук СССР С.И. Руденко и Ф.А. Фиельstrup зафиксировали в 1927 г. обряд первой весенней привязки жеребят, праздничное угощение первым кумысом (Руденко 1930: 22–24), особенности изготовления кумыса, вкусовые качества которого зависят от количества взбивания (Фиельstrup 1930: 267).

Кумысные праздники рассматривались в статьях казахстанских исследователей – Б.С. Кожахметова, Э.Р. Усмановой, М.Э. Султановой, Ж.Н. Шайгозовой. Их работы подготовлены на основе полевых наблюдений в ауле Терисақкан Улытауского района Карагандинской области и посвящены кумысным праздникам весеннего календарного цикла («Бие байлау», «Айғыр қосу» и «Қымызмұрындық»), которые в составе номинации «Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов» включены в 2018 г. в Репрезентативный список всемирного нематериального культурного наследия (категория «Обычаи, обряды и празднества»). Терисакканский кумысный обрядовый комплекс подразумевает проведение всех трех ритуалов в один день. Но традиционно он растянут по времени и проходит в течение апреля – мая. Неслучайно исследователи отмечают разнохарактерность обрядов: «В отличие от обрядов бие байлау и айғыр қосу, которые имеют выраженный интимный характер (участвуют только члены семьи и близкие родственники), қымызмұрындық – третья и заключительная часть цикла призвана вовлечь в свою орбиту как можно больше людей. Чем больше гостей – тем громче и чаще звучат их добрые пожелания в адрес хозяев» (Султанова, Шайгозова 2017: 205).

*Кумысные ритуалы и церемонии в исторических источниках
и этнографической реальности*

Исторические источники позволяют говорить о том, что обычай жертвенного окропления кумысом в степной культуре имел устойчивый характер. Этот напиток издавна рассматривался в степной Евразии в качестве бескровной жертвы, символизирующей белую благодать. В сочинении «Юань чао би ши» («Сокровенное сказание») 1240 г. дается описание благодарственной жертвы кумысом Чингисхана горе Буркан за его чудесное спасение: «Темучин распустил пояс, повесил его себе на шею, снял шапку, повесил ее на руку и, ударяя себя в грудь, девять раз преклонил колена и сделал возлияние вином из кумыса» (Владимирцов 1922: 36).

Кумысная церемония в описании армянского историка К. Гандзакеци (глава 32 «Краткое описание внешности татар») начинается с жертвоприношения кумысом: «Перед тем как пить кумыс... кто-нибудь из них берет большой сосуд в одну руку, а другой держит малую чашу, которой черпает из большой, затем разбрзгивает сначала к небу, потом [в сторону] вос totka, севера и юга. И только тогда тот, кто брызгал, отпивает немного и передает [чашу] старшему» (Гандзакеци 1976: 172). В китайском сочинении отмечается жертвенное окропление кумысом перед его употреблением: «Всякий раз, когда [они] пьют вино, [они] прежде всего совершают возлияние» (Мэн-да бэй-лу 1857: 79).

Сюжет кумысной церемонии ритуального окропления боевого знамени представлен в сочинении будущего основателя империи Тимуридов (Бабуридов) в Индии (1521–1857 (68) гг.) Захириддина Мухаммада Бабура (1483–1530). Являясь непосредственным участником ритуала, состоявшегося в 1501 г. (907 г. по хиджре), Бабур пишет: «Распустили знамена. Хан сошел с коня. Перед ханом воткнули в землю девять знамен. Один могол привязал к кости из передней ноги быка длинную белую холстину и держал ее в руке; еще три длинных холстины привязали к трем знаменам ниже кутаса и пропустили их концы под древки знамен. На конец одной холстины наступил ногой Хан, на конец холстины, привязанной к другому знамени, наступил я, а на конец третьей холстины – Султан Мухаммед Ханике. Тот могол, взяв в руки бычью кость с привязанной к ней холстиной, что-то сказал помогольски, смотря на знамя, потом сделал знак. Хан и те, кто стоял подле него, принялись кропить кумысом в сторону знамени. Все разом задули в трубы и ударили в барабаны, воины, стоявшие в рядах, как один, испустили боевой клич. Все это проделали три раза, а потом сели на коней и с криками обскакали вокруг лагеря» (Бабурнаме 1982: 74–75).

В Средневековые кумыс оставался обязательным и престижным угождением на пирах. В одном из средневековых сочинений подобный пир описан следующим образом: «Принесли и подали очень много кусков раз-

деланного и сваренного мяса … и, как принято у них, много бурдюков кумыса из кобыльего молока и начали есть и пить» (Гандзакеци 1976: 165).

Описание кумысной церемонии приводится в записках южносунских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина «Хэй да ши люе» («Краткие сведения о черных татарах»). Время написания записок – 1233 г. (Пэн Да-я) и 1235–1236 гг. (Сюй Тин) – установлено китайским исследователем Ван Го-Вэй (1877–1929). Согласно его данным, авторы записок входили в состав миссии, отправленной к монгольскому двору с целью «выразить признательность» в ответ на приезд в Южный Китай монгольского посла с предложением совместных военных действий против чжурчженей, занимавших в то время Хэнань (Пэн Да-я и Сюй Тин 1960: 133). В записках нашла отражение не только собственно кумысная церемония, но также дается пояснение ее происхождения: «Например, [человек] А, первый наливший [кобылье молоко], непременно пьет его сам, и только после этого дает пить лицу Б [из этой же чашки]. Б, прежде чем пить, подает чашку А. [В это время] В и Г чмокают губами. Это называется “вкушанием”. [Лицо] А [в свою очередь] не пьет и тотчас же передает [чашку] В, чтобы тот выпил. В выпивает и, зачерпнув [кобылье молоко], угождает [им лицо] Б. Б снова отказывается пить и дает пить [лицу] Г. Г овершает такой же обряд, как и В, и только теперь [лицо] Б выпивает и, зачерпнув [молоко], угождает [им] А. А снова в таком же порядке наливает [им кобылье молоко] и дает пить [лицам] В и Г. Это называется “обменом кубками”» (Пэн Да-я и Сюй Тин 1960: 139). Важно, что тут же дается объяснение этой церемонии: «Первоначально это делалось для того, чтобы преодолеться от отравления, но в дальнейшем превратилось в постоянный обычай» (Пэн Да-я и Сюй Тин 1960: 139).

Интерес представляет ритуальное включение иноземцев в церемониальное пространство тюрко-монгольского пира. В сочинении сунского автора Мэн-да бэй-лу приводится сюжет угождения иноземцев кумысом: «По обычаям татар [на пиру] хозяин держит в руках блюдо и чарку и уговаривает гостя [пить и есть]. Если гость, который пьет, оставит хоть каплю, то хозяин ни в коем случае не берет обратно чарку… Всякий раз, когда [татары] видят, что чужеземный гость, напившись, шумит, нарушает этикет… они бывают очень довольны и говорят: «Раз гость напился, то, значит, [он] с нами душа в душу!» (Мэн-да бэй-лу 1857: 82–83).

Спустя 400 лет церемония распределения кумыса приводится в последней из четырех частей сочинения «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахтар» («Море тайн относительно доблестей благородных») Махмуда бен Эмира Вали, написанного по распоряжению правителя Балха, а позднее Бухары и Самарканда Аштарханида Надир Мухаммад-хана (1634–1641 гг.). Кумыс в нем обозначается в качестве угождения, создающего особое коммуникационное пространство – организовывающего основу для общения людей, напитка, прогоняющего печаль (Бартольд 1909: 305). В сочинении подробно описан кумысный церемониал: «После того как царь и войско насладятся разного рода благами и божественными звуками, то-

Сураганова З.К., Сарсембина К.К. Кумысные праздники, ритуалы и церемонии в контексте помнящей культуры Великой степи

гда *сучии* (...кравчие) и *сабадары* (...заведующие бурдюком) приносят бурдюки, чарки и другие принадлежности беззаботного весения и [этими] предметами, связанными с веселием, воодушевляют радостное собрание. Тогда один из проворных одакиев по знаку царя... наполняет собственную чарку [царя] до краев тем напитком... и, с соблюдением всех приличий, подносит государю. Царствующий... повелитель без всякого промедления поднимает тот кубок, полный радости, и немножко отпивает от того чистого вещества, которое называется кумысом, а остальную... [напитка] жалует одному из надежных советников-эмиров. Эмир, отличенный [такой] милостью, должен тогда выполнить два требования приличия: во-первых, обменять царскую чарку (...), во-вторых, выпить все пожалованное ему (...осушить до дна чарку). Тогда упомянутый одаки, встав у отверстия бурдюка, по высочайшему знаку выпивает один кубок, а вторую [царскую] чарку прежним порядком подносит царю и возвращается [на свое место]» (Бартольд 1909: 305–306). Сюжет свидетельствует о том, что церемония сохраняет свою главную функцию – уберечься от отравления.

Таким образом, описанные выше ритуалы и церемонии угощения кумысом говорят о более чем четырехсотлетней устойчивости традиции принесения бескровной жертвы в виде кумыса, которая на протяжении XIII–XVII столетий строго регламентировалась правилами Ясы и неразрывно связывалась с военным бытом (Бабурнаме 1982: 305) и политикой степных империй и государств (Юрченко 2012: 16–53).

Современные кумысные праздники и ритуалы в казахской степи

Как показывают авторские полевые материалы, в современных условиях кумысные календарные праздники у казахов сохраняют устойчивость. К праздникам весеннего цикла относятся *бие байлау* (*биебайлар*), *айғыр қосу*, *қымызмұрындық* (*биемұрындық*). Осенью традиционно отмечается праздник последнего кумыса – *сірге жияр* (*сірге мөлдіретер*) (ПМА 2021).

Угощение кумысом у казахов также имеет свои правила. Как и прежде, считается неприличным разливать кумыс из посуды, где он созревает (ПМА 2021). Сегодня это *кубі* – вытянутая ступа из дерева. Принято из *кубі* налить напиток в широкую чашу, затем, вспенив его половником, разлить в пиалы, которые преподносятся двумя руками или правой рукой с придерживанием ее под локоть левой рукой. Для мужчин, как и в прошлом, не считается зазорным как доить кобыл, так и разливать и подавать кумыс (ПМА 2021).

В распределении кумыса отмечаются практики, связанные с благопожелательной магией – *ырым*. Так, в рамках последнего осеннего кумысного обряда – *сірге жияр* (*сірге мөлдіретер*), перед тем как окончательно выпустить лошадей на вольный выпас в степь – *бие ағытар алдында*, последнюю чашу с напитком принято преподносить женщине почтенного

возраста или девочке-подростку (*кәмелетке толмаган* – не достигшей половой зрелости). Традиция обозначается как *ырым* и исходит из представления о гомеопатической магии, главная цель обряда – получить в следующем году как можно больше приплода из жеребят – женских особей (ПМА 2021).

Церемония угощения кумысом имеет свои этикетные нормы. Преподносят кумыс сегодня двумя способами: двумя руками или правой рукой, придерживая ее при этом за локоть левой (ПМА 2021). Сидящий рядом с тем, кого угощают, произносит: «*Бүйүртсын!*» – «Да будет предназначено (тебе Богом!)», «Да ниспошлет (Бог) тебе!» Описанная выше средневековая церемония забыта, поскольку страх быть отравленным предан забвению.

*Теоретическое осмысление кумысных традиций
с точки зрения теории памяти*

Кумыс и связанные с ним праздники, ритуалы и церемонии остаются в памяти современных казахов в качестве культурного наследия с высоким символическим потенциалом. Такую устойчивость можно объяснить свойствами культурной памяти, поскольку «память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим... Память в силу своей чувственности и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается... символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям. Память помещает воспоминание в священное... Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает...» (Нора 1999: 20). Кумысные праздники, ритуалы и церемонии можно рассматривать в качестве мест памяти (*lieux de mémoire*), достаточно крепко укоренившихся в сознании современных казахов, где «праздники – это выражение «коммеморативной бдительности», это «главные бастионы мест памяти» (Нора 1999: 27). Память-наследие (*mémoire-patrimoine*) определяется П. Норой как пятый современный тип памяти (Нора 1999: 55). Память-наследие – есть глубинная трансформация в общественное достояние, в «коллективное наследство традиционных ставок в борьбе внутри самой памяти», подчеркивает ученый (Нора 1999: 55–56).

«Коллективная память, по определению британского историка П. Хаттона, – это сложная сеть общественных нравов, ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех специальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки <...> коллективной памяти, и только внутри этой системы координат может быть расположена индивидуальная память, если ей суждено выжить» (Хаттон 2003: 129). Носителями этой памяти остаются жители казахских аулов – коневоды. Именно они формируют социальные основания коллективной памяти о прошлом кумысных ритуалов, связанных с «мифосоцио-

Сураганова З.К., Сарсембина К.К. Кумысные праздники, ритуалы и церемонии в контексте помнящей культуры Великой степи

логическим», экологическим устройством общества, где «животные, люди, неодушевленные объекты первоначально почти всегда воспринимались как поддерживающие между собой отношения самого полного тождества» (Дюркгейм 2011: 58).

Символичен тот факт, что в продвижении кумысных праздников – элементов нематериального культурного наследия – большую роль играют жители двух ключевых районов Сарыарки – Улытауского и Жанааркинского районов Карагандинской области. Благодаря их инициативе и при поддержке акиматов указанных регионов успешно предпринимаются усилия по популяризации кумысных традиций казахов. В 2018 г. элемент «Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов – бие байлау, айғыр қосу, қымызмұрындық» благодаря стараниям жителей села Терісаққан Улытауского района Карагандинской области и Национального музея-заповедника «Улытау» включен в Репрезентативный список всемирного нематериального культурного наследия в категории «Обычаи, обряды и празднества» (Казахстан: Традиционные весенние... 2018). Год спустя жители 12 сел Жанааркинского района – одна тысяча участников (значительная часть которых – женщины) – установили рекорд по взбиванию кумыса (10 тыс. литров кумыса в одной тысячече – *кубi* – сосудов из дерева).

Выводы

Анализ кумысных праздников и церемоний дает основание утверждать, что в Средние века кумыс использовался в качестве жертвенного возлияния небу, четырем сторонам света, горам, боевому знамени. Раннесредневековые источники свидетельствуют о том, что экологическая природа степной коневодческой культуры базировалась на «мифосоциологической» социальной организации. В развитое и позднее средневековье имперское начало в степных государственных образованиях начинает доминировать над мифосоциологической природой социального устройства, что переводит кумысные ритуалы и церемонии в статус политических иерархизированных обрядов.

В досоветский и начале советского периода (первая треть XX в.) кумысные ритуалы и церемонии еще отмечались казахами. После того как советская власть приступила к регламентации праздничной культуры, традиционный кумысный обрядовый комплекс сохранялся лишь в формате домашних обрядов. В этот период коневодческие обряды исчезают из общественного пространства и уступают место двум праздничным мероприятиям, устраиваемым для передовиков сельскохозяйственной отрасли: *Шопан той* (День пастуха) в летний период и *Сабантой* – осенью, которые обрели на всей территории Советского Союза универсальный характер.

В настоящее время, несмотря на значительное упрощение, кумысные праздники, ритуалы и церемонии сохраняют устойчивость в казахских аулах как родовые торжества, общественные празднества, а также актуали-

зируются в виде этнографических фестивалей и праздников («Терисакканская весна», «Қымызмұрындық», «Көкмайса», «Сирге жияр»). Они выступают в современных условиях в качестве культуртрегеров нематериального культурного наследия казахов-коневодов, способствуя путем культурной экспансии в мировое пространство (включение элемента «Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов – бие байлау, айғыр қосу, қымызмұрындық в Репрезентативный список всемирного наследия и в Книгу рекордов Гиннесса – рекорд по количеству участников ритуала взбивания кумыса) популяризации традиций коневодства, кумысного обрядового комплекса.

Как и столетия назад, кумыс сохраняет сегодня в Казахстане роль престижного напитка. «Любовно приготовленный степной кумыс вкусен, ароматичен, приятно слегка пьянят и веселят, и обряд распивания его растягивается под разговоры на долгое время... Кроме того важного значения, которое он имеет в хозяйстве и как непременное угощение для гостя, кумыс играет заглавную роль при всех выдающихся событиях как семейного, так и общественного характера» (Фиельструп 1930: 270). Но и исчезли из обихода обряды весеннего цикла *көтөн беру* (ритуальное угощение табунщиков, угонявших в степь молодняк и взрослых холощеных самцов), праздник привязи жеребят.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Бабур-наме (Записки Бабура) / пер. М. Салье. Ташкент: Изд. ЦК КП Узбекистана, 1982. Кн. 2.

Бартольд В.В. Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII веке // Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. СПб: типография В.Ф. Киршбаума (отд-ние), 1909 (Записки Русского географического общества: по Отделению этнографии / ред. д. чл. А.Д. Руднев. Т. 34). С. 293–308.

Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. Берлин, Петербург, Москва: Издательство З.И.Гржебина, 1922.

Гандзакеци К. История Армении / пер. с древнеарм., предисл. и comment. Л.А.Ханларян. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976.

История монголов по армянским источникам / пер. и объяснения К.П. Патканова. Вып. 1, заключающий в себе извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и Констабля Сембата. 1873. VIII.

Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы: Казахстан, 1995.

Казахстан: Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов были включены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества 2018. <http://ru.unesco.kz/kazakhstan-traditional-spring-festive-rites-of-the-kazakh-horse-breeders-inscribed-on-the> (Дата обращения 03.09.2021).

Мэн-Да-бэй-лу. Записка о монголо-татарах // Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода

Сураганова З.К., Сарсембина К.К. Кумысные праздники, ритуалы и церемонии в контексте помнящей культуры Великой степи

китайских известий и киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб.: тип. Имп. АН, 1857. С. 216–235.

ПМА 2021 – Полевые материалы авторов. Акмолинская, Карагандинская, Павлодарская области. Июль – август 2021 (дневники 1, 2, 3).

Пэн Да-я и Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158.

Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков // Казаки: сборник статей Антропологического отряда Казахстанской экспедиции Академия наук СССР: исследование 1927 г. / ред. изд. С.И. Руденко. Л.: Издание Акад. наук СССР, 1930. Вып. 15. С. 1–72.

Фиельструп Ф.А. Молочные продукты питания турков-кочевников // Казаки: сборник статей Антропологического отряда Казахстанской экспедиции Академия наук СССР: исследование 1927 г. / ред. изд. С.И. Руденко. Л.: Издание Акад. наук СССР, 1930. Вып. 15. С. 263–302.

Юань Чao Ви Ши. Монгольский обыденный изборник // Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un пігіса tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. / отв. редактор А.П. Баранников; предисл. Н.Н. Поппе. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. Т. I: Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. С. 9–199.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дюргейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации к исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сос., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 55–124.

Нора П., Озуф М., Плюмеж Ж. Де и др. Франция – память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.

Султанова М.Э., Шайгозова Ж.Н. Живое наследие Терисакканы: первый кумыс и священное гостеприимство в праздничной весенней обрядности // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. 2017. № 5 (315). Серия общественных и гуманитарных наук. С. 203–212.

Хаттон П. История как искусство памяти / пер. с англ. В.Ю.Быстрова. СПб.: Фонд «Университет». Владимир Даль, 2003.

Юрченко А.Г. Кумысная церемония при дворе Бату-хана // Mongolica-VII / ред. кол.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. СПб., Петербургское Востоковедение, 2007. С. 62–70.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012.

Сведения об авторах: Сураганова Зубайда Кабиевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок» (Z00T2C9, пр-т Таеулсиздик, 54, блок 6, Нур-Султан, Республика Казахстан); e-mail: suraganova_zk@mail.ru

Сарсембина Куралай Куандыковна – кандидат исторических наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Z01A3D7, ул. К.И. Сатпаева, 2, Нур-Султан, Республика Казахстан); e-mail: kuralai_sk@mail.ru

Поступила 24.09.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

KUMIS HOLIDAYS, RITUALS AND CEREMONIES IN THE CONTEXT OF THE CULTURE OF MEMORIES OF THE GREAT STEPPE

Z.K. Suraganova

State Historical and Cultural Museum-Reserve “Bozok”

Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

suraganova_zk@mail.ru

K.K. Sarsembina

Gumilyov Eurasian National University

Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

kuralai_sk@mail.ru

Based on written and field sources, this article examines kumis holidays, rituals and ceremonies in historical retrospect and modern reality.

According to Chinese, Armenian, Central Asian sources of the 13th–17th centuries, the ritual significance of kumis is shown which for centuries retained the role of the main ceremonial attribute in the framework of military rituals and sacrifices in the culture of the peoples of Central Asia. Kumis was sprinkled on military standards on the eve of the battle. It acted as a sacrificial libation to Heaven, the cardinal points, and the mountains. Kumis was a prestigious drink and an obligatory treat both in the nomad tent of a simple steppe dweller and at state receptions and festivals of the great steppe empires. This drink served as the main treat at the feast. The order of its distribution semantically designated the hierarchies in the steppe empires.

In the Kazakh steppe, the traditions of kumis ceremonies and holidays continue, according to ethnographic sources of the 19th–20th centuries, to maintain stability. In the twentieth century, the prestigious nature of kumis among the Kazakhs is still noted, and the ritual character of kumis treats is indicated.

Сураганова З.К., Сарсембина К.К. Кумысные праздники, ритуалы и церемонии в контексте помнящей культуры Великой степи

Currently, kumis in Kazakhstan still plays the role of a prestigious drink, which is present not only in calendar rituals but also in feasts organized as part of the rituals of the life cycle.

Field studies carried out in July-September 2021 give reason to speak not only about the sustainability of kumis holidays within the framework of the spring and autumn calendar rituals, but also their actualization as an element of intangible cultural heritage and an application for setting a world record.

In contrast to the Middle Ages, in the ceremony of treating kumis today, a change in the nature of the religious rite and purpose is noted.

The complex of kumis holidays that arose in ancient times is considered today by Kazakhs as a cultural heritage, as a place of memory. It is used as a symbolic capital for organizing and carrying out various kinds of events.

Keywords: *Kymyzmuryndyk, Sirge zhiyar*, place of memory, kumys rituals and ceremonies, Kazakhs

For citation: Suraganova Z.K., Sarsembina K.K. Kumysnye prazdniki, ritualy i ceremonii v kontekste pomnyashchej kul'tury velikoj stepi [Kumis Holidays, Rituals and Ceremonies in the Context of the Culture of Memories of the Great Steppe] // *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 257–270. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.257-270>

REFERENCES

Dyurkgeym E., Mauss M. O nekotorykh pervobytnykh formakh klassifikatsii k issledovaniyu kollektivnykh predstavleniy [On Primitive Forms of Classification for the Study of Collective Representations]. Mauss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'*. Trudy po sotsial'noy antropologii. Moscow, 2011, pp. 55–124. (In Russian)

Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. *Frantsiya – pamyat'*. [France – Memory]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 1999. (In Russian)

Sultanova M.E., Shaygozova Zh.N. Zhivoye naslediye Terisakkana: pervyy kumys i svyashchennoye gostepriimstvo v prazdnichnoy vesenney obryadnosti [Living Heritage of Terisakkhan: the First Koumiss and Sacred Hospitality in the Festive Spring Ritual]. *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan*, 2017, no. 5 (315), pp. 203–212. (In Russian)

Hutton P. *History as an Art of Memory*. University Press of New England, 1993. (In English) (Russ. ed.: Hutton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. St. Petersburg: “Universitet” Fund: Vladimir Dal’, 2003).

Yurchenko A.G. Kumysnaya tseremoniya pri dvore Batu-khana [The Kumis Ceremony at the Court of Batu Khan]. *Mongolica-VII*. St. Petersburg, 2007, pp. 62–70 (In Russian)

Yurchenko A.G. *Elita Mongol'skoy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazney* [Elite of the Mongol Empire: the Time of Holidays, the Time of Executions]. St. Petersburg: Yevraziya Publ., 2012. (In Russian)

About authors: Zubaida K. Suraganova, Cand. Sc. (History), Leading Research Fellow, State Historical and Cultural Museum-Reserve «Bozok» (54 Taeulsizdik Ave., block 6, Nur-Sultan Z00T2C9, Republic of Kazakhstan); e-mail: suraganova_zk@mail.ru

Kuralai K. Sarsembina, Cand. Sc. (History), Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2 Satpaev St., Nur-Sultan Z01A3D7, Republic of Kazakhstan); e-mail: kuralai_sk@mail.ru

Received September 24, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

УДК 39(=512.165)

КУРБАН В КОНТЕКСТЕ ГАГАУЗСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

E.H. Квилинкова

*Институт искусствоведения, этнографии
и фольклора им. К. Крапивы,
Национальная академия наук Беларусь
Минск, Республика Беларусь
civilincova@mail.ru*

В настоящей статье обряд *курбан* (жертвоприношение животного), занимающий важное место в гагаузской календарной и семейной обрядности, анализируется через призму православной идентичности. Рассматриваются форма и содержание различных разновидностей этого обряда, а также выявляется его роль и значимость в этнокультурном коде гагаузов. Особо автор останавливается на изучении *курбана* церкви, в котором ярко проявляются элементы христианско-языческого синкретизма. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что со временем обряд *курбан* у гагаузов приобрел форму ритуального института и стал важной составляющей православной обрядности. В том, что он сохранился, есть немалая заслуга и православного духовенства.

В статье приводятся сведения о том, что во второй половине XX – начале XXI в. обряд *курбан* под влиянием православной церкви значительно трансформировался. В результате ритуал приобрел более христианизированную форму, но, несмотря на это, продолжают сохраняться некоторые его архаичные черты. Подчеркивается, что в гагаузской народно-религиозной культуре данная форма жертвоприношения связывается с ветхозаветной традицией – Авраамовой жертвой, сюжет которой широко представлен в гагаузском песенном фольклоре. Делается вывод о том, что в частных и общесельских празднованиях, составной частью которых является *курбан*, ярко выражена как этническая компонента православия гагаузов, так и характерная для них балканская культурно-региональная идентичность.

В заключении отмечается, что обряд *курбан* продолжает оставаться важной частью гагаузской православной обрядности и идентичности, являясь неотъемлемым компонентом их этнокультурного кода. Об этом свидетельствуют степень сохранности института жертвоприношения и его значимость в религиозно-народных представлениях гагаузов.

Ключевые слова: *курбан*, жертвоприношение, гагаузы, православная идентичность, этнокультурный код

Для цитирования: Квилинкова Е.Н. Курбан в контексте гагаузской православной идентичности: история и современность // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 271–289. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.271-289>

Дары богам или духам природы в виде жертвенных подношений являются характерной чертой всех архаичных культур. Ученые подчеркивают огромное, если не определяющее значение, которое имели жертвоприношения в архаике. Согласно классификации французского этносоциолога М. Мосса, жертвоприношение относится к классу исключительно устойчивых ритуалов в составе культурной жизни соответствующего этноса и его культурных традиций (Мосс, 2000).

Жертвоприношение животных под названием *курган* уходит своими корнями в далекое прошлое. Данная лексема в значении ‘жертва’, ‘жертвоприношение’ с незначительными фонетическими особенностями встречается у различных по происхождению и конфессиональной принадлежности народов мира в разные исторические эпохи: у древних евреев (*korban*), ассирийцев (*kurbanu*), арамеев, арабов, турок, албанцев (*kurban*), эллинистического населения Малой Азии и Восточного Средиземноморья (*корбан*, *корбанаç / kourbania*), болгар, македонцев, сербов (*курбан*), гагаузов (*kurban / korban*), чувашей (*харпан*), удмуртов (*курбон*) и др. (Квилинкова 2015; 2016; 2013).

У гагаузов, являющихся тюркоязычными и православными, словом *курбан* обозначается праздник, ритуал и сама жертва. Обряд *курбан* (жертвоприношение животного) занимает важное место в их религиозно-народной обрядности и воззрениях. Гагаузы совершают индивидуальные, семейные и общесельские *курбаны* во время важных праздников и наиболее значимых календарных дат, а также по особым случаям. Данный обряд является составной частью их православной идентичности. Вместе с тем в сохраняющейся у них форме празднований прослеживаются отголоски поклонения высшим силам и духам природы.

Порой очень сложно бывает объяснить, почему тот или иной обряд или обычай сохраняет свою значимость в народных представлениях и обрядности на протяжении веков. О важности данного обряда в религиозных воззрениях и обрядности гагаузов свидетельствует тот факт, что нами зафиксировано 18 его разновидностей в зависимости от мотивов совершения. Курбан представляет собой одну из форм проявления православной религиозности со свойственными ей представлениями о благочестии. И в настоящее время *курбан* занимает особое место в религиозных представлениях и жизни гагаузов, являясь по сути архаической современностью.

Одним из объяснений этому является то, что все народные обряды гагаузы свято чтят не только как наследие предков, но и как истинно православную веру, которой, согласно высказываниям многих исследователей прошлого, гагаузы фанатично преданы. Все народные обычай воспринимались ими не только как освященные временем, но и как неотъемлемая часть православной обрядности. Для гагаузов обряд *курбан* является способом выражения и доказательством их веры в Бога. Традиционные представления о мире, утвердившиеся формы взаимоотношений человека с высшими силами, в которых институт жертвоприношения играл осново-

Квилинкова Е.Н. Курбан в контексте гагаузской православной идентичности: история и современность

полагающую роль, являлись неписаным законом (Квилинкова 2020). Данное Богу обещание ежегодно приносить в определенный день жертву представляет собой своего рода клятву, отступление от которой рассматривалось как смертный грех.

Целью настоящей статьи является анализ обряда *курбан* у гагаузов через призму православной идентичности. Изучение проблемы в таком ключе представляется актуальным, так как позволяет не только выявить роль у них данной архаичной традиции в современный период, но и рассмотреть ее значимость в этнокультурном коде народа.

На основании собранного нами в 90-е годы XX в. – первое десятилетие XXI в. полевого материала в гагаузских населенных пунктах юга Республики Молдова, Северо-Восточной Болгарии, Украине (Одесской области и Приазовье) можно говорить о том, что у гагаузов сохраняются многие виды *курбана* (Квилинкова 2015), совершившиеся более века назад. Поэтому вряд ли можно согласиться с высказыванием русского исследователя В.А. Мошкова о том, что обряд *курбан* является у них «переживанием» (Мошков 1901: 17) или пережитком прошлого. Однако очевидной является его трансформация, которая проявляется по-своему не только у различных групп гагаузов, но и в разных гагаузских селах. В данной статье мы рассмотрим проявления христианско-языческогоシンкретизма в обряде *курбан* на материалах по гагаузам Молдовы.

Довольно хорошая сохранность формы и содержания данного обряда (как и многих других) наблюдается в некоторых гагаузских селах Молдовы – Гайдары, Копчак, Джолтай, Конгаз, Авдарма и др. Сельчане, в том числе молодые семьи, продолжают совершать венчальный *курбан* / *стеуноз* *курбаны*, что свидетельствует о придаваемой гагаузами значимости этому обряду и таким традиционным ценностям, как семья. Отметим, что «венчальный *курбан*» – это кровавое или бескровное жертвоприношение животного или домашней птицы, совершившееся ежегодно в день определенного святого, выбранного молодоженами (при венчании в церкви) в качестве покровителя семьи. Нередко он совпадает с именным *курбаном* мужа – главы семьи.

В прошлом при совершении *курбана* гагаузы придерживались следующих правил: хозяин выбирал жертвенное животное (мужского пола парнокопытное и жвачное) – ягненка или барана – и затем обещал заколоть его в назначенный день в честь Всеышнего и святого. На связь *курбана* с религиозной обрядностью указывает то, что одним из его важных элементов является обязательное освящение животного в церкви, о чем можно судить по историографическим данным XIX в. Если в указанный период посещение церкви в воскресные дни считалось у гагаузов не обязательным, то при совершении *курбана* это было непременным условием (Ciachir 1934a: 25–28).

Обязательным у гагаузов считается *курбан* по случаю переселения в новопостроенный дом, то есть по случаю освящения дома (*ев курбаны*).

При этом, как отметил один из местных священников, в некоторых гагаузских селах акцент делается именно на самом *курбане*, в то время как религиозный ритуал освящения дома воспринимается прихожанами как составная часть этого обряда. Данное восприятие связано с сохраняющимся в народе представлением о том, что принесение в жертву животного и устройство жертвенной трапезы дает «право» на вселение в новый дом. Для совершающегося по этому случаю *курбана* обязательным является приглашение священника для освящения дома и благословления обрядовой трапезы. Однако на данный праздник для застолья готовят различные светские блюда (салаты, холодец, молочную рисовую кашу и др.), в то время как обрядовое блюдо *булгур* (пшеничная каша с мясом) не считается обязательным. В гости зовут соседей и родственников; едят, веселятся, танцуют. На это празднество стараются обязательно пригласить хотя бы несколько человек, что считается добной традицией (с. Гайдары).

До середины XX в. при совершении частных *курбанов* сельчане традиционно освящали жертвенное животное в церкви или получали от священника благословение на жертвоприношение и «заказывали» молебен о здоровье жертвователя. В тех селах, где во второй половине XX в. продолжали действовать храмы, многие гагаузы приходили в храм для освящения животного. Обычно его туда приводили накануне праздника, в который следовало совершить *курбан*. Священник «читал специальную молитву» и окроплял животное освященной водой. В советский период, ввиду существовавших запретов, в храм несли святить не живого барана, а только его голову или печень. Нередко святали уже готовое блюдо из сердца и печени жертвенного животного – так называемая *колева* / *кутья* (с. Конгаз, с. Копчак).

Учитывая, что в большинстве сел в 60-е гг. XX в. церкви были разрушены или не работали, хозяева обычно сами освящали дома жертвенное животное, но при этом старались предварительно «заказать» в церкви молебен за здоровье всех домочадцев. При его совершении священник произносит имена всех членов семьи или одного из них, в зависимости от предназначения *курбана*.

В настоящее время при совершении *курбана* шкуру жертвенного барана (иногда голову и ножки) отдают бедным или тому, кто зарезал животное (с. Бешалма). Это форма социальной поддержки односельчан. Если животное режет кто-то из домашних, то шкуру продают, а деньги отдают в церковь. Ножки закапывают в землю, так как собакам их давать нельзя (с. Копчак). По словам некоторых респондентов, сейчас при *курбане* священнику не принято жертвовать что-либо. На именной (*курбан кенди адына*) или венчальный *курбан* священника, как правило, к себе домой уже не приглашают, как это делали в прежние времена. Обязательным считается лишь заказать в церкви молебен за здоровье (с. Бешалма). Некоторые прихожане жертвуют церкви живого барана.

Квилинкова Е.Н. Курбан в контексте гагаузской православной идентичности: история и современность

В наши дни для части сельчан ритуал освящения / благословления *курбана* священником не утратил значения. В ряде гагаузских сел Республики Молдова при совершении венчального *курбана* прихожане приносят в церковь живое животное для освящения. Верующие гагаузы придерживаются следующего правила: чтобы зарезанное животное считалось *курбаном*, нужно в назначенный день прийти в церковь, чтобы батюшка прочел необходимую молитву и дал благословение на совершение жертвоприношения (с. Копчак). Это происходит обычно перед вечерней или после службы. Прихожане подходят к священнику и сообщают о том, что хотят сделать *курбан* и просят освятить животное. Священник берет крест, кропило, требник, выходит во двор церкви и читает благодарственную молитву или молитву *курбана* (*kurban molitvasi*), окропляет освященной водой членов семьи и барашка, после чего поют «Многая лета...». На этом его миссия заканчивается. Затем хозяева уводят животное домой, закалывают его, свежают, готовят обрядовое блюдо, раздаривают его в три соседних дома, а потом садятся за стол с родственниками (с. Гайдары).

Другим способом освящения *курбана* является передача священнику вместе со свечой «записки», в которой написаны имена всех членов семьи. Он читает ектенью о милости жизни, о здравии и спасении, перечисляет записанные на бумаге имена, и в конце поет «Многая лета...». Некоторые хозяйки приносят в церковь для освящения необходимые продукты, из которых затем готовят обрядовое блюдо – пшеничную крупу или рис, растительное масло и соль, а также хлеб, вино и полотенце (с. Копчак, с. Джолтай, с. Конгаз, г. Чадыр-Лунга), что считается равнозначным освящению обрядовой трапезы. Священники просят прихожан не приносить в храм готовую еду.

В некоторых селах сохраняется традиция закалывать жертвенное животное, а не дарить его живым (с. Гайдары, с. Копчак). Барашка либо жертвуют целиком (а не частями), либо забирают домой, готовят из него жертвенную еду и устраивают праздничное застолье. Обычно так проходят венчальные *курбаны*, которые совершаются и в настоящее время. Иногда сельчане жертвуют всего барашка в храм и просят приготовить из него еду для работников, ремонтирующих церковь. В ряде сел чаще жертвуют живого ягненка или петуха. Его дарят с зажженной свечой (нижняя часть которой завернута в полотенце), хлебом или калачом (с. Бешгиоз).

Основные моменты, связанные с освящением *курбана* и смыслом его совершения у гагаузов, были высказаны настоятелем церкви с. Копчак отцом Виталием: «Если семейный *курбан* не совпадает с храмовым праздником, то люди в этот день не приносят барашка в церковь, а освящают его в другой назначенный для этого день. В таком случае жертва освящается по-другому. Они приходят в церковь и пишут записки с именами членов семьи, и мы молимся в алтаре. То есть делается совсем другой акцент. Если ты сделал *курбан* только для домашних, то это не является *курбаном*. *Курбан* – это жертва, часть которой или всю ты отдаешь

какому-либо другому человеку / людям. *Курбан* – это моление Богу о здоровье и благополучии семьи, это милостиныя, это сохранение почвы для единения семьи и родных».

Такие архаичные элементы, как зажигание свечи на рожке жертвенного животного при его освящении, привязывание в тряпочке соли к рожку животного, приготовление специального жертвенного хлеба (*курбан екмия*) и т.п. (о которых писали прежние исследователи – М. Чакир, В.А. Мошков и др.) ушли в прошлое. Относительно бытовавшей в прежние века традиции освящения соли и кормления ею жертвенного животного, то в настоящее время она не прослеживается.

Необходимость соблюдения прихожанами религиозных правил, предписывающих христианам соблюдение поста по средам и пятницам (запрет на употребление скоромной пищи), отразилась на форме совершающегося ими *курбана*. Если именной или семейный *курбан* попадает на эти дни недели, то обычно в церковь приходят именно в тот день, чтобы освятить животное, так как соответствующая молитва должна быть прочитана в назначенную дату. В тот же вечер животное закалывают, но еду из него готовят на следующий день. Соответственно, тогда же устраивают обрядовое застолье, на которое приглашают гостей.

В настоящее время «семейные» и «именные» *курбаны* все чаще совершаются в форме *курбана милости*, при котором животное или домашняя птица жертвуются живыми. Предпочтение, отдаваемое данному виду *курбана*, объясняется не только влиянием Церкви. В определенной степени это связано с тем, что такой способ жертвоприношения является более экономичным, так как не требует дополнительных затрат на устройство праздничной трапезы. Однако в народе считается, что такой *курбан* не может полностью заменить кровавое жертвоприношение. В связи с этим информаторы отмечали, что, спустя некоторое количество лет (например, каждые три года), необходимо совершать «кровавый *курбан*» (с. Копчак). По убеждению одних респондентов, первый год после свадьбы венчальный *курбан* должен быть обязательно кровавым, а по мнению других, животное следует подарить живым.

Некоторые наиболее религиозные респонденты считают, что одаривание соседей в день *курбана* не ритуальным блюдом, а постной едой (если он пришелся на среду или пятницу) – это знак того, что человек не забыл об этих днях, когда Иисуса схватили и распяли. Однако такая еда не рассматривается как равнозаменяющая *курбан* (с. Бешалма). Просто ввиду необходимости соблюдения поста (*оруч*) в эти дни *курбан* не проводят. Дают (соседям) тарелочку еды с хлебом и свечой – чтобы как-то отметить этот день. В народе считается, что Бог такую жертву принимает.

В последнее время респонденты все чаще высказываются о незначимости не только пола жертвенного животного, но и вида жертвы, особенно при *курбане милости*, когда животное или птицу дарят живыми. Если в хозяйстве имеются только ягнята женского пола, то хозяин с кем-либо

Квилинкова Е.Н. Курбан в контексте гагаузской православной идентичности: история и современность

договоривается об обмене. Хотя в некоторых селах сохраняется традиционное правило, согласно которому для *курбана* нужно самому вырастить барашка (с. Гайдары). При его отсутствии приемлемой считается альтернативная жертва (домашняя птица), которая также рассматривается как *курбан*. В таком случае чаще жертвуют петуха.

«Курбан милости» (*хайырлык курбаны / джсанны курбан*).
Фото из архива Е.Н. Квилинковой (с. Бешгиоз, 2002 г.)

Наиболее масштабными являются празднования *курбана* в месяце мае, которые имеют свою специфику. Если в первой половине XX в. на *Хедерлез* (день Св. Георгия – 23 апреля / 6 мая) все хозяева обязательно резали жертвенного ягненка (более бедные сообща покупали одного ягненка, потом делили поровну и сообща готовили в печи), то в последние годы в этот день люди небольшими группами (члены семьи, близайшие родственники и друзья) идут в лес и там проводят *курбан*. Такого рода празднования устраивают в основном только именинники – Георгии (именной *курбан*), а также те, у кого на этот день приходится венчальный *курбан*. Они режут барашка, выезжают на природу и готовят из него шашлык. Такие *курбаны* проводят и на другие майские праздники, так называемые маёвки – в день Св. Афанасия (15 мая), Св. Николая (22 мая), а также на пророка Илью и др.

Говоря о степени сохранности или утраты элементов традиционной обрядности в том или ином селе, отметим, что она в известной степени отражается в состоянии содержания обряда *курбан* и придаваемого ему значения. В ряде гагаузских сел Республики Молдова ушли в прошлое отдельные виды *курбана*. В некоторых населенных пунктах (например, г. Чадыр-Лунга) о венчальном *курбане* не помнят даже представители старшего поколения, но при этом в отдельных семьях сохраняется такой вид *курбана*, как «обещанный» / «аданмыши *курбан*» (по случаю чудесного выздоровления члена семьи – от тифа, по случаю спасения от пожара и др.). Несмотря на то, что существенно размыты сведения о его формах и содержании, они все еще остаются живым воспоминанием у пожилых информаторов. Священники со своей стороны прививают прихожанам христианскую форму такого рода празднований, наставляя проводить их не столь пышно, без музыки, не засиживаться долго, не приглашать много людей и т. д. (с. Баурчи, с. Конгаз).

Особый интерес представляет *курбан* церкви (*клисянын курбаны*) / общесельский *курбан* (*кую курбаны*), в котором ярко отражается христианско-языческий синкретизм и балканская культурно-региональная идентичность. Это ежегодно отмечающийся храмовый праздник села, во время которого сельчане коллективно приносят многочисленные жертвы в честь Святого – покровителя села, именем которого названа церковь. Данный вид *курбана* совершается в каждом гагаузском селе и включает в себя множество архаичных народных традиций. Составной частью такого праздника являются молебен (в котором принимает участие все сельское общество), освящение священником пред назначенного для жертвоприношения скота, приготовление обрядовых блюд, коллективная трапеза, танцы, спортивные состязания, народные гуляния.

Форма совершения общесельского *курбана*, описанная протоиереем М. Чакиром в 30-е гг. XX в., во многом сохраняется и в настоящее время. «Для участия в этом празднестве приезжают жители из соседних сел, родственники или друзья. Они обязательно участвуют в коллективной трапезе, которую устраивают прихожане во дворе церкви или на центральной площади. На праздник устраивают танцы, скачки, борьбу и разного рода театрализованные представления ряженых» (Ciachir 1934b: 6). Последние элементы описанного им празднования, видимо, были характерны для межсельских праздников (*сборов*).

Число приносимых в жертву животных в XIX в. ярко подчеркивает синкретичность подобного рода празднований. По этому поводу В.А. Мошков писал: «...При освящении новой церкви в с. Бешалма, построенной 10 или 15 лет тому назад (в 1881 г. – прим. авт.), торжество было общее для всего села, а потому было заколото до 30 быков и до 300 баранов. Угощение в то время было в каждом доме, и каждый, свой или чужой, мог зайти

на угощение в любой дом во всем селе. Что касается водки, то ушаты ее стояли на улицах и каждый мог прийти и выпить, сколько ему угодно» (Мошков 1901: 17).

И в настоящее время празднование храмового дня (*курбан церкви*) сопровождается языческими по форме жертвоприношениями, но в значительно меньших масштабах (в жертву приносят по 10–25 баранов). В ряде гагаузских сел сохраняются традиционные формы празднования. Накануне праздника священник освящает принесенных сельчанами в жертву животных, читая специально предназначенную для этого случая молитву (так называемая «молитва *курбана*», или «благодарственная молитва»). Затем на огороженном месте, примыкающем к церковному двору, жертвенных животных (и птицу) закалывают и разделяют. Кровь зарезанных баранов стекает прямо на землю. По убеждению респондентов, это даже является обязательным.

В зависимости от числа жителей населенного пункта, зажиточности сельчан и от степени сохранности народных традиций в одних селах для храмового праздника собирается 8–10 барашков, в других – до 30, а в третьих – 2–3. Довольно много сельчан жертвуют для *курбана* церкви домашнюю птицу, независимо от ее пола (петухов, кур, уток), а также другие продукты, необходимые для приготовления обрядовой трапезы (рис, растительное масло и т. д.). На богослужении и на коллективной трапезе присутствуют от 400 до 1000 сельчан (в зависимости от численности жителей села и их религиозности). Оставшихся пожертвованных животных, не зарезанных для обрядовой трапезы на храмовый праздник, церковный совет использует по своему усмотрению (для приготовления еды для рабочих, занимающихся ремонтом, строительством или росписью стен храма и т. д.). В некоторых селах эти животные содержатся при церкви в специально устроенных для этого двориках.

Во время праздничного богослужения во дворе храма на открытом огне или в больших печах готовятся в огромных казанах обрядовые блюда. Там же на площадке устанавливаются несколько рядов длинных столов, которые накрывают во время молебна. По окончании богослужения и крестного хода все сельчане и гости собираются за общим столом, священник благословляет трапезу, читая молитву «Отче наш», после чего начинается жертвенное пиршество, которое проходит очень чинно.

Основными ритуальными блюдами на празднике является *булгур* (мясо жертвенных баранов, приготовленное вместе с пшеничной крупой крупного помола и/или с рисом) и *каурма* (баранье мясо, тушеное в собственном соку с луком и специями). В одних селах главное обрядовое блюдо называется *курбан булгуру*, а в других просто *булгур*. Из мяса домашней птицы готовят соус с картошкой, капустняк и другие блюда (с. Гайдары, г. Чадыр-Лунга). Кроме того, к праздничному столу стараются пригото-

вить некоторые традиционные мучные блюда – вертуту с творогом (*кызырма*) и тыквой (*кабаклы*) и т.п. (с. Копчак). В зависимости от времени года на стол подают виноград, арбузы, дыни и др. Во время трапезы угощают вином (красным и белым).

Если *курбан* церкви приходится на среду или пятницу, то обрядовая трапеза постная – она состоит из блюд с рыбой, но обязательно с булгуром. Например, в с. Гайдары рыбу запекают в печи вместе с булгуром. Данный опыт стали перенимать прихожане других сел. В с. Томай до недавнего времени булгур готовили отдельно, но в дополнение к нему к столу подавали жареную и консервированную рыбу.

В ряде гагаузских населенных пунктов после молебна и крестного хода прямо в церковной ограде устраивают коллективную трапезу (с. Копчак, г. Чадыр-Лунга, с. Бешгиоз и др.). Однако то количество столов, которые накрываются в церковном дворе, не в состоянии вместить всех прихожан одновременно, тем более что на престольный праздник приезжает много гостей. Поэтому сельчанам приходится кушать в несколько «смен» для чего столы накрывают заново несколько раз. В первую очередь усаживают гостей, для которых обычно отводится целый ряд столов. Все пришедшие в церковь люди обязательно должны присоединиться к коллективной трапезе. Чтобы некоторые чрезмерно скромные прихожане не ушли домой не поевши, в с. Копчак церковную калитку «охраняют», открывая ее только тем, кто хочет войти, и не выпуская тех, кто не поел, объясняя это тем, что «так велел батюшка».

В последнее время в моду входит более практичный и современный способ совершения *курбана* церкви. Священник освящает во дворе храма животных, но их заклание и приготовление еды производится у прихожан дома. Затем все блюда свозятся в сельскую столовую, Дом культуры или школу (в некоторых селах *курбан* там же и готовится). Благодаря тому, что в таких общественных зданиях имеются большие помещения, за общий стол одновременно могут сесть все гости и сельчане. Соответственно, отвечающим за устройство трапезы женщинам не приходится как раньше многократно накрывать столы, а людям не нужно ожидать своей очереди для участия в коллективной трапезе. Такая практика, по словам духовенства, пришла всем по душе. Она продемонстрировала как свою значимость (в плане соблюдения санитарных правил), так и практичность (на проведение коллективной трапезы не может повлиять дождливая погода и т.д.). По окончании богослужения и коллективного поедания пищи праздник перемещается на центральную площадь возле церкви или недалеко от нее, где проходят состязания по борьбе, концерты и т.п. (с. Копчак, с. Гайдары, с. Бешгиоз и др.).

Приготовление обрядового блюда *курбан* на храмовый праздник Успение Пресвятой Богородицы.

Фото из архива
Е.Н. Квилинковой
(с. Копчак, 2014 г.)

Коллективная обрядовая трапеза при праздновании *курбана* церкви в день Св. Димитрия. Фото из архива Е.Н. Квилинковой (г. Чадыр-Лунга, 2001 г.)

Борьба (*гуреи*) на храмовый праздник Успение Пресвятой Богородицы. Фото из архива Е.Н. Квилинковой (с. Копчак, 2014 г.)

Квилинкова Е.Н. Курбан в контексте гагаузской православной идентичности: история и современность

В связи с обрядом *курбан*, продолжающим оставаться неотъемлемой частью религиозно-народной обрядности гагаузов и их православной идентичности, отметим гибкий подход к этому как со стороны местных священников, так и инонациональных. Они своим подходом демонстрируют бережное отношение к гагаузскому культурному наследию. В том, что по наиболее важным событиям, в том числе на храмовый праздник, гагаузы совершают *курбан*, священник с. Копчак отец Виталий (молдаванин по национальности) не видит отступлений от христианства, объясняя это тем, что в каждом народе на праздник режут животных. Рассуждая о форме и содержании *курбана*, он подчеркнул: «В культуре гагаузов это приобретает не совсем ритуальный характер, а, я бы сказал, жертвенную форму. Это – жертва. И сегодня *курбан* – необязательно овечка, это может быть курочка (овечка – у кого есть). Я воспринимаю все хорошо, я же знаю, что благословляю. Когда человек / семья выбирает *курбан*, это значит, что они должны приносить жертву бедным людям, в церковь. Иногда выбор идет не в пользу церкви, а в детские дома, в дома престарелых, даже в тюрьмы. Приходят, советуются, как лучше поступить. Акцент делается на том, что они должны принести помочь людям. А то, что часть прихожан приносит свой *курбан* в храм – это потому, что они понимают, что на храмовый праздник нужно будет накормить 500–700 чел. И в этом смысле мы освящаем их дар» (Квилинкова 2015).

В связи с разнообразием форм празднований общесельского *курбана* отметим, что в с. Казаклия обрядовая трапеза на храмовый праздник, отмечающийся в день Св. Георгия, устраивается не только на церковном дворе, но и на некоторых улицах. Сельчане, которые не отнесли жертвенное животное в храм, собираются для общей жертвенной трапезы прямо на улице. В ней принимают участие жители всей магалы. Таким образом, подчеркивается значимость святого как покровителя каждой отдельной территориальной общины (улицы). Подобная форма празднования также является традиционной, поскольку в ней общественный *курбан* сочетается с локально-территориальным и семейным. В указанном населенном пункте этот день отмечается шире, чем обычный *курбан* церкви в других селах, поскольку он совпадает с праздником *Хедерлез*, фиксирующим в народном календаре начало летнего скотоводческого сезона – выгон скота на пастбища. Этим и объясняется особенность обрядности данного праздника и *курбана*.

Одной из значимых составляющих *курбана* является функция социального единения, которая осуществляется в рамках родственной группы или всего сельского коллектива. Особо ярко она проявляется в общесельских праздниках (сохранение общины от разрушения). В обрядовой трапезе богатые и бедные односельчане сидят вместе за одним столом, что способствует поддержанию и культивированию коллективной общесель-

ской идентичности. Для престарелых и больных людей, которые не смогли в этот день прийти в церковь, по окончании церемонии праздничную еду приносят домой. Следует отметить, что наряду с коллективным молением основной смысловой акцент в *курбане* села делается жертвенном пиршестве, сопровождающимся спортивными состязаниями, песнями, танцами и др. В целом форма данной обрядности продолжает сохраняться в ряде гагаузских сел Молдовы.

Отметим, что в народной (сельской) среде вся обрядность *курбана*, включающая в себя как православно-христианскую составляющую, так и языческо-обрядовую практику, облеченнную в христианизированный ритуал, не осознается самими носителями традиционной обрядности как отличная от христианской. Если говорить о корнях данного обряда, составной частью которого являются частные или общественные моления, очевидно, что в далеком прошлом он представлял собой жертвоприношение языческим божествам. Мотивы этих жертвоприношений различны. Многие западноевропейские ученые склонны видеть в самом жертвоприношении (включающим священную кровавую жертву – *курбан*) магический акт, совершившийся с целью обеспечить нормальные взаимоотношения (взаимообмен) между профанным и сакральным миром, между жертвующим (жертвоводателем) и сверхъестественными, персонифицированными языческими богами, предками, христианскими святыми-покровителями и т.д. В этом смысле жертвоприношение может рассматриваться как «символ дара», преподносимого для укрепления связи между «этим» и «тем» миром, как дар или плата, предназначавшиеся богам, святым местам (оброчным крестам), как материализованные посреднические мосты между двумя мирами, через которые реализуются потребности индивида традиционного общества и устанавливаются хорошие отношения с миром иным. Мотивами таких жертвоприношений была необходимость периодического обрядового усвоения / освящения семейно-родового сельского пространства (Христов 2004: 164–165).

Говоря об обряде *курбан* в духовной жизни гагаузов, отметим, что его истоки, как и корни других видов жертвоприношений, лежали первоначально не в религиозной сфере, а были связаны с их хозяйственной деятельностью. В результате влияния христианской обрядности *курбан* испытал значительную трансформацию как формы, так и содержания. При его совершении жертву посвящают Богу и христианским святым. В обряде принимает участие духовенство, животное окропляется *айязмой* (освященной водой), а в прежние времена его кормили освященной в церкви солью.

В гагаузской народно-религиозной культуре *курбан* – жертвоприношение барабашка – связывается с ветхозаветной традицией, с Авраамовой жертвой – сюжет которой широко представлен в гагаузском песенном фольклоре (Квилинкова 2011; 2020). Основная часть местного духовенства вплоть до

Квилинкова Е.Н. Курбан в контексте гагаузской православной идентичности: история и современность

недавнего времени перед закланием животного традиционно произносила молитву, в которой также упоминается этот ветхозаветный мотив. Священник, благословляя приносимые человеком подношения, просил Всевышнего принять их и даровать ему и членам его семьи здоровье и благополучие. Среди материальных благ перечислялось приумножение стад и богатый урожай. Помимо того, что священник возносил Господу свою молитву, жертвующий также со своей молитвой обращался к Нему.

Что касается традиционных воззрений об обязательности принесения кровавой жертвы и устройстве жертвенного пира, то со временем они стали уступать место представлениям, отражающим идею приоритета религиозных форм жертвования. Использование бессарабскими гагаузами практически во всех видах *курбана* наряду с кровавым жертвоприношением *курбана милости* или *рыбного курбана* (если праздник приходился на среду, пятницу или в пост) можно рассматривать как следствие активного воздействия Православной церкви на народный обряд. Несомненно, что распространение такой формы жертвоприношения, как *курбан* милости, является результатом «продвижения» значимости принципа социальной солидарности и усиления христианской религиозности гагаузов (сохранение животному / птице жизни, приумножение хозяйства бедных односельчан и др.).

Вместе с тем, очевидно, что изменение формы жертвоприношения в немалой степени объясняется обеднением крестьянства, которое, пытаясь любыми способами сохранить традиции отцов и дедов, в то же время стремилось свести к минимуму материальные затраты, связанные с проведением застолья и приглашением гостей. Однако независимо от способа жертвоприношения – кровавый или бескровный – обряд *курбан* представляет собой форму социальной помощи и солидарности.

Со второй половины XX в. в результате изменившегося в Бессарабии социально-политического устройства стал стремительно набирать силу процесс трансформации в области традиционной жизни сельского общества. Закрытие церквей в советский период сказалось не только на общем состоянии религиозности населения, но и на обряде *курбан*. Утратили значимость многие архаичные представления и ритуальные действия, традиционно его сопровождавшие. Например, стало необязательным соблюдение ряда требований, связанных с *курбаном*: специальный выбор животного для жертвоприношения и его выращивание, закапывание в землю костей и крови жертвенного животного, освящение священником предназначенного для жертвоприношения животного или приготовленной обрядовой еды и т.д. Значительно ослабла связь некоторых видов *курбана* с религиозной обрядностью.

В настоящее время у гагаузов наряду с сохранением традиционных способов приготовления обрядового блюда *булгур, каурма* используются

и современные (например, шашлык из мяса жертвенного животного). В некоторых селах можно увидеть на церковной трапезе, устраиваемой по случаю храмового праздника, различные светские «не курбанные» блюда, в том числе приготовленные со свиным мясом (например, капустняк, котлеты).

Таким образом, говоря о значимости института жертвоприношения в религиозном мировоззрении и народной обрядности, отметим, что в гагаузской культуре все важные этапы жизни семьи и сельского коллектива традиционно принято освящать молитвой, жертвоприношением и коллективной трапезой. *Курбан*, как один из наиболее значимых компонентов религиозно-народных воззрений гагаузов, воспринимается ими не только как освященное временем наследие предков и потому неприкосновенное, но и как неотъемлемая часть православной обрядности, как демонстрация их веры в Бога.

В *курбане*, который занимает важное место в календарной и семейной обрядности гагаузов, отчетливо проявляются элементы христианско-языческого синкретизма. Со временем этот обряд приобрел форму ритуального института и стал важной составляющей религиозной практики. В том, что он сохранился, есть немалая заслуга православного духовенства. Несмотря на то, что содержание данного обряда было во многом языческим, местное духовенство всячески поддерживало эту благочестивую традицию, подчеркивая ее религиозную значимость для народа. Участвуя в коллективных жертвоприношениях, оно тем самым освящало этот архаичный обычай.

Несмотря на то, что во второй половине XX – начале XXI в. обряд *курбан* под влиянием Церкви значительно трансформировался и ритуал приобрел более христианизированную форму, продолжают сохраняться некоторые его архаичные виды и формы, что вполне объяснимо. Степень сохранности института жертвоприношения и его значимость в религиозно-народных представлениях гагаузов свидетельствуют о том, что он продолжает оставаться важной частью их православной обрядности и идентичности, а так неотъемлемым компонентом этнокультурного кода. В таких формах народно-религиозных празднований, составляющих богатство народной культуры, ярко выражена как этническая компонента православия гагаузов, так и характерная для них балканская культурно-региональная идентичность.

Квилинкова Е.Н. Курбан в контексте гагаузской православной идентичности: история и современность

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Квилинкова Е.Н. Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни». Кишинев: Elan Inc, 2011.

Квилинкова Е.Н. Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат; София: Tip. Centrală, 2013.

Квилинкова Е.Н. Курбан у гагаузов (Архаическая современность). Кишинев: Tip. Centrală, 2015.

Квилинкова Е.Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tip. Centrală, 2016.

Квилинкова Е.Н. Соционормативная культура гагаузов: традиции и трансформации. Кишинев: Tip. «Print Caro», 2020.

Мосс М. Социальные функции священного. СПб., 2000.

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение. 1901. № 2. С. 1–44.

Ciachir M. Religiozitatea găgăuzilor // Viața Basarabiei. Chișinău, 1934a. Nr. 3. P. 21–28.

Ciachir M. Obiceiurile religioase ale găgăuzilor din Basarabia. Curbanele sau Sacrificiile // Viața Basarabiei. Chișinău, 1934b. Nr. 6. P. 4–8.

Христов П. Общности и праздники. Служби, слави, събори и курбани в южнославянското село през първата половина на XX век. София, 2004.

Сведения об авторе: Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Национальная академия наук Беларусь (220072, ул. Сурганова, 1/2, Минск, Республика Беларусь); civilincova@mail.ru

Поступила 12.04.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

KURBAN IN THE CONTEXT
OF THE GAGAUZ ORTHODOX IDENTITY:
HISTORY AND MODERNITY

E.N. Kvilinkova

*K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore,
National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, the Republic of Belarus
civilincova@mail.ru*

In this article, the Kurban rite (animal sacrifice), which occupies an important place in the Gagauz calendar and family rituals, is analyzed through the prism of Orthodox identity. The form and content of various varieties of this rite are considered, as

well as its role and significance in the ethnocultural code of the Gagauz people. The author especially dwells on the study of the qurban of the church, in which the elements of Christian-pagan syncretism are clearly manifested. Based on the analysis, it is concluded that over time, the Kurban rite among the Gagauz people acquired the form of a ritual institution and became an important component of Orthodox rituals. The fact that it has survived is not a small merit of the Orthodox clergy.

The article provides information that in the second half of the 20th – early 21st centuries. As a result, the ritual acquired a more Christianized form, but, despite this, some of its archaic features continue to be preserved. It is emphasized that in the Gagauz folk-religious culture this form of sacrifice is associated with the Old Testament tradition – the Abrahamic sacrifice, the plot of which is widely represented in the Gagauz song folklore. It is concluded that both the ethnic component of the Gagauz Orthodoxy and their characteristic Balkan cultural and regional identity are clearly expressed in private and general holiday celebrations, of which Kurban is an integral part.

In conclusion, it is noted that the Kurban rite continues to remain an important part of the Gagauz Orthodox rituals and identity, being an integral component of their ethnocultural code. This is evidenced by the degree of preservation of this institution of sacrifice and its significance in the religious and folk ideas of the Gagauz people.

Keywords: kurban, sacrifice, Gagauz, Orthodox identity, ethnocultural code

For citation: Kvilinkova E.N. Kurban v kontekste gagauzskoy pravoslavnoy identichnosti: istoriya i sovremenost [Kurban in the Context of the Gagauz Orthodox Identity: History and Modernity]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 271–289. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.271-289>

REFERENCES

Kvilinkova, E.N. 2011. *Gagauzskiy pesennyj folklor – “Grammatika zhizni”* [Gagauz song folklore – “The Grammar of Life”]. Kishinev: Elan Inc. Publ. (In Russian)

Kvilinkova, E.N. *Pravoslavie – sterzhen' gagauzskoy etnichnosti* [Orthodoxy is the Core of the Gagauz Ethnicity]. Komrat; Sofiya: Centrală Publ., 2013. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Kurban u gagauzov (Archaic Modernity)* [Kurban among the Gagauz (Archaic Modernity)]. Kishinev: Centrală Publ., 2015. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Gagauzy v etnokul'turnom prostranstve Moldovy (Narodnaya kul'tura i etnicheskoe samosoznanie gagauzov skvoz' prizmu svyazi vremen)* [The Gagauz in the Ethnocultural Space of Moldova (Folk Culture and Ethnic Identity of the Gagauz through the Prism of the Connection of Times)]. Kishinev: Centrală Publ., 2016. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Sotsionormativnaya kul'tura gagauzov: traditsii i transformatsii* [The Socionormative Culture of the Gagauz people: Traditions and Transformations]. Kishinev: Print Caro Publ., 2020. (In Russian)

Mauss M. *Sotsial'nye funktsii svyashchennogo* [Essay on the nature and function of sacrifice]. St. Petersburg, 2000. (In Russian)

Квилинкова Е.Н. Курбан в контексте гагаузской православной идентичности: история и современность

Moshkov V.A. Gagauzy Benderskogo uezda. Etnograficheskie ocherki i materialy [Gagauz, Bendery district. Ethnographic essays and materials]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1901, no. 2, pp. 1–44. (In Russian)

Ciachir M. Religiozitatea găgăuzilor [The Religiosity of the Gagauz]. *Viața Basarabiei*. Chișinău, 1934a, no. 3, pp. 21–28. (In Romanian)

Ciachir M. Obiceiurile religioase ale găgăuzilor din Basarabia. Curbanele sau Sacrificiile [The Religious Customs of the Gagauzians in Bessarabia. Curbanes or Sacrifices]. *Viața Basarabiei*. Chișinău, 1934b, no. 6, pp. 4–8. (In Romanian)

Khrustov P. *Obshchnosti i praznitsi. Sluzhbi, slavi, sbori i kurbani v yuzhno-slavyanskoto selo prez pervata polovina na XX vek* [Communities and Holidays. Services, Celebrations, Fairs and Sacrifices in a South Slavic Village in the First Half of the 20th Century]. Sofiya, 2004. (In Bulgarian)

About the author: Elizaveta N. Kvilinevova, Doctor Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova St., Minsk 220072, Republic of Belarus); civilincova@mail.ru

Received April 12, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

МИКРОИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 908

ТӘТЕШ ЯГЫ ТАТАРЛАРЫНДА МИГРАЦИОН КҮРЕНЕШЛӘР: ЮНӘЛЕШЛӘРЕ, СӘБӘПЛӘРЕ һәм нәтижәләре (XVI ГАСЫРНЫң ИКЕНЧЕ ЯРТЫСЫ – XX ГАСЫР БАШЫ)

Э.К. Салахова

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең

III. Мәрҗәни исемендәгә Тарих институты

Казан, Россия Федерациясе

ilsalah@mail.ru

Тәкъдим ителгән хезмәттә Тәтеш төбәге халкының миграцион халәтен һәм процессларын карау, шулай ук күчү урыны буларак теге яки бу урынны сайлау, күчүгә этәргән сәбәпләрне ачыклау бурычлары куелды. Төбәк тарихын бу ракурста өйрәнү беренче тапкыр башкарыла. Безнең фикеребезчә, төбәк тарихын өйрәнүдә мондый алым актуаль, чөнки татар җәмгыятендә нәсел тамырлары, бәйләнешләр һәрвакыт көчле булган, бер нәсел кешеләре төрле төбәктә яшәсәләр дә, бер-берсе белән элемтәдә торғаннар, бу, үз чиратында, миграцион юнәлешне сайлауга да тәэсир иткән.

Безнең тикшеренү нәтижәсендә Тәтеш халкында тарихын төрле этапларында булган берничә миграция юнәлеше ачыкланды. Болгар дәүләте тузганның соң, алга таба Казан ханлыгы жәмрелгәч, аерым нәсел, авыл кешеләренең хәзерге Татарстан Республикасы Спас районы якларына күчеп китүе күзәтелә. Мондый күчеш аңлашыла да, чөнки халық хәтере буенча бу күчеш үз жирлегендә, үз дәүләттә кысаларында барган итеп кабул ителә. Билгеле булганча, Идел буе Болгар дәүләтенең жирләре Идел елгасының сул ягына да, уң ягына да жәелгән була. Шулай ук Тәтеш ягыннан чыккан кешеләр тарафыннан хәзерге Спас, Әлмәт районнары ягындағы кайбер авылларның нигезләнүен дә құрсатергә кирәк. Миграция өчен, сәяси халәт кебек үк, икътисадый шартлар да сәбәп була ала. Сөрү жирие азлыгы халыкны жир күбрәк булган Уфа губернасы Минзәлә өязенә китәргә этәрә. Тау яғы халкының көньяктагы Әстерхан шәһәре белән бәйләнеше, бу жирлекнен сату-алу өчен географик яктан үңайлы урнашуы, шулай ук биредәге табигать шартлары күп кенә кешеләрне Идел буендағы ачлык елларында ачлыктан коткарып кала. Урта Иделдән күчүчеләр арасында күпчелекне Тау яғы кешеләре тәшкил иткән.

Төрле төбәктә яшәүче татарларның тарихи бәйләнешен, күчеш күренешләрен, юнәлешләрен ачыклау жирле тарихны, авыллар тарихын өйрәнүгә яңа материал бирә.

Сэлахова Э.К. Тәтеш яғы татарларында миграцион күренешләр: юнәлешләре, сәбәпләре һәм нәтижәләре...

Ачкыч сүзләр: Тәтеш, миграция, Болгар дәүләте, Әстерхан төбәге, татар халкы, ачлык

Сылтама ясау өчен: Сэлахова Э.К. Тәтеш яғы татарларында миграцион күренешләр: юнәлешләре, сәбәпләре һәм нәтижәләре (XVI гасырның икенче яртысы – XX гасыр башы) // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. Б. 290–301. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.290-301>

Тарихта халыкларның күчеше, яшәү өчен бер урыннан икенче урынга китүләр һәрвакыт булып торган. Әмма миграция беркайчан да теләсә нишек бармаган. Һәр күчешнен үз сәбәпләре, максатлары һәм тарихи жырлелеге булган. Миграция юнәлешен билгеләүгә дә сәяси, икътисадый һәм тарихи факторлар тәэсири иткән. Тәтеш төбәгендә яшәүче татарлар да, халык дәүләтчелеген югалткач, киту өчен татарлар яшәгән башка төбәкләрне сайлаганнар. Бу төбәк тарихындагы әлеге проблеманы караганда зур миграцион күренешләр турында сүз алыш бара алмыйбыз, ә бары тик мәгълум сәбәпләр арасында аерым кешеләрнен яисә кешеләр төркеменен күчеше турында сүз бара. Бу як кешеләренен тарихи бәйләнешләре башка төбәк татарлары белән дә тыгыз, күчеп килгән Тәтеш яғы татарлары башка төбәкләрдә авыллар да нигезләгәннәр. Авыл тарихларын барлаганда бу процессларның тарихта мөһим бер урын алыш торуын өйрәнү кирәк.

Идел буенда оешкан Болгар дәүләтә тарих сәхифәләрендә мөһим бер дәүләт буларак билгеле. Дәүләтнең зур территориясе әлегә кадәр ачыкланып бетмәгән, соңғы тарихи эзләнүләр нәтижәсенә дәүләт биләмәсе әлегә кадәр билгеле булғаннан күпкә зуррак булуына дәлилләр өстәлде. Болгар дәүләтенен хәзерге вакытта тарихи истәлекле жир итеп каралган яғы бары Иделнең сул яғы, әмма аның Иделнең уң яғында да биләмәләре зур була һәм бу яғы дәүләтнең икътисадый яктан мөһим төбәге булган. Хәзерге Кама Тамагы, Тәтеш яғы жырләре элекке Болгар дәүләтенен тарихи истәлекләрен саклый. Бу шул якта табылган археологик, нумизматик материалылар белән раслана. Иделнең ике яғында урнашкан бердәм дәүләт халкы бер-берсө белән аралашып яшәгән. Тарихчы Г. Әхмәрев Тәтеш яғының Шонгаты авылы халкы Болгар шәһәре белән кыз алышкан, кыз бирешкән, дип яза. Ул фактларны шул заманда яшәгән кешеләрнен хәтер сөйләмнәренә таянып әйтә. Димәк, Шонгатының башкала Болгар шәһәре белән зурлығы, мөһимлеге яғыннан бер дәрәҗәдә булуына да ишарә. Моннан кала, элекке Шонгаты шәһәрлеге булган урыннарда яшәгән жырле халык Шонгатыдан Болгарга бара торган юлның кайдан узын XX йөз башында да әле хәтерләгәннәр. Дәүләт халкының бер-берсө белән аралашу даирәсе, хәтта ки никахлашу даирәсе шул дәүләт кысаларында бара. Болгар шәһәре туздырылганның соң дәүләтнең Иделдәгә икенче як өлеше –

Тәтеш яғы, беркүпмедер тынычрак яқ булуы белән дәүләт халкының бер күпмесендер үзенә сыендыра.

1552 елда Казан ханлыгы яуланып алынып, дәүләт буларак мөстә-кыйльлеген югалткач, көчләп чукындыру һәм руслаштыру сәясәте башла-на. Иманны югалту куркынычы килеп тугач, халық үз-үзен саклап калу, иманын югалмас өчен ата-бабалары яшәгән жирлектән күчеп тә китәргә мәжбүр була. Күчешнәң сәбәпләре алга таба бу гына булмыйча, моңа баш-калары да ёстәлә. Шулардан, Тәтеш яғы татарлары мәгариф-агарту мис-сиясе белән дә башка тәбәкләргә барып чыгып, авыллар нигезлиләр, шу-лай ук жир азлыгы да күченеп китәргә сәбәп була. Вакытлы эшкә китеپ, аннан башка тәбәкләрдә яшәп калып, якташларын да үз яннарына алып торак пунктлары булдырулары да күзәтелә.

Бу очракта күчеш дигәндә зур группа халыкның күчеп китүен, зур миграция процессын түгел, ә аерым кешеләр, аерым нәселләрнең күчен күз алдына китерергә кирәк. Араплар ерак булса да, Тәтеш тәбәгә нәселләренең Самара губернасы Бөгелмә өязе, Уфа губернасы Уфа, Минзәлә өязләрендәге кайбер авыллар тарихы белән бәйлелеге куренә. Шундый-лардан, Тәтеш яғының атаклы бер нәселе Алиш бәк варисларының нәсел дәвамчыларын կүп жирләрдә очратырга мөмкин. Ш. Мәрҗани Алиш бәк нәселе борынгы Болгар шәһәре жирлеге – Мең өйле Шонгаты жиреннән күчеп килеп, Иске Әлмәт авылына нигез сала, дип яза. Марсель Әх-мәтҗанов Иске Әлмәт жирлегенә Алиш бәкнең кече улы Әлмәхәммәд (Әлмәт) 1650 елдан соң килеп төпләнгән булса кирәк, дип фаразлый. Бу хәзерге Татарстан республикасы Нурлат районына кергән Иске Әлмәт авылы турында сүз бара, әмма энциклопедик сүзлектә Иске Әлмәтнең нигезләнү вакыты итеп бары тик 1730 еллар гына күрсәтелә (Населенные пункты 1997: 218). Мондый төр сүзлекләрдә авылларның нигезләнү вакыты итеп бары тик аларның исемнәренең беренче тапкыр рәсми документларда теркәлү вакыты алына, чынлыкта исә нигезләнү чоры, әлбәттә, иртәрәк була. Шуна да халыкның үзе тарафыннан тудырылган чыганакла-рына нигезләнү бу очракта төгәлрәк датаны бирә алуын танырга тиешbez.

Алиш бәк нәселенең Гобәйдулла бине Жәгъфәр 1822 елга кадәр Иске Әлмәттә имамлык итә (Мәрҗани 1989: 293–294), аның вафатыннан соң Гобәйдулла хәэрәтнең уллары, аның нәсел дәвамчылары Әлмәтнең рухи тормышында, халыкның аң-белем үсешендә зур роль уйнаган шәхесләр.

Әлбәттә, таза тормышлы морза гайләсе бирегә үз биләмәләрен артты-ру максаты белән килә. Әлмәхәммәд 1670 елларда инде Әлмәт тәбәгенең хәлле, маллы морзасы була. Тәтеш яғында исә Алиш бәкнең Чирмешән елгасы буйларында Багдан исемле улы һәм аның уллары утарлар totkan-нар. Ә Апас тәбәгенең бөтен көньяк авылларында Алиш бәкнең улы Ба-дан нәселе таралган.

Сэлахова Э.К. Тәтеш яғы татарларында миграцион күренешләр:
юнәлешләре, сәбәпләре һәм нәтижәләре...

Шуши ук нәсел хәзерге Спас районына карый торган авыллар тарихы белән дә бәйле. Югарыда эйтеп Гобайдулла хәзрәтнең нәсел дәвамчысы Нигъмәтулла улы Нурулла Иске Әлмәттән Спас өязенең Көек авылна килеп гомер итә. Ул Алишбәк нәселенең сигезенче буыны булса, шуши нәссәлдән чыккан балалар язучысы Габделбарый углы Абдулла Алиш (1908–1944) бу нәселнең унынчы буыны (Ахметзянов 2010: 11–14). Сүз унаеннаң Алиш бәк нәселенең бер тармагы күренекле публицист, журналист, артист Камил Мотыйги, артистка Галия Кайбицкая (хәзерге Татарстанның Кайбыч районы), тарихчы Сәлам Алишевны (Чистай районы) биргәнлеген дә эйту кирәк.

Өлбәттә, ин якын бәйләнеш Болгар дәүләтенең икенче як ярындагы жир белән, шунда яшәүче халыклар белән була. Шуңа мисал итеп хәзерге Иске Баллы Күл авылын китерү мөмкин. Заманында үзенең фәнни экспедициясе вакытында археограф Сәед Вахиди Иске Баллы Күл авылының борынгы Болгар шәһәре урынындағы авыл икәнен картлар сөйләвеннән язып алган. Авыл кешеләренең хәтере буенча, Казан ханлыгы жимерелеп, авыр чорлар башлангач, шуши авылга Тәтеш өязенең Күккүз авылыннан берничә нәсел күчеп утыра. Халык хәтере буенча Бәйкә баба, Боерган баба һәм тагын бер нәсел – барысы өч нәсел күчеп килгән (Рухи мирас 2017: 62). Алга таба Болгар чорыннан ук килгән Баллы Күллеләр белән Күккүз нәссәлләре бербөтен булып яшәп китәләр. Бирегә күченүнең сәбәбен халык үзе түбәндәгечә анлаткан: “Чукынмаган мөсемманнарны авыллардан сөреп, икенче жирләргә жаратканнар. Шулай итеп, бик күп мөсемман авыллары әрәм булып беткәннәр. Менә монда авыр заманнар, безнең әбىбабайлар өчен дә караңгы вә кайғы чоры булып, озак еллар шулай дәвам иткәннәр. Менә шундый дингә қыстау чакларында безнең бабайлар Тәтеш өязеннән күчеп килеп, ыспас өязенең кап-кара күе урман белән чорналган бер почмагына, шәһре Болгар заманаусыннан бирле дине исламны тотып килә торган бер авылга, әлеге Баллы Күл авылына килеп утырганнар” (Рухи мирас 2017: 60). Археограф Сәед Вахиди фәнни экспедициясендә бу авыл кешеләренең тышкы қыяфәтләренә игътибар итеп: “Баллы Күлдә минем белән мосахабәдә булган бабалар, гомумән ул авылда мин күргән кешеләр, ире һәм хатыны озын буйлы, мәhabәт қыяфәтле, үткен кара күзле, төреклек канын, төреклекнең җисмани җәһәттән булган бик күп хосусиятләрен саклап килгән кешеләр иде. Әгәр боларга яхшы мәктәп тәрбиясе бирелгән булса, боларның эчендән уйламаган эшлекле адәмнәр чыккан булыр иде дигән фикер килде”, – дип язган (Рухи мирас 2017: 62). Тәтеш нәссәлләре килгәнчे үк бу Баллы Күл халкы куркусыз, баш бирмәс халык булып, халык хәтеренә үзләре шәригать кануннары белән хөкем итеп яши торган буларак кереп калган.

Баллы Күл авылы тарихы борынгы Болгар чорыннан ук килә, әмма аның нигезләнү датасы итеп тә белешмәлектә бары тик XVII йөзнең икен-

че яртысы күрсәтелә. Иске Баллы Күл кешеләре һәм Тәтеш төбәгә татарлары белән күшүлган нәселләр нигезләгән, аннаң аерылып чыккан Яңа Баллы Күл тарихы белешмәлекләрдә XVIII гасырдан башлана дип күрсәтелә (Населенные пункты 1997: 45–46).

Тәтеш кешеләренең Спас ягына күчеп утыруларының башка сәбәпләре дә булган. Тарихы борынгы Болгар чорыннан ук килгән Ташбилге авылында да Тәтеш өязеннән чыккан нәсел яшәгән. Авылда аларны Ишем жәвере (нәселе) дип йөрткәннәр. Ташбилге халкы узенең шәжәрәсен Болгардан килгән Мөслим бабага нисбәт иткән, ә Ишемнекеләрне килгән халык буларак бик яратып бетермәгәннәр. Алар монда сөргөнгә жибәрелгән кешеләр булса кирәк. Сәед Вахиди авыл кешеләре сүзләреннән “авылдагы жыртлач, усал күштәннар әнә шул Ишем жәверләреннән чыгып килгән, югыйсә Ташбилгенең үз халкы юаш, мәрхәмәтле, кешегә ярдәмче халыклар”, дип язган (Рухи мирас 2017: 45–47). Бәлки килучеләр гамәлләре белән авыл кешеләреннән аерылып та торғаннардыр, ә бәлки килгән кешеләрне сак кабул итү, кайбер очракта өнәп бетермәү аркасында гына туган фикер булуы да ихтинал.

Энциклопедик белешмәлектә нигезләнү вакыты итеп XVII–XVIII йөзләр күрсәтелгән Спас районына керә торган Иске Рәҗәп, Чәчәкле авылларының тарихының башы Тау ягындагы Бигеш дигән кеше белән бәйле. Тау ягы мирзасы Бигеш XVII йөздә рус хөкүмәтендә яллы хезмәттә була, билгеле булганча, яллы хезмәт мирзалары хезмәт итү өчен башка төбәкләргә дә күчерелгәннәр, Бигеш исә Кама аръягы зонасына күчерелә. Спас төбәгендәге Рәҗәп авыллары Бигеш нәселеннән булган Рәҗәп баба тарафыннан нигезләнә. Рәҗәп баба үзе Тәтеш янындагы Олы Тархан кешесе. Аның нәсел шәжәрәсе Ризаәддин Фәхреддиневнең “Шәжәрәләр мәжмугасы”нда сакланган (Өхмәтҗанов 1995: 121). Бу нәсел Болгар шәһәрлеге жирләреннән алыш хәзерге Әлмәт шәһәренә кадәр булган жирләрдә яшәп калганнар. Бу зур нәселнең тарихы шуши жирлектә дәвам итә.

Казан яуланып алынганнан соң XVI йөзнең икенче яртысыннан башлап, бигрәк тә XVII–XVIII йөзләрдәге чукындырудан качып, шулай ук жир азлыгыннан арып татарларның тынычрак, жир дә мулрак булган жирләргә күчеп китүе арта. Уфа губернасына караган Минзәлә, Самара губернасының Бөгелмә өязләренә караган жирләргә, бу жирләр белән чиктәш булган хәзерге Башкортостан жирләренә татарлар килеп урнаша башлый. Алар, нигездә, бу жирләргә Казанга якын булган регионнардан күчкәннәр. Китүчеләр арасында татарлар гына түгел, ә башка халыклар: марилар, чуашлар, удмуртлар да була. Килеп жир алган, шунда яшәп калган күчеп килучеләр “типтәр”, “яңа башкорт”, “башкорт” дигән сословия тәшкил итәләр.

Башкортостан жирлегендә типтәрләр тарафыннан нигезләнгән авылларның исемнәре бу төбәkkә халыкның кайдан күчеп килүе хакында

Салахова Э.К. Тәтеш яғы татарларында миграцион күренешләр:
юнәлешләре, сәбәпләре һәм нәтижәләре...

фикерләргә мөмкинлек бирә. Тарихчы Г. Әхмәрев тә типтәрләр турында “Тептири и их происхождение” дигән хезмәтендә охшашлык булган 28 авыл исемен атый (Гайнетдин Әхмәрев 2000: 301–320]. Шулар арасында Тәтеш өязендә дә очрый торган Апас, Бәйрәш, Балтач, Бик, Дәүеш, Ишево, Ишем, Ишле, Карабай, Курмыш, Келәнче, Кләш, Тинкәш, Турай, Чаллы исемнәре Минзәлә, Бәләбәй, Бирск, Уфа, Стәрлетамак өязләрендә дә бар. Галим фикере буенча, бу авылларның тарихында, аларның нигезләнүендә шул исәптән Тәтеш яғы халкының да роле булган. Борынгы шәҗәрәләр дә, халык хатирәләре дә бу бәйләнешне раслыйлар. Мондый күчеш XX йөз башында да дәвам иткән, мисал өчен Тәтеш өязенә кергән Бикмораз авылъинан (хәзерге Буа районы) Татарстанның Әлмәт яғыннан киткән нәсел әлеге жирикәтә яшәвен дәвам итә.

Тәтеш яғы халкының бик ерак булса да, Әстерхан яғы белән тыгыз тарихи бәйләнеше бар. Тәтеш өязенә кергән авыл кешеләреннән хәзерге көнгә кадәр “безнең Әстерхан яғында туганнарыбыз бар”, яисә “балачагымда Әстерханнан туганнар кайтып йөри иде”, дигән сүзләрне еш ишетергә туры килә. Хәтта “Әти безне Әстерханга алыш китмәде, ачлыктан монда да исән калдык”, дигән сүзләрне дә ишетергә туры килә. Димәк, Әстерхан якларына барып чыгуның берничә дулкыны һәм сәбәбе булган. Шул ук Казан ханлыгы яуланганин соң әле руслар кулына көрмәгән татар дәүләтенә – Хажитарханга сыенганны, алга таба руслаштыру, чукындырудан качып та китүләр башланган. Әлбәттә, Идел елгасының югари агымындагы татарларның Әстерхан якларына күпләп килүенең сәбәбе – ул сәүдә белән бәйле. Белүебезчә, Әстерхан географик яктан сәүдә өчен бик уңайлы урында, Әстерхан аша Кытай, Һиндстан, Иран h.б илләрдән товар агылган. Бу шәһәр элек-электән Россиянең көнчыгыш һәм көньякта тышкы сәүдә арадашчысы булып торган. Моннан кала, кышкы сезонда вакытлы эшкә китүчеләр, балык тоту яисә Иделдә төрле авыр хезмәтләргә ялланып эшләүчеләр дә торабара тамак түйдүрү өчен эшләү мөмкинлеге зуррак, табигать шартлары белән дә уңайлырак булган Әстерхан жирикегендә төпләнеп калалар. Бу якка китүненә тагын бер сәбәбе – ул ачлык. Аннан репрессия мал-мөлкәтне тартып алган чорда бу якларга Казан тирәсендәге бик күп татар гайлә-гайлә булып күчеп китә. Әстерхан жирикегенә килеп урнашкан Югары Идел татарлары, нигездә, Әстерхан шәһәренең татар бистәсе – Тияктә яшәп калганнар. Килүчеләр арасында Пенза, Нижгар, Самара губернасы татарлары күп була. Казан губернасы, хәзерге Татарстан жирикегеннән дә Әстерхан якларына күчеп килүчеләр һәрвакытта да шактый булган.

Шунысы кызыкли, Әстерхан тәбәгендә Казан арты татарларына караганда, тамырлары белән Тау яғыннан булучылар күпчелекне тәшкил итә. Әстерхан шәһәренең метрика дәфтәрләрендәге язмалар бу хәлне раслый (Салахова 2016: 86–95). Мисал өчен, Тәтеш районына керә торган Коллар авылы (Кызыл Тау), Коштау, Табар Черкене, Бакырчы, Урта Бал-

тай, Түбән Балтай, Колгана, Буа районаның Бәбки, Әхмәт, Ташкичү, Кабалан, Күзби һәм башка авылларның кешеләрен күрергә була, аларның күбесе зур гайләләре белән, туганнары белән Әстерханга килеп төпләнгән. Әстерханның Татар бистәсендә яшәүчеләрне теркәгән 1744 елгы документта да Тау яғыннан килгән гайләләр булуы күренә, аларның килү сәбәбе эшкә килү итеп күрсәтелгән. Мисал очен, Бәке Йомралысы, Яңа Сала, Әхмәт, Балтай, Алабирде, Келәш, Зөябаш h.б. авыл кешеләре теркәлгән (ГА АО: 1-34 кгз.).

Әстерханга Урта Идел регионыннан килгән кешеләрне бу регион халкы ничек кабул иткән соң, аларның мөнәсәбәтләре ничек булган дигән сорауга болай җавап бирергә була. Әстерханда яшәүче татарлар Иделнең югары агымыннан килгән кешеләрне үз җәмәгатьчелегенә бик жиңел кабул итә, чөнки болар бөрбетен татар халкы. Гомумән, Әстерхан төбәгенә башка жирләрдән килүчеләр, шул ук Кырым, Себер якларыннан да даим күчеп килүчеләр булып торган, шуңа алар моңа гадәти күренешкә караган кебек кенә карыйлар. Әмма Казан татарлары беренче вакытларда жирле татарлар белән бик үк еш никахлашмаганнар, никахлар құбрәк үз арасында булган, яисә килүчеләр үз қызларын жирле байларга кияүгә биргәннәр. Бу инде яңа жирдә яраклашу, урнашуны жиңеләйтү очен эшләнгән. Соңрак исә жирле халык белән килүчеләр арасында никахлар ешая, моны Әстерхан шәһәренең метрика язмалары раслый. Килүчеләр, нигездә, Әстерхан шәһәренең Татар бистәсендә төпләнгәннәр. Ә сату-алу, һөнәрчелек белән түгел, ә жир эшкәртүче катлам – игенчеләр – Әстерхан яғын DAGY авылларны сайлаганнар, андагы татар авылларында яшәп калганнар.

Урта Иделдән Әстерханга күченүнең зур сәбәбенең берсе – ул Урта Идел буендагы ачлык, ә ачлык еллар, қызганычка каршы, шактый еш кабатланып торган. XIX йөзнең 70–90 елларында Әстерхан төбәгенә ачлыктан һәм эпидемиядән качып атаклы рухани, Коръәнне яттан белүче, үләннәр белән дәвалаучы Исмәгыйль Искәндәрев гайләсе белән Яңа Болгар авылына килеп төпләнә. Болгар авылының нигезләүчеләр, аның беренче яшәүчеләре Казан яғыннан чыккан кешеләр була, алар арасында чыгышлары белән Тәтеш яғыннан булган кешеләрнең күп булуы да билгеле. Бу авылны нигезләүче һәм монда беренчеләрдән булып яшәп киткәннәр, нигездә, XIX йөзнең 80–90 елларында туган кешеләр, аларның уртача яшьләре 33 яшь була. Димәк Әстерхан жирлегенә килеп авыл оештырган кешеләр көн күрү очен килгән урта яшьләрдәге физик яктан нык кешеләр булган. Шулар арасында Шәмәк авылыннан (Апас районы) Нәжметдинов Габделхақ, Мәжитов Хәлиулла, Тәтешнең узеннән Хөсәенев Мөхәммәдьяр (1905 елда туган), Әмиров Сиражетдин шулай ук чыгышы белән Тәтеш өязе авылыннан, Фәхреддинев Шәйдулла, Мөгарипова Мәрфуга, Бакиев Гайнулла h.б Тау яғыннан килеп төпләнгән кешеләр. Алар арасында шулай ук Спас өязе авыллары кешеләре дә, Югары Иделнең башка төбәк-

Сэлахова Э.К. Тәтеш яғы татарларында миграцион күренешләр:
юнаелашләре, сәбәпләре һәм нәтижәләре...

ләреннән килгән кешеләр дә бар. Бу кешеләрнең зур күпчелеге алдан Әстерхан тәбәгенең башка авылларында яшәгәннәр. Яңа Болгар авылы жирле Әстерхан татарлары авылы түгел, ул Югары Иделдән күчеп утырган кешеләр авылы, монда гомер итучеләр үзләренең нәселләренең чыгышлары Югары Идел белән бәйле икәнен белсәләр дә, аларның күбесе нәсел тамыры булган авылларының исемнәрен инде хәтерләмиләр.

1918 елда нигезләнгән бу авылга ни өчен шундый исем сайланганы әлләни шаккattyрырга тиеш түгел кебек. Идел буенда яшәгән халыклар дәүләтләре туздырылса да, үз дәүләтләрен сагынганнар, аны хәтерләгәннәр. Күчеп китеп башка тәбәкләрдә нигезләгән торакларына еш кына дәүләт исемен күшүп аны мәңгеләштерергә тырышканнар. Шулай да, Әстерхан тәбәгендә Урта Иделдән килгән татарлар нигезләгән, алар яшәгән башка авыллар, мәхәлләләр дә бар. Габделхак Мәҗитов Комаровка авылында кибет тоткан, Сәлимҗан Хәбибуллин Малявка авылында төпләнә (хәзер Волгоград өлкәсенә керә), аннан Әстерхан губернасының Тишково авылына күченә, аннан инде якташлары нигезләгән Яңа Болгар авылына килеп гомер кичерә. Сираҗетдин Әмиров та 1918 елда Тишково авылыннан Яңа Болгарга күчә. Казан яғыннан килүчеләр Майлы Құл, Каргалық, Кызын h.б авылларда гомер иткәннәр, аларның нәселләре хәзер дә элеге жирдә дәвам итә (Сираҗетдинов 2001: 7–18).

Тәтеш яғы халкының Әстерхан яғы жире белән тыгыз бәйләнештә булуы, күчеш өчен бу якларны сайлауның сәбәпләре арасында бары тик климатик шартлар, икътисадый үңайлык булу белән генә чикләнмәскә дә мөмкин. Күп очракта бу бәйләнеш тирәндәрәк тә булуы ихтимал. Ике татар дәүләте – Казан ханлыгы белән Хажитархан гасырлар дәвамында тыгыз бәйләнештә яшәгән. Казан ханлыгы чорында Хажитарханнан килеп Тау яғында төплөнүләр күп була, ихтимал, шул чордан булган халыкларның тарихи бәйләнешләре күчеш өчен бу юнаелашне сайлауга китерергә мөмкин.

Төрле тәбәктә яшәүче татарларның бер-берсе белән бәйләнешен өйрәнү қызықлы нәтижәләргә китерә. Нәсел бәйләнешләрен, күчеш тарихларын өйрәнү жирле тарих һәм авыллар тарихын ачыклауның яңа мөмкинлекләрен ача.

ЧЫГАНАКЛАР ҺӘМ МАТЕРИАЛЛАР

ГА АО – Государственный архив Астраханской области. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1021.

Гайнетдин Әхмәрев: тарихи-документаль жыентык. Казан: Хәтер, 2000.

Мәрҗани Ш. Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989.

Рухи мирас. Эзләнүләр һәм табышлар. Казан, 2017. 4 нче чыгарылыш.

ФЭННИ ӘДӘБИЯТ

Ахметзянов М.И. Родословная Алиша // Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань: Магариф, 2010. С. 11–14.

Әхмәтҗанов М.И. Татар шәжәрәләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995.

Населенные пункты Республики Татарстан. Краткий справочник. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1997.

Салахова Э.К. Метрические книги как источник изучения татарской общины г. Астрахани (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Историческая этнография. 2016. Т.1, № 1. С. 86–95.

Сиражетдинов Ш.К. История села Новые Булгары. Астрахань, 2001.

Автор турында белешмә: Сәлахова Эльмира Кадим кызы – тарих фэннэрे кандидаты, Татарстан республикасы халыкларының тарихи-мәдәни мирасы бүлгегенең өлкән фәнни хезмәткәре, Татарстан республикасы Фәннэр академиясенең III. Мәрҗани исемендәге Тарих институты (420111, Батурина ур., 7А, Казан, Россия Федерациясе); ilsalah@mail.ru

Редакциягә керде 14.09.2021

Басылуга кабул итепде 22.11.2021

Басылды 29.11.2021

**MIGRATION PROCESSES AMONG TATARS
OF THE TETYUSHSKY KRAI:
DIRECTIONS, CAUSES AND RESULTS
(THE SECOND HALF OF THE 16TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

E.K. Salakhova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ilsalah@mail.ru*

The presented article sets the tasks to consider the migration conditions and processes among the population of the Tetyushsky Krai, to identify the historical validity of their choice of a particular region for living, to determine the reasons that contribute to the movement of the population. The study of the history of the region in this perspective is being conducted for the first time.

In our opinion, this approach to the study of local history is relevant. Ancestral ties in Tatar society have always been strong and representatives of the same family living in different regions maintained close contact and, therefore, kinship ties considerably affected the migration direction.

In the course of our research, several directions of migration of the population of the Tetyushsky Territory were identified in different periods of history: after the fall of

*Сәлахова Э.К. Тәтеш яғы татарларында миграцион күренешләр:
юнәлешләре, сәбәпләре häm нәтижәләре...*

the Bulgarian state and, subsequently, the Kazan Khanate. The migration of certain clans took place on the territory of the current Spassky district of the Republic of Tatarstan. This movement was quite understandable, since in the memory of the people it was perceived as a movement within their land, their state. It is known that the territory of Volga Bulgaria stretched both in the left and right banks of the Volga River. It should also be noted that natives of the Tetyushsky Region founded some villages in the Almetyevsk and Spassk districts of the Republic of Tatarstan. The lack of arable land contributed to the movement of the population to the Menzelinsk district of the Ufa Province, in search of better conditions for farming. The connection of the inhabitants of the Mountain side with the southern city of Astrakhan is primarily due to its convenient geographical location for trade relations, which has been a favorite occupation of the Tatars since the beginning of centuries. Also, the climatic conditions of the southern region saved many in the hunger years in the Volga region. Those who moved from the Middle Volga region, mostly came from the Mountainous side.

The study of the historical ties of the Tatars of different regions, migration processes and their directions provides new materials for researching the history of regions and settlements.

Keywords: Tetyush, migration, The Bulgarian State, Astrakhan Region, the Tatar people, hunger

For citation: Salakhova E.K. Tätesh yagy tatarlarynda migracion küreneshlär: yünäleshläre, sääpläre häm näticäläre (XVI gasyrnyň ikenche yartysy – XX gasyr bashy) [Migration processes among Tatars of the Tetyushsky krai: directions, causes and results (the second half of the 16th – early 20th centuries)]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 290–301. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.290-301>

REFERENCES

Akhmetzyanov M.I. Rodoslovnaya Alisha [Alish's Genealogy]. Akhmetzyanov M.I., Sharifullina F.L. *Kasimovskie tatary*. Kazan, 2010, pp. 11–14. (In Russian)

Äkmätjanov M.I. *Tatar shäjäräläre* [Tatar Genealogical Trees]. Kazan: Tatar Book Publ., 1995. (In Tatar)

Naselennye punkty Respubliki Tatarstan. Kratkiy spravochnik [Settlements of the Republic of Tatarstan. A Brief Reference Guide]. Kazan: The Tatar Encyclopedia Institute of the Tatarstan Academy of Sciences, 1997. (In Russian)

Salakhova E.K. Metricheskie knigi kak istochnik izucheniya tatarskoy obshchiny g. Asterkhani (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [Metric Books as a Source of Studying the Tatar Community of Astrakhan (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2016, vol. 1, no. 1. (In Russian)

Sirazhetdinov Sh.K. *Istoriya sela Novye Bulgary* [History of the Village of New Bulgars]. Astrakhan, 2001. (In Russian)

About the author: Elmira K. Salakhova, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow of the Department of History and Cultural Heritage of the Republic of Tatarstan Peoples, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ilsalah@mail.ru

Received September 14, 2021 Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ У ТАТАР ТЕТЮШСКОГО КРАЯ:
НАПРАВЛЕНИЯ, ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Э.К. Салахова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ilsalah@mail.ru*

В статье представлен анализ миграционных процессов среди населения Тетюшского края, выявлена историческая обоснованность их выбора региона проживания, определены причины, способствующие передвижению. Исследование истории региона в таком ракурсе осуществляется впервые. По нашему мнению, такой подход к изучению местной истории является актуальным. Это объясняется тем, что родовые связи в татарском обществе всегда были крепкими, а представители одного рода, проживающие в разных регионах, поддерживали плотные связи друг с другом, поэтому они оказывали существенное влияние на миграцию.

В ходе исследования было выявлено несколько направлений миграции населения Тетюшского края в разные периоды истории: после падения Булгарского государства и, в последующем Казанского ханства. Миграция отдельных родов происходила на территорию нынешнего Спасского района Республики Татарстан. Это перемещение воспринималось как переезд в пределах своей земли, своего государства. Известно, что территория Волжской Булгарии простирались как на левом, так и на правом берегу реки Волга. Выходцами из Тетюшского края были основаны некоторые деревни в Альметьевском, Спасском районах Республики Татарстан. Нехватка пахотной земли способствовала передвижению населения в Мензелинский уезд Уфимской губернии в поисках лучших условий для ведения сельского хозяйства. Связь жителей Горной стороны с южным городом Астраханью объясняется его удобным географическим расположением для торговых операций. Климатические условия южного региона помогли выжить местным татарам в голодные годы в послереволюционном Поволжье. Переехавшие сюда из Среднего Поволжья были преимущественно выходцами из Горной стороны.

Изучение исторических связей татар разных регион, миграционных процессов и их направлений дают новые материалы для исследования истории регионов и населенных пунктов.

Салахова Э.К. Тәтеш яғы татарларында миграцион күренешләр:
юнәлешләре, сәбәпләре һәм нәтижәләре...

Ключевые слова: Тетюши, миграция, Булгарское государство, Астраханский край, татарский народ, голод

Для цитирования: Салахова Э.К. Тәтеш яғы татарларында миграцион күренешләр: юнәлешләре, сәбәпләре һәм нәтижәләре (XVI гасырның икенче яртысы – XX гасыр башы) // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 290–301. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.290-301>

Сведения об авторе: Салахова Эльмира Кадимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ilsalah@mail.ru

Поступила 14.09.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

ФАТЫЙМА-ФӘРИДӘ НӘҮРҮЗОВА ИСТӘЛЕГЕНӘ АЧЫЛАЧАК МӘКТӘПКӘ НИГЕЗ САЛУ МӘРАСИМЕ

A.Ә. Зиннәтуллина

*Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе
Ш. Мәрҗани исемендәгө Тарих институты
Казан, Россия Федерациясе
jamash.00@mail.ru*

Тәкъдим ителгән мәкалә мәгърифәтче, татар хатын-кызларыннан беренче журналист Фатыйма-Фәридә Нәүрүзова исемен мәңгеләштерү нияте белән 1915 елда Кәрәкәшле авылында (хәзәр Татарстанның Ютазы районы) кылар мәктәбенә нигез салу тантанасына багышланган. Хезмәттә элеге шәхеснең кыскача тормыш юлы, “Сибирия” газетасы битләрендә аның тарафыннан күтәрелгән мәсьәләләр яктыртыла. Ул газетаның беренче саннарыннан үк “Хатын-кызы дөньясы” сәхифәсен ачып жибәра. Элеге сәхифәдә заманы өчен ин актуаль булган проблемалар: хатын-кызларның гайләдәгә hәм жәмғияттәге урыны, аларның белем алуға көрәшләре, кылар мәктәпләре, мөгаллимәләрнең хәле, тәрбия мәсьәләләре h.б. яктыртыла.

Мәкаләдә шулай ук искә альянган мәктәп файдасына иганә жыю тарихы hәм мәрасим¹ үткәрелгән көн яктыртыла. Мәрасим узе Фатыйма-Фәридәнең этисе hәм берничә дин әнелләре тырышлыгы белән башкарыла. Мәкаләдә әйләнә-тире авыллардан мәктәпне салуга өлеш көрткән күп кенә шәхесләрнең исемнәре искә алына.

Төп төшөнчәләр: Кәрәкәшле, мәгариф, иганә, попечитель, Гариф Батыршин, Нәүрүзова, тантана, мәктәп, «Сибирия» газетасы

Сылтама ясау өчен: Зиннәтуллина А.Ә. Фатыйма-Фәридә Нәүрүзова истәлегенә ачылачак мәктәпкә нигез салу мәрасиме // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. Б. 302–311. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.302-311>

XIX гасыр ахыры – XX гасырның беренче чиреге гомумән Россия тарихында, аерым алганды, татар халкы тарихында зур үзгәрешләргә, кисken борылышларга бай чор. Илдә барган икътисади, сәяси hәм мәдени үзгәрешләр татар дөньясына да зур йогынты ясый. Чит илләр, башка милләт халыклары белән бәйләнешләр, жәдитчелек хәрәкәте кинрәк жәелгән саен арта барган мәгариф hәм мәдәният өлкәсендәге тәжрибә алмашы нәтижәсендә татар жәмғиятенә төрле янарышлар үтеп керә, моңа кадәр уйларга да мөмкин булмаган вакыйгалар күзәтелә башлый.

¹ Мәрасим – церемония, тантана.

Зиннәтуллина А.Ә. Фатыйма-Фәридә Нәүрүзова истәлегенә
ачылачак мәктәпкә нигез салу мәрасиме

Шундый вакыйгаларның берсе – мәгърифәт юлында корбан булган бер татар хатын-кызы исемен мәңгелештерү нияте белән аның исеменә мәктәп салу куренеше.

Әлбәттә, XX гасыр башында татар халкы арасында үз милләтен алга жибәрү юлында зур тырышлыklar куйган ир затларына бәя бирү, аларның исемнәрен мәңгегә калдыру тәжрибәсе инде кулланыла башлый. Мәсәлән, Исмәгыйль Гаспралы әле үзе исән вакытта ук аның исеменә мәктәп һәм китапханәләр ачыла. Петербургтагы Мөсслеман хәйрия жәмгыяте тарафыннан шәһәрнең югары уку йортында укыган ике татар укучысына Габдулла Тукай исемендәге стипендия билгеләнә. Шиһабетдин Мәрҗанинәң тууына йәз ел тулу унае белән аның тормыш юлын һәм эшчәнлеген яктырткан, гыйльми-ижтимагый хезмәтләрен туплаган саллы гына «Мәрҗани мәжмугасы» (Мәрҗани 1915) басылып чыга. Әмма, хатын-кыズлар арасында әлегә кадәр мондый тәжрибәнен кулланылганы булмый, һәм татар халкы тарихында бу беренчесе дисәк, ялгыш булмас.

XX гасырның беренче чирегендә мәгърифәт юлында зур тырышлык куйган бик күп татар хатын-кыズларын атап үтәргә мөмкин. Алар арасында милли мәгарифне үстерүгә, татар хатын-кыズларын белемле, бәйсез, үз фикерле итүгә барлык көчен сарыф иткән шәхес – Фатыйма-Фәридә ханым Нәүрүзова – лаеклы урын алыш тора.

Кем соң ул Фатыйма-Фәридә Нәүрүзова? Ул – беренче татар хатын-кызы журналисты, укутучы, мәгърифәтче, публицист һәм мөхәррир. Әлеге шәхеснең тормыш юлы һәм эшчәнлеге күренекле галимнәр Мәхмүтова Альта Хажиевна (Махмутова 2006: 124–142; Милләт аналары 2012: 437–485) һәм Биктимирова Тәминә Әхмәтовна (Биктимирова 2003: 33–34; Биктимирова 2006: 12–19) хезмәтләрендә шактый киң яктыртылган инде. Шунлыктан Фатыйма-Фәридә ханымның тормыш юлы һәм ижатына тирәнтен тукталып тормыйча, кыскача гына мәгълүмат биреп китик.

Фатыйма-Фәридә Мортаза кызы Нәүрүзова (кыз фамилиясе Ваһапова) 1889 елның 25 февралендә Казан губернасының Чистай шәһәрендә сәүдәгәр гаиләсендә дөньяга килә. Әтисе, Мортаза әфәнде, алдынгы фикерле кеше буларак, кызына тиешле белем бирергә омтыла. Фатыйма-Фәридә Казанның заманы өчен алдынгы саналган «Кәримә» һәм «Маңруй абыстай» мәдрәсәләрендә укий. Каирәнен «Әл-Әзәр» университетин тәмамлап кайткан Ибраһим Камаловта белем ала. Үзлегеннән рус,

Ф.-Ф.М. Нәүрүзова
(1889–1914)

төрек телләрен үзләштерә. Тиздән үсмер кыз үзе дә белем бирерлек дәрәҗәгә күтәрелә һәм, 1903 елдан башлап, үз өөндә жәдит ысулы белән якыннарыннан булган берничә кызга башлангыч белем бирә башлый. Шуши вакыттан башлап, аның татар хатын-кызыларына мәгърифәт тарату эшчәнлеге башланып китә. Алдагы тормышында язмыш аны кая гына ташламасын, ул кызылар өчен мәктәп ачып, аларга аң-белем бирергә тырыша.

1907 елда төрле сәяси һәм шәхси сәбәпләр аркасында Мортаза әфэнде Чистай шәһәреннән китәргә мәжбүр була. Ул алдагы тору урыны итеп Самара губернасы Бөгелмә өязе (хәзәр Татарстанның Ютазы районы) Кәрәкәшле авылын сайлый, монда жир сатып ала һәм гайләсе белән шунда күченә. Шулай итеп, Фатыйма-Фәридәнен тормыш юлы Кәрәкәшле авылына барып бәйләнә.

Кәрәкәшлегә күченгәч, Фатыймага монда озак торырга насыйп булмый. Ул 1908 елда чыгышы белән шуши авылдан булган Вәгыйзь Нәүрүзоква кияүгә чыга һәм алар Томск шәһәренә китәләр.

Фатыйма-Фәридә ханым әти-әнисе йортына яңадан 1913 елның көзендә, каты авырый башлагач, дәваланып терелү нияте белән әйләнеп кайта. Эмма дәвалануларның файдасы тими, 1914 елның 16 февралендә бик яшьли, бары тик 25 яшендә, чорның ин яман чире – үпкә авыруыннан ватфат була.

Фатыйма-Фәридә ханымның вафатын татар халкы бик авыр кичерә. Аның вафатыннан соң «Сибирия» газетасының дәвамы буларак дөнья күргән «Тормыш» газетасы редакциясенә Россиянең төрле төбәкләреннән менән телеграмма һәм кайты хатлары килә. Фатыйма-Фәридә ханымның соңғы юлга озату мәжлесендә мен ярымнан артык кеше катнаша.

«Безнең арабызда йөзләрчә гали мәктәп бетергән хатын-кызылар илә меннәрчә гимназиядә укыган ханымнар булса да, без Фатыйма ханымга барчасыннан артык мохтаж идең. Чөнки ул ике канатлы: ислам вә рус тәрбиясе белән камил тәрбияләнүе өстенә, өметле, истикъбалыгә [киләчәккә] иманлы вә эшлекле бер милләт хатыны иде» – дип искә ала аны «Тормыш» газетасы редакторы Закир Кадыйри үзенең мәкаләсендә (Кадыйри 1914).

Фатыйма-Фәридә ханым үзенең кыска гына гомере эчендә татар дөньясында кин фикерле, туры сүзле журналист буларак та танылырга өлгерә. Аның беренче мәкаләләре 15–16 яшьләрендә үк Уральск шәһәрендә чыккан «Эл-гаср эл-жәдид» журналында дөнья күрә (Биктимирова 2006: 16). Э төп журналистик эшчәнлеге, әлбәттә, Томск шәһәрендә нәшер ителгән «Сибирия» газетасы белән бәйле.

Фатыйма-Фәридә «Сибирия» газетасы битләрендә «Хатын-кыз дөньясы» сәхифәсен ачып, хатын-кыз мәсьәләсенә караган күптөрле проблемаларны яктырта. Биредә аның татар хатын-кызыларын иҗтимагый тормышка тарту, кызлар мәктәпләрендә укытуның сыйфатын күтәрү, укучыларны

тормышка яраклы итеп хәзерләү, рус теле өйрәнүнөң әһәмияте, рус мәктәпләрендә, гимназияләрдә һәм югары мәктәпләрдә укуның хатын-кызлар өчен кирәклеге һ.б. темаларга багышланган мәкаләләре дөнья күрә. Аның кайсы гына мәкаләсен алыш карасаң да, алар барысы да оптимистик рухта, татар милләтенең алга китәчәгенә ышаныч белән язылган. Бу газета бик кыска вакыт өчендә халык арасында, бигрәк тә хатын-кызлар арасында, зур популярлык каза. Укучылар даирәсе киңею белән редакциягә төрле авторлардан хатын-кыз мәсьәләсен яктырткан хатлар һәм мәкаләләр килә башлый. Авторлар арасында мәктәптә укучы үсмер кызлар да, татарлар арасында танылырга өлгергән мәгаллимәләр дә, хәтта чит илләрдә яшәүче татар ханымнары да була (Зиннатуллина 2019: 86). Эйтергә кирәк, Фатыйма-Фәридә ханым, татар хатын-кыз журналистларыннан беренчеләрдән, XX гасыр башы өчен ин актуаль булган мәсьәләләрнең берсен «Сибирия» газетасы битләрендә күтәреп, татар хатын-кызларын аң-белемле иту юлында тырышкан կүп кенә татар энелләрен бергә тупларга өлгерә. Қүп кенә авторларның хатын-кыз мәсьәләсө буенча нәкъ менә «Сибирия» газетасына мөрәжәгать итүләре, беренчедән, татар хатын-кызлары өчен маҳсус чыгып килгән газета яки журнал булмау сәбәпле булса, икенчедән, Фатыйма-Фәридә ханымның шәхесенә бәйле. Ул үзенең алдынгы карашы, кин фикер йөртә белүе, кыюлыгы, татар милләтә өчен янып йөрүе белән әңгәмәдәшләрен үзенә тарта һәм тиз арада халык арасында хөрмәт һәм дәрәҗә яулый.

Фатыйма ханым истәлегенә багышлап кызлар мәктәбе төзу каары Фатыйма-Фәридә ханымның соңғы юлга озаткан көнне Кәрәкәшле авылы имамы һәм мәдәррисе Гариф хәзрәт Батыршин йортында булган мәжлестә кабул ителә. Мәктәпкә «Мәдрәсәи Фатыймия» исеме бирелер дип уйланыла. Шул ук көнне төзөлөчөк бина файдасына 40 сум акча да жыела (Фатыйма ханым 1915).

Үзенең бөтен гомерен мәгърифәт тарату эшенә багышланган Фатыйма-Фәридә ханымның васыяте дә шундый була. Ул этисенә: «Булган нәрсәләрәмне сатып, шуши Кәрәкәшле авылы балаларына, минем исемемнән мәктәп салсагыз иде», – дип эйтеп калдыра (Биктимирова 2006: 17).

Белгәнбезчә, XX гасыр башында татар җәмгыятендә булган һәрбер үзгәреш, һәрбер яңалык халыкка матбулат битләре аша житкәрелеп барыла. Фатыйма-Фәридә ханым исеменә мәктәп салу хәбәре дә Россиянең төрле төбәкләренә шул ук юл белән тараала. Матбугатта бу хакта белдерү бирелгәннән соң, қүп кенә жирләрдә яңа ачылачак мәктәп файдасына иганәләр жыю башлана. Беренчеләрдән булып бу эшкә Фатыйма-Фәридә ханымның күптәнге танышы, Петропавловск шәһәреннән Кәримә Ишмөхәммәтова керешә. Аның тырышлыгы белән Петропавловск ханымнарыннан 95 сум 50 тиен акча туплана (Фатыйма-Фәридә ханым 1914). Шулай

ук Сорур Сәлимова тырышлыгы белән Чиләбе шәһәрендә (Сәлимова 1916) һәм башка жирләрдә әлеге мәктәп файдасына иганәләр жыела.

1914 елның жәндә мәдрәсәнән планы ясатып алына, аны тормышка ашыру өчен попечительләр сайланы. Эмма Беренче бөтөндөнья сугышы башлану сәбәпле, әлеге эш беразга тұкталып кала.

1915 елның 16 февралендә Фатыйма-Фәридә ханымның вафатына ел тула. Бу уңайдан Кәрәкәшле авылында мәрхүмәнен рухына багышлап зур гына мәжлес ясала, Коръән уқылып, догалар қылына. Бу мәжлестә қызлар мәктәбе мәсьәләсө яңадан күтәрелә. Әлеге мәктәп эше артыннан йөрергә, төрле тарафттан килгән һәм төрле затлар тарафыннан биреләчәк иганәләрне кабул итәргә авылның алдыңғы карашлы затлары – Гариф Батыршин, Гатиятулла Габидуллин, Нуретдин Фәрхетдинов хәзрәтләр һәм Хажиәхмәт, Кашафетдин, Шәйхетдин әфәндөләр билгеләнә. Кашафетдин әфәнде мәктәп салыр өчен бушлай үзенең йорт урынын вакыф итә, аның күршесе Гариф хәзрәт Батыршин да үзенең буш урынын бирергә вәгъдә бирә. Мәктәп бинасы өчен Кәрәкәшле авылыннан 1 чакрым ераклыкта бер боярның үзе өчен эшләткән 10 бүлмәле агач бурасы сатып алына («Мох-бир» 1915). Шулай итеп, Фатыйма-Фәридә ханым исемен мәңгегә калдыру юлында яңа адым ясала.

Һәм, ниһаять, 1915 елның 11 ноябрендә Кәрәкәшле авылында «Мәдрәсәи Фатыймия»гә нигез салу тантанасы уза.

Илдә барган вакыйгалар сәбәпле, мәктәпкә нигез салу тантанасының төгәл көне матбуғат битләре аша халыкка житкерелми. Бары тик алдыңғы карашлы муллаларга һәм гыйлем сөюче сәүдәгәрләргә шәхси сурэттә генә тантана турында хәбәр бирелә. Шулай булуға да карамастан, әлеге тантанага Бөгелмә шәһәреннән, Який, Бәйрәкә, Иске Каразирәк, Туйкә, Әсәй, Ютазы кебек төрле авыллардан 50дөн артык мулла-хәзрәтләр, галим-голәма һәм сәүдәгәр жыела. «Мөсарифлар арасында бик мөхтәрәм булган карт хәзрәтләр илә гыйльми вә ижтимагый хезмәтләре илә халыкка танылган хөрмәтле затлар да бар иде», – дип яза бу вакыйга турында «Сөембикә» журналы (Батыршин 1915: 53).

Әлеге көнне бөтен авыл халкы, бигрәк тә хатын-қызлар, көтеп, шатланышып каршы алалар. Нигез салу тантанасы өйлә намазыннан соңға ниятләнгән була. Кунаклар беренче эш итеп авылда эшләп килгән қызлар мәктәбе белән танышалар. Намаз тәмам булганнын соң, мәрасимне идарә итүче мәдәррис имамнар Гариф Батыршин, Гатиятулла Габидуллин, Нуретдин Фәрхетдинов, Харрас хәзрәтләр көндез сәгать икедә кунакларны мәктәп салыначак урынга алып киләләр.

Мәктәпнең урыны Кәрәкәшле авылның ин матур жирендә – тау битендә, агым су буенда билгеләнгән була. Бер-ике секундка тынлык алғаннан соң, Бәйрәкә авылыннан килгән ахун һәм мәдәррис Мәсгуд Гобәйдуллин Коръән уқый, аннан соң халық, беренче мәртәбә бер

мөсельман хатыны исеменә салыначак гыйлем йортының татар милләтенә файдалы хезмәтчеләр – милләт аналары тәрбияләп чыгаруын теләп, догалар кыла.

Мәктәпнең беренче нигез бүрәнәләрен, бинаның тизрәк төзелеп бетүен теләп, мәжлескә килгән ин өлкән яштәге хәзрәтләр сала. Шулай итеп, татар мегаллимәсе исеменә ачылачак беренче татар мәктәбенә нигез салу эше башланып китә.

Мәсгуд хәзрәт нигез салу тантанасын түбәндәгә сүзләр белән тәмам итә: «Кәрәкәшле авылының тарихы, аларның һиммәтләре [тырышлыгы] искеңән бирле безгә мәгълүмдер. Шул һиммәтегезнәң бөеклеге сезне шундый мәкаддәс гыйлем йорты салырга, ничә гасырлардан бирле хокукларыннан мәхрум булган тута-сенелләренезне дини, милли рухта тәрбия итәргә өндәгән. Сезне бүгенге хезмәтенез, тарихи көнегез белән тәбрик итәм. Муаффәкъяты [уңыш] илә тәмам итүне Ходадан сорыйм. Бу йорт бер мөсельман хатыны исеменә ядкәр уларак салындыгы җәһәтә илә, бу изге мөәссәсәне [бинаны] тәмам итү истикъбалене тәэммин кылу, сез авыл халкы илә бөтен татар милләтенен бурычыдыр. Ышанам ки: милләт үзенец бурычын үтәр» (Батыршин 1915: 54).

Мәжлес барышында килгән кунаклар, мулла һәм хәзрәтләр тарафынан котлау сүзләре сөйләнә, читтән алынган тәбрикләү хатлары уқыла. Шулай ук мәрасимне котлап күп кеше үзеннән матди ярдәм дә күрсәтергә тырыша. Бу көнне мәктәп файдасына барлыгы 266 сум 88 тиен бүләк акчасы жыела. Тиздән әлеге кешеләргә рәхмәт йөзеннән, «Сөембикә» журналы битләрендә аларның исемлеге басылып чыга. Анда барлыгы 77 кеше искә алынган. Исемлекне, ин күп иганә бирүче кеше буларак, Фатыйма-Фәридә ханымның әтисе Мортаза әфәнде башлап җибәрә. Бу исемлектә терле катлам кешеләре бар. Мәсәлән:

7. Туйкә авылы Хәйретдин мулла Гатиятулланың бабасы – 10 сум;
8. Кәрәкәшле авылынан сатучы Хәйретдин Хәйруллиннан – 10 сум;
9. Бәйрәкә авылы мулласы Зәки әфәнде Мусиннан – 10 сум;
10. Бөгелмә шәһәрендә сәүдәгәр Сабирҗан Садыйковтан – 10 сум; [...]
14. Туйкә авылы Равил старшинадан – 5 сум; [...]
17. Бәйрәкә авылы Мәҗәнид әфәнде Гобәйдуллин җәнабләреннән (Бәйрәкә вак бурыч банкында рәис) – 3 сум; [...]
68. Кәрәкәшле авылы Габделбакый Мөхәммәдвәли угылыннан – 50 тиен;
69. Ютазы станциясендә сатучы Мәүләдовтан – 50 тиен; [...]
73. Кәрәкәшле авылында тимерче Хәйрулладан – 45 тиен (Батыршин 1915: 55–56) h.б.

Күрәнгәнчә, исемлектә мулла-мөәззиннәр белән беррәттән банк хезмәткәрләре дә, сатучы-сәүдәгәрләр дә, старшина, тимерчеләр дә искә алынган. Шул ук вакытта иганә бирүчеләрнең берникадәре әле үзләренен

исемнэрен атамауны да үтенгэннэр. Димәк, иганә қылучы кешеләр тагын да күбрәк булган.

Фатыйма-Фәридә ханым истәлегенә мәктәп ачу хәбәре таралгач, газета-журнал битләрендә әлеге мәсьәләгә қагылышлы күп кенә мәкаләләр дөнья күрә. Алар арасында: ярдәмне кемгә һәм ничек күчереп була дип сорауышлар да (Фатыйма-Фәридә ханым 1914), редакция хезмәткәрләренең аларга биргән жаваплары да (Фатыйма ханым 1915), ярдәм күчерү турында хәбәрләр дә (Ишмәхәммәд 1915), мәктәпне ачу мәсьәләләре дә (Фатыйма-Фәридә ханым 1914), Фатыйма-Фәридә ханым турында истәлекләр дә (Дунаева 1916: 166–169) бар. Әлеге күренеш, ягъни бер япъ-яшь татар мәгаллимәсе исемен тарихта калдыру теләген Россиянең төрле тәбәкләрендә яшәүче татарларның хуплап чыгуы һәм мәктәпкә нигез салу тантанасына шул кадәр кешенең жыелуы, бөтен мөсельман халыклары арасында Фатыйма-Фәридә ханымга карата булган хөрмәтне, аның татар дөнъясында никадәр югары урын алып торуын ачык күрсәтеп торучы дәлил.

ЧЫГАНАКЛАР һәм МАТЕРИАЛЛАР

Батыршин 1915 – Батыршин Г. Фатыйма-Фәридә ханым наменә корылган мәктәпкә нигез кору мәрасиме // Сөембикә. 1915. № 3.

Дунаева 1916 – Дунаева Х. Мөхтәрәмә Фатыйма-Фәридә ханым хакында сабыйлык хатирәсе // Сөембикә. 1916. № 9.

Ишмәхәммәд 1915 – Ишмәхәммәд К. Фатыйма ханым мәктәбенә // Тормыш. 1915. 24 сентябрь.

Кадыйри 1914 – Кадыйри З. Олуг бер зыяг // Тормыш. 1914. 19 февраль.

Мәрҗани 1915 – Мәрҗани. Казан: Мәгариф, 1915.

«Мохбир» 1915 – «Мохбир». Мәрхүмә Фатыйма-Фәридә ханым исеменә мәктәп // Тормыш. 1915. 8 март.

Сәлимова 1916 – Сәлимова С. Фатыйма-Фәридә мәктәбенә иганә // Тормыш. 1916. 20 апрель.

Фатыйма ханым 1915 – Фатыйма ханым мәктәбе хакында сорауышларга // Тормыш. 1915. 22 гыйнвар.

Фатыйма-Фәридә ханым 1914 – Фатыйма-Фәридә ханым исеменә кызлар мәктәбе ачу мәсьәләсе // Вакыт. 1914. 11 декабрь.

ФӘННИ ӘДӘБИЯТ

Биктимирова Т. А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Алма-Лит, 2003.

Биктимирова Т.Э. Ил язымышын салып иннәренә. Казан: Алма-Лит, 2006.

Зиннатуллина А.Ә. Фатыйма-Фәридә Нәүрузова һәм «Сибирия» газетасы // Научное наследие и общественная деятельность братьев Максуди: материалы

Зиннэтуллина А.Э. Фатыйма-Фәридә Нәүрүзова истәлегенә
ачылачак мәктәпкә нигез салу мәрасиме

Международной научной конференции, приуроченной к 150-летию А.Максуди и 140-летию С.Максуди. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 82–87.

Махмутова А.Х. Пора и нам зажечь зарю свободы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006.

Милләт аналары: тарихи-документаль һәм биографик жыентык / төз.-авт. А.Х. Мәхмүтова. Казан: Жыен, 2012.

Автор түрүнда белешмә: Зиннэтуллина Алсу Әнвәр кызы – фәнни хезмәткәр, Милли мәгариф тарихы һәм теориясе үзәге, Татарстан Фәннәр академиясенең Ш.Мәрҗани исемендәгә Тарих институты (420111, Батурина урамы, 7А, Казан, Россия Федерациясе); jamash.00@mail.ru

Редакциягә керде 5.02.2021

Кабул ителде 22.11.2021

Басылды 29.11.2021

SCHOOL FOUNDATION CEREMONY IN MEMORY OF FATIMA-FARIDA NAURUZOVA

A.A. Zinnatullina

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
jamash.00@mail.ru*

The presented article analyzes the solemn ceremony of opening a girls' school in the village of Karakashly, Aktanysh district in 1915, which was founded in honour of enlightener, the first journalist among Tatar women Fatima-Farida Nauruzova. The article describes a brief biography of F.-F. Nauruzova, touches upon the vital issues of that era raised by her on the pages of the "Sibiria" newspaper, including women's status in the family and society, all-girls schools for Tatars, the status of female teachers etc., mentions the names of many individuals who contributed to the construction of the school.

Keywords: Karakashly, education, donation, trustee, Garif Batyrshin, Nauruzova, ceremony, school, "Sibiria" newspaper

For citation: Zinnatullina A.A. Fatyima-Färidä Näürüzova istälegenä achylachak mäktäpkä nigez salu märasime [School Foundation Ceremony in Memory of Fatima-Farida Nauruzova]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 302–311. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.302-311>

REFERENCES

Biktimirova T.A. *Stupeni obrazovaniya do Sorbonny* [Stages of Education Up to the Sorbonne]. Kazan, Alma-Lit Publ., 2003. (In Russian)

Biktimirova T.Ä. *Il yazmyshyn salyp iññärenä* [The Fate of the Country is on Fragile Shoulders]. Kazan, Alma-Lit Publ., 2006. (In Tatar)

Zinnatullina A.Ä. Fatyma-Färidä Näürüzova häm “Sibirya” gazetasy [Fatyma-Farida Nauruzova and the “Sibiria” newspaper]. *Nauchnoe nasledie i obshchestvennaya deyatel’nost’ brat’ev Maksudi. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, priurochennoi k 150-letiu A.Maksudi i 140-letiu S.Maksudi*. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of TAS Publ., 2019, pp. 82–87. (In Tatar)

Makhmutova A.Kh. *Pora i nam zazhech’ zaryu svobody* [It’s Time for Us to Light the Dawn of Freedom]. Kazan, Tatar. Book. Publ., 2006. (In Russian)

Millät analary: tarikhi-dokumental’ häm biografik gyentyk [Mothers of the Nation: A historical and documentary collection]. Compiled by author A.Kh. Mäxmütova. Kazan, Jyen Publ., 2012. (In Tatar)

About the author: Alsou A. Zinnatullina, Research Fellow of the Center of History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); jamash.00@mail.ru

Received February 5, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

**ЦЕРЕМОНИЯ ОСНОВАНИЯ ШКОЛЫ
В ПАМЯТЬ ФАТИМЫ-ФАРИДЫ НАУРУЗОВОЙ**

A.A. Зиннатуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
jamash.00@mail.ru*

Представленная статья посвящена анализу торжественной церемонии основания школы для девочек, состоявшейся в 1915 г. в селе Каракашлы (ныне Ютазинский район РТ) с целью увековечивания памяти о просветительнице, первой журналистке из числа татарских женщин Фатимы-Фариды Наурузовой. Автор освещает ее краткую биографию, а также затрагивает основные вопросы, поднятые Фатимой-Фаридой Наурузовой на страницах газеты «Сибиряя». С первых дней издания газеты она вела раздел «Мир женщины», где рассматривала такие актуальные вопросы своего времени, как положение женщин в семье и обществе,

*Зиннатуллина А.Э. Фатыйма-Фәридә Нәүрүзова истәлекенә
ачылачак мәктәпкә нигез салу мәрасиме*

борьба женщин за образование, о женских школах для татарок, о статусе учительниц, о воспитании детей и т.д.

В статье описаны процесс сбора пожертвований в пользу упомянутой школы и сама церемония закладки школы, состоявшаяся благодаря усилиям отца Ф. Наурузовой и нескольких религиозных деятелей.

Ключевые слова: Каракашлы, просвещение, пожертвование, попечитель, Гариф Батыршин, Наурузова, церемония, школа, газета «Сибиря»

Для цитирования: Зиннатуллина А.А. Фатыйма-Фәридә Нәүрүзова истәлекенә ачылачак мәктәпкә нигез салу мәрасиме // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 302–311. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.302-311>

Сведения об авторе: Зиннатуллина Алсу Анваровна – научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); jamash.00@mail.ru

Поступила 5.02.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

НАУЧНЫЙ МИР

УДК 94(470.40)"1921"

**«НАУКА, ПРЕОБРАЗУЮЩАЯ ВЕСЬ МИР,
СОЗДАЕТСЯ ГЕНИЯМИ, НУЖДАЮЩИМИСЯ В ЗАЩИТЕ
И ПОМОЩИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ КТО БЫ ТО НИ БЫЛО»
(о судьбах ученых в голодные 1920-е гг.)**

M.A. Ахметова

*Лаборатория многофакторного гуманитарного
анализа и когнитивной филологии,
Казанский научный центр Российской академии наук
Казань, Российская Федерация
ama201289@yandex.ru*

Октябрьский переворот 1917 года и Гражданская война отрицательно сказались на судьбах населения страны и особенно российской интеллигенции. В голодные 1920-е годы представители ученого сословия, интеллигенции, наименее приспособленные к бедствиям, оставив научную деятельность, вынуждены были бороться за физическое выживание. Снабжение профессорско-преподавательского состава университетов продовольствием велось по остаточному принципу, и было «каплей в море». Целью статьи является раскрытие отношения власти к людям науки, а также помощи, оказанной руководством страны для облегчения участи ученых. Равнодушные власть имущих к судьбам выдающихся ученых и катастрофичность сложившейся ситуации подтверждается преждевременной смертью творцов науки, культуры на почве голода, таких как Н.Ф. Катанов, А.А. Шахматов и многих других.

Ключевые слова: голод 1921 года, Татарская АССР, академические пайки, Комиссия по улучшению быта ученых, продовольственная помощь казанской профессуре, Нансеновская помощь работникам интеллектуального труда, Дом ученых, профессиональный союз научных деятелей, Н.Ф. Катанов, А.В. Вишневский, А.А. Шахматов, В.И. Ясинский

Для цитирования: Ахметова М.А. «Наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни был» (о судьбах ученых в голодные 1920-е гг.) // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 312–325. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.312-325>

Ахметова М.А. «Наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было»...

Февральская революция 1917 г. по-своему обнадежила российскую интеллигенцию, мыслящих людей, которые увидели в ней возможности изменения и улучшения жизни, но уже октябрь-ноябрь показали, что революция – это насилие, хаос, кровь, смерть. Это сразу же проявилось во всех сферах жизни нового общества. После октябрьской революции очень сильно пострадала российская интеллигенция, поскольку ее отнесли к «классово-чуждой категории». «Наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было» (Уэллс 1970: 45). Эти слова английского писателя Герберта Джорджа Уэллса (1866–1946) должны были стать вехами, дать нужное направление, вектор движения для большевиков, захвативших власть в огромном государстве. Однако отношение вождя к людям науки отчетливо было выражено в письме В.И. Ленина (1919 г., 15 сентября) к Максиму Горькому, в чьей судьбе нашла глубокое отражение трагедия русской интеллигенции: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно». Ориентиром стали слова В.И. Ленина, заявившего в телефонограмме М.И. Калинину и Л.Б. Красину и др. о том, что «чем больше классовых врагов унесет это бедствие, тем проще будет молодому государству» (Ленин 1965: 282). На I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов, который прошел 5 июня 1918 г., В.И. Ленин высказал мнение, что «главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности» (Ленин 1962: 420). Гибель интеллигенции была выгодна большевикам. В связи с этим скучные продовольственные запасы, имевшиеся тогда в стране, в первую очередь распределялись среди рабочих и служащих, а потом среди крестьянства (хотя оно было кормильцем и городского населения) и интеллигенции. Если бы не санкционированный грабеж населения деревни, сельские жители, скорее всего, могли бы противостоять голоду, но город сам по себе никак не мог выжить, поскольку продукты сельского хозяйства, хлеб поставлялись из деревни. Очень важно было заботиться о сельхозпроизводителях, но заботиться никто не хотел.

Профессорско-преподавательский состав вузов относился к третьей пайковой категории, их снабжение велось по остаточному принципу (Федотова, Федорова 2013: 52). При таком отношении ученые оказались на грани выживания. Вскоре после Октябрьского переворота 1917 г. начался голод. Уже в первом пореволюционном 1918 г. большевики привели великую аграрную Россию к голоду, который в той или иной степени продолжался все двадцатые и, частично, тридцатые годы. Удивителен факт, что об ученых «вспомнили» в конце 1920 г., когда в стране были введены персональные ежемесячные пайки для наиболее крупных из них. В более чем скромный паек по списку включили: мыло, 15 фунтов крупы, 45 фунтов

хлеба, 15 фунтов селедки или мяса и 4 фунта жира (Ну, полно мне загадывать о ходе истории 1997: 91).

В «Дневниках матери-хозяйки в годы революции в России» Эмилии Бруцкус (1873–1952), жены историка народного хозяйства России Бориса Давидовича Бруцкуса (1874–1938), отразился момент, когда вместо положенной крупы в пайке давали немолотую рожь, вследствие чего жена молодого ученого П. скончалась от заворота кишок. Вот, например, как проходил обед в семье известного профессора, труды которого переведены и на европейские языки: «За столом – 6 человек, подается постный картофельный суп – по тарелке неполной и рисовый пудинг – не больше столовой ложки на каждого, хлеба за столом нет – весь за утренним чаем съеден. Прямо непонятно, зачем садятся люди за стол – разве что для возбуждения аппетита?» (Ну, полно мне загадывать о ходе истории 1997: 84).

С целью облегчения жизни ученых, угнетенных бытовыми проблемами и житейскими невзгодами не только в провинции, но и центре, правительством создавались структуры по их обеспечению. В целях сохранения научных сил, необходимых для социалистического строительства и поднятия производительности народного хозяйства и культуры, также наиболее целесообразного обеспечения нужд рабоче-крестьянской обороны Советом Народных Комиссаров 23 декабря 1919 г. был принят Декрет об улучшении положения научных специалистов. Постановлением СНК от 10 ноября 1921 г. была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ). Подобная комиссия первоначально была организована в Петрограде по инициативе М. Горького в январе 1920 г. «Петроградская комиссия по улучшению быта ученых (ПетроКУБУ)», позже в августе 1921 г. создана и Московская комиссия (МосКУБУ). В Казани Татарская комиссия по улучшению быта ученых (ТатКУБУ) была создана в феврале 1922 г., председателем которой был назначен уроженец Спасского уезда Казанской губернии, первый руководитель Народного комисариата финансов ТАССР Александр Степанович Гордеев (1894 – после 1969).

В 1921 г. в связи с обрушившимся на Поволжье голодом после неоднократных ходатайств руководства Казанского университета в Казанский губернский продовольственный комитет и после визита представителей университета в г. Москву в г. Казани начали выдавать академический паек. В него вошли следующие продукты: 35 фунтов муки, 15 фунтов мяса, 5 фунтов рыбы, 12 фунтов крупы, 6 фунтов гороха, 4 фунта жира, 2,5 фунта сахара и 0,5 фунта кофе (ГА РТ. Ф.Р. 644: 137) с общей калорийностью 3170 (ГА РТ. Ф.Р. 644: Л. 36).

Для получения этих пайков научных работников университета распределяли на пять «продовольственных категорий» – от «начинающих молодых ученых» до «выдающихся», работа которых имела «мировое значение» (Вишленкова 2005: 278). Однако не все профессора и преподаватели получали положенные пайки. По архивным данным, в список были включены 68 профессоров и 52 преподавателя Казанского универ-

Ахметова М.А. «Наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было»...

ситета, 10 профессоров и девять преподавателей Казанского политехникума, 10 профессоров и девять преподавателей Ветеринарного института, 10 профессоров и три преподавателя Восточной Академии, 16 научных работников Казанского клинического института имени В.И. Ульянова-Ленина, один научный работник Центрального музея ТАССР (Н.О. Воробьев) и восемь научных работников Педагогического института (Федотова, Федорова 2013: 191). Получающих помощь от ТатКУБУ в 1922 г. числилось 196 человек, а в 1924 г. их количество увеличилось и составляло 396 научных работников. Первые пайки были получены в 1922 г. и с 1 декабря этого г. по 1 октября 1923 г. они выдавались параллельно с нансеновскими посылками. Общее количество выделяемых пайков достигло 4 557 (Федотова, Федорова 2013: 53).

Снабжение пайками учащихся и преподавателей учебных заведений в Казани началось со второй половины 1921 г., а по кантонам Татреспублики – с 1 ноября 1921 г. В первый месяц было распределено 465 преподавательских пайков среди высших учебных заведений и 535 пайков приходилось на средние и низшие профессионально-технические учебные заведения. Состав этих преподавательских пайков убогий, о питательности не может быть и речи: муки – 37 фунтов, рыбы или мяса – 7 фунтов, сластей – 1 фунт, соли – 2 фунта, кофе – $\frac{1}{2}$ фунта, спичек – 2 коробки (Отчет о деятельности Татнаркомпроса 1922: 38). Всего Центром было распределено 325 преподавательских пайков по Казани и 240 пайков по кантонам.

Выдающаяся роль в деле организации бескорыстной зарубежной помощи университетам принадлежала известному норвежскому полярному исследователю, ученному-зоологу Фритьофу Нансену (1861–1930). Договор с ним о продовольственных посылках был подписан 14 ноября 1921 г., а договор о посылках профессорам – 8 июня 1922 г. (Итоги борьбы с голodom 1922: 332). Распределение продовольствия среди профессоров Казани началось еще в июне того же года и продолжалось в течение всего лета 1922 г. (хотя договор был заключен в начале июля 1922 г.), однако выдавались ли посылки позже, установить не удалось (Федотова, Федорова 2013: 141).

Нансеновская помощь работникам интеллектуального труда заключалась в выдаче посылок профессорам с марта 1922 г. по 1 июня 1923 г. В состав посылки входили следующие продукты общей массой 29 фунтов: 19 фунтов белой муки, 2 $\frac{1}{2}$ фунта жиров, 2 $\frac{1}{2}$ фунта риса, 2 $\frac{1}{2}$ фунта сахара, 1 фунт чая, 2 банки молока (Итоги Последгол 1923: 58–59). Специальный Распределительный комитет при миссии Ф. Нансена был создан для определения наиболее нуждающихся в продовольственных пайках. Представителем комитета в Казани был доктор Э.Р. Наук, уполномоченным РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим был назначен В.А. Мускат, представителем от профессуры – советский механик и математик, профессор Казанского университета Д.Н. Зейлигер, а заведующим комитета распределения посылок – Я.В. Васильев. По прото-

колу заседания Распределительного комитета наиболее нуждающимся среди ученых были распределены посылки для 134 человек из шести учебных заведений (ГА РТ. Ф.Р. 41: Л. 15, 73). Это 10 профессоров из Восточной академии, четыре профессора из академии сельского хозяйства и лесоводства, 24 профессора из педагогического института, 26 профессоров из политехнического института, 10 профессоров из ветеринарного института и 60 профессоров Казанского университета (из них 20 – физико-математический факультет, 15 – факультет общественных наук и 25 – медицинский факультет) (Федотова 2013: 54). А.Ю. Федотовой отмечается, что «для профессорско-преподавательского состава казанских вузов в голодные 1921–1923 гг. нансеновские посылки и академические пайки были просто «даром небес». И хотя в список вошли не все ученые Казани, для многих это было практически единственным источником средств к существованию» (Федотова 2013: 54), поскольку ученые ничего не получали от государства и остались вне поля зрения комитета Помощи голодающим.

Интеллигенция, которая могла говорить, писать и создавать интеллектуальную продукцию, не была приспособлена к таким условиям существования. Был нарушен привычный ритм жизни, жуткий голод в Поволжье 1921 г. «создавал серьезную угрозу самому существованию края и даже столицы республики» (Валеев 2016: 14). Хаос в стране привел к разрушению нормального уклада жизни России, и, как справедливо отмечено М.А. Осоргиным, Россия разделилась на отдельные города, такие как Москва и Петербург, ближнюю провинцию, голодный край и т.д. «Москва живет, делает политику, пишет декреты, печатает книги, высыпает изо всей России хлеб и людей, в обмен скучно посыпая бумажные деньги и обильно – карательные отряды. Жизнь Москвы не имеет ничего общего с жизнью остальной бывшей России. От того, что в Саратовской губернии вымирают начисто целые уезды, московский ресторан торгует не меньше, музыка играет не печальнее. От того, что в Москве решат какой-нибудь вопрос “во всероссийском масштабе”, нигде и ничто существенно не изменится» (Осоргин 1922: 218). Множество проблем, порожденных голодом, не могло быть разрешено лишь местной республиканской властью. Отсутствие устойчивого порядка в стране, нехватка грамотных специалистов во всех органах государственной власти, апатия наркоматов в борьбе с голодом привели к небывалым потерям, и «история, если она беспристрастна, многое простит большевикам, а этого не простит» (Осоргин 1922: 224). Даже при наличии знающих руководителей автономия, разумеется, не могла самостоятельно, без указаний и помощи центральной власти, разрешить проблему голода.

В 1920-е гг. Казань, как и другие города России, стала свидетельницей поголовного бегства ученых в Петроград, Москву, Самару, Пермь, Минск и в другие города в поисках хлеба насущного и более благоприятных условий для существования. Особенно сильно пострадал университет – «рассадник науки». На страницах «Известий ТатЦИКа» (1921 г., 21 ок-

Ахметова М.А. «Наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было»...

тября) преподаватель Казанского университета Б.Н. Вишневский отметил, что главным образом пустеют медицинский и естественный факультеты, наиболее важные и питающие другие факультеты (лесной и сельскохозяйственный). «Недавно медицинский факультет, – пишет он, – проводил в Петроград крупного ученого, вместе с которым уехал не менее крупный и нужный в Казани профессор-естественник» (Вишневский 1921). Установить их личности не удалось. Причина отъезда ученых в другие города заключается в отсутствии возможностей для обеспечения себя и своих семей продовольствием и дровами (многие обитали в лабораториях, где комнатная температура поддерживалась газом во время огневых работ). Бытовые проблемы, борьба за физическое выживание не дали возможности продолжить учебные занятия, наука отошла на второй план.

Среди ученых были и такие, кто отказывался уезжать из Казани. Например, советский хирург, создатель знаменитой лечебной мази «Линимент бальзамический по Вишневскому», руководивший в голодные годы областной больницей Татарской АССР, Александр Васильевич Вишневский (1874–1948) отчаянно боролся с эпидемией сыпного тифа и, несмотря на бытовые трудности и отсутствие продовольствия, не мог оставить больных. Однако не всем удалось пережить это страшное время. За первые три месяца 1921 г. в Казани скончались восемь ученых (ГА РТ. Ф.Р. 1337: Л. 1, 11). Некоторые из них: профессор кафедры русской истории П.Г. Архангельский (05.01.1921 г.), профессор кафедры социологии В.К. Соколов (07.03.1921 г.), профессор кафедры славянской филологии Н.М. Петровский (06.02.1921 г.), профессор кафедры теории капиталистического хозяйства П.А. Никольский (18.01.1921 г.), профессор кафедры гистологии Д.А. Тимофеев (28.02.1921 г.), профессор краеведения Восточного института народного образования И.В. Тюшняков (17.03.1921 г.), Клепцов и др. Официальный орган ТАССР «Известия ТатЦИКа» сообщал о кончине мастера-гравера второй государственной типо-литографии (был. «Умид») Татареспублики Прокопия Александровича Зверева (19.11.1921 г.), преподавательницы Рабочего факультета Казанского государственного университета Марии Павловны Ветохиной (08.12.1921 г.), учительницы школы I ступени № 20 Веры Николаевны Абакумовой (30.12.1921 г.), профессора Клинического института Александра Арефьевича Хитрова (18.01.1922 г.), профессора Ветеринарного института Карла Матвеевича Гольцмана (03.02.1922 г.), преподавателя Рабфака Академии Хасана Султановича Султанова (06.02.1922 г.), помощника директора восточной консерватории, заведующего художественным комитетом академического центра НКПР ТАССР Абдеррахмана Хайрулловича Симакова (21.03.1922 г.).

Научным отделом Народного комиссариата просвещения ТАССР и научной секцией Союза работников просвещения был поднят вопрос о необходимости создания «Дома ученых» по примеру Петрограда, Москвы и некоторых провинциальных городов. В Петрограде «Дом ученых» был создан 31 января 1920 г. по инициативе председателя Петроградской ко-

миссии по улучшению быта ученых М. Горького. Кроме «Дома ученых» были общежитие, санаторий для ученых-дистрофиков, амбулатория, баня, мастерские (Таганцев 1998: 130). Преподавателем Казанского университета Б.Н. Вишневским на страницах «Известия ТатЦИКа» был поднят вопрос о создании «Дома ученых» и Дома-общежития с рядом вспомогательных учреждений (столовой, прачечной, парикмахерской, сапожной мастерской и т.д.) с целью остановить бегство ученых из Казани и наладить правильную работу высшей школы (Вишневский 1921).

Критико-библиографический журнал «Казанский библиофил», показывает, насколько ужасной была обстановка в Казани для великих ученых. 10 марта 1922 г., в час ночи, русская наука лишилась выдающегося ученого, профессора Казанского университета, Восточной консерватории, Восточной академии, действительного члена Общества археологии, истории и этнографии и члена русских и многих заграничных ученых обществ, заведующего Казанским городским музеем (Центральным музеем Татарской Республики) Николая Федоровича Катанова (1862–1922). В некрологе профессора на последней странице журнала «Казанский библиофил» отмечается, что «с осени 1921 г. профессора Катанова постиг удар паралича, после которого он стал уже оправляться. Но простуда сделала свое дело в ослабевшем от недостаточного питания организме. Развился гнойный плеврит. Была сделана операция. Однако операция оказалась бесполезной. Крупный ученый, с мировой известностью навеки закрыл глаза от полуголодной жизни, оставив после себя обширное литературное наследие и необеспеченную семью» (Казанский библиофил 1921). Эта цитата показывает всю катастрофичность ситуации в Татарской Республике. Благороднейший, фантастической эрудиции человек, ученый-полиглот Н.Ф. Катанов, владевший более чем двадцатью языками, имевший большую семью, не мог обеспечить ее питанием и умер от голода. Чрезвычайно скромный и миролюбивый Н.Ф. Катанов, как свидетельствует газета «Известия ТатЦИКа», живя в условиях тяжелой материальной нужды, никогда не жаловался на свою судьбу, наоборот, можно было подумать, видя его всегда спокойное лицо, что ему живется очень хорошо (Известия ТатЦИКа 1922).

Начиная с 1894 г. деятельность Н.Ф. Катанова была связана с Казанью, хотя его приглашали в другие города, обещали создать более благоприятные условия для дальнейшей работы и обеспеченную жизнь, чем в Татарской Республике. Если бы Н.Ф. Катанов решил уехать в голодные 1920–1921 гг. в Красноярск ли, Владивосток ли, Ташкент ли или Баку, не пришлось бы теперь оплакивать его безвременную кончину. В голодные и холодные годы, когда к умственному труду добавились и физические нагрузки (таскать воду, колоть дрова, простоявать целые часы в очередях, работать и целые ночи дежурить на огороде), его достаточно сильный организм не выдержал, и «могила его долго будет служить укором его современникам, не сумевшим в Татарской Республике уберечь такого исключитель-

Ахметова М.А. «Наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было»...

ного по дарованиям, познаниям, особенно в области тюркских наречий, и редким душевным качествам человека» (Харлампович 1922: 195).

После смерти Н.Ф. Катанова на страницах газеты «Известия ТатЦИ-Ка» появляется статья Г.С. Серебрянникова «Профессор Катанов и “усиленная пенсия”» (1922 г., 26 марта). Автор ищет ответ на вопрос, почему Союз не использует средств Народного Комиссариата социального обеспечения Татреспублики по инструкции Народного Комиссариата Социального Обеспечения РСФСР от 5 декабря 1921 г. об усиленных пенсиях. Согласно данной инструкции она назначается в случае полной утраты трудоспособности лицам, имеющим крупные заслуги по революционной деятельности, выдающимся научным работникам, активным участникам революционного и профессионального движений и тем, кто своим участием в местной работе существенно усилили советскую власть, а также тем из деятелей науки, искусства, литературы, здравоохранения и техники, которые своими трудами в соответствующей области внесли ценный вклад в общечеловеческую или отечественную культуру. В случае смерти лиц, имевших эти заслуги, пенсия выдается нетрудоспособным, находившимся на их иждивении членам семьи. Для руководства республики и страны на первом месте стояли революционные деятели, поэтому крупнейший востоковед страны Н.Ф. Катанов просто угасал. Получал ли он усиленную пенсию, неизвестно. Если даже и получал, то частично, с перерывами, поскольку даже «те меры пайкового обеспечения, которые благодаря заботам Совнаркома ТАССР должны были пройти в жизнь, на самом деле осуществлены только наполовину и недоданное ничем не компенсировано» (Вишневский 1921). Смерть Катанова – это было «безумное убийство, совершенное на глазах у всех». Именно такими словами историк-славист, археограф Н.К. Никольский, который сам перенес сыпной тиф, оценил безвременную кончину другого выдающегося ученого-языковеда, исследователя рукописей Алексея Александровича Шахматова (1864–1920). Он скончался 16 августа 1920 г., оставив после себя большую семью из шести детей. Его неожиданная и трагическая смерть, как пишет один из его последних учеников В.В. Виноградов, «одно из самых печальных следствий «смутного» времени. В годы культурного распада А.А. Шахматову приходилось совмещать с разносторонней научно-исследовательской и организаторской работой непосильный физический труд. Организм, надломленный нуждой и голодом, не выдержал. Развилась тяжелая болезнь, и 16 августа 1920 г. после операции А.А. умер» (Виноградов 1922: 28).

Смерть А.А. Шахматова от истощения организма длительными голодовками, как считает литературовед-славист Владимир Николаевич Перетц, – «самый суровый приговор тем, кто допустил такое преступление против культуры и науки». Уже осенью 1918 г. он в своих письмах знаменитому юристу, судье, государственному и общественному деятелю, литератору Анатолию Федоровичу Кони (1844–1927) жаловался на тяжелое

продовольственное положение, изнуряющие домашние хлопоты: доставку и расколку дров, топку печи в ущерб научным занятиям. Продовольственное положение усложнялось с каждым днем (не по дням, а по часам, как писал филолог-славист А.И. Соболевский), и ухудшение материального, морального и физического положения А.А. Шахматова продолжалось в последующие годы. От сыпного тифа умирает его сестра, от голода ослабли жена и младшая дочь (Робинсон 2004: 79). Он был в тревоге за свое семейство, но старался не опускать руки и, как настоящий ученый, спасение искал в науке. Сила воли человека, который, даже умирая от истощения, продолжал работать над вопросами синтаксиса русского языка, вызывает восхищение. Семья его терпела нужду, поскольку он получал всего лишь один паек на большое семейство, при этом сам Шахматов старался вести хозяйствственные работы. Его товарищи, друзья, ученики и коллеги считали истинными виновниками безвременной кончины ученого власть.

Борьба за физическое выживание, житейские заботы, чрезвычайно сложное материальное положение и отсутствие продовольствия у ученых начались уже в конце 1917 – в начале 1918 г. Первые признаки приближающегося голода в городах появились в 1917 г., а в 1919–1921 гг. голод безжалостно уничтожил много талантливых людей, известных ученых. В историографии принято считать голодными 1921–1922 гг., хотя это сужает временные рамки голода. Сразу после октябрьского переворота на страну обрушился продовольственный кризис, голод стремительно охватывал города и регионы. Интеллигенция была особенно не приспособлена к жизни. Многие ее представители выменивали на хлеб свое последнее имущество. Драгоценности, одежда, книги отдавались за бесценок, лишь бы как-то прокормить свои семьи. Многие, бросив свои «насиженные гнезда», уезжали в поисках лучшей доли: кто на шахты, кто держали путь на юг. В результате республика в эти годы потеряла сотни тысяч людей.

В южных городах в голодные годы дороговизна муки и хлеба превзошла казанские цены: один фунт самого плохого хлеба стоил 85–100 тысяч рублей. Об этом свидетельствует письмо Б.М. Ляпунова академику В.М. Истрину от 26 апреля 1922 г. Неустойчивая государственная поддержка в виде пайков (то полное отсутствие, то временное приостановление) и отсутствие других видов помощи привели к полуниценскому существованию. Письмо Ляпунова свидетельствует о том, что и в Одессе не было спасения от голода: «Приходится или продавать все самое ценное за бесценок, как делали это мы, или обращаться в Комитет Содействия ученым, оттуда помочь приходит тоже нескоро и в очень ограниченном количестве. Много оказывает поддержки А.Р.А., но ее “посылки” очень ограничены количеством и в первые очереди достались больным и обремененным семьями. Нам удалось после многих мытарств получить посылку во вторую очередь от Общества помощи литераторам и ученым, но большинство профессоров еще ждут, голодают и крайне бедствуют» (Робинсон 2004: 111).

Ахметова М.А. «Наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было»...

В тяжелые голодные годы общими усилиями профессоров, особенно Московского университета, в Москве был создан профессиональный союз научных деятелей. В его организации важную роль сыграл профессор Императорского технического училища Всеволод Иванович Ясинский (1884–1933), участвовавший в работе комитета Всероссийской помощи голодающим. Он возглавил союз. Деятельность этого профессионального союза распространялась за пределы профессиональных нужд и стала «настоящим бельмом на глазу у Комиссариата народного просвещения». После непрерывной борьбы союз был закрыт. Как сообщает русскоязычная газета, «Последние новости», издававшаяся в Париже (1933 г., 23 декабря), вместо него, после нескольких переходных преобразований, образовалась Комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ), фактическим руководителем которой стал тот же В.И. Ясинский. Благодаря неутомимому руководителю, как пишет профессор Московского государственного университета В.В. Стратонов (Стратонов 1933), академические пайки перешли в ведение КУБУ и несколько десятков тысяч ученых стали сноснее питаться (количество научных деятелей в Москве, не учитывая деятелей литературы и искусств, превышало семь тысяч). Ранее академические пайки для деятелей науки выдавались из советских продовольственных распределителей, где беспощадно обкрадывали и обвешивали ученых. Благодаря В.И. Ясинскому был разрешен и жилищный вопрос. Он добился создания при КУБУ жилищного товарищества, в распоряжение которого было получено 11 многоэтажных домов для научных деятелей в разных районах Москвы. Он постоянно «вырывал» у представителей советской власти дрова и торф для облегчения обострившейся материальной нужды ученых. В.И. Ясинский, проявивший «незаурядную самодеятельность и мужество в отстаивании интересов московских ученых перед большевицкой властью» (Некрологи В.И. Ясинского 1933), в 1922 г. был выслан в Берлин.

Первая партия ученых из 120 российских мыслителей была изгнана за рубеж 22 сентября 1922 г. В список была включена профессура Первого Московского университета, Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, Института инженеров путей сообщения. Расширился список фигурантами «по делу Вольно-экономического общества», «Списком антисоветских профессоров Археологического института», «Общим списком активных антисоветских деятелей по делу издательства «Берег», «Списком лиц, проходящих по делу № 813 (группа Абрикосова)», «Списком антисоветских агрономов и кооператоров», «Списком врачей», «Списком антисоветских инженеров», «Списком литераторов», «Списком писателей литераторов» и специальным «Списком антисоветской интеллигенции г. Петрограда» (Волкогонов 1994: 180–181). В 1920-е гг. при новом режиме, как пишет В.В. Стратонов, декан физико-математического факультета МГУ, грубо стали уничтожаться культурные силы, нависла угроза над учеными. Всеволод Викторович Стратонов (1869–1938) вместе с группой ученых в 1922 г. был выслан из СССР, последние годы жизни

провел в Праге. В октябре 1922 г. был выслан из РСФСР в Берлин и заместитель декана историко-филологического факультета Казанского университета, историк Иринарх Аркадьевич Стратонов (1881–1945). «За рубеж в ходе гражданской войны ушла лавина интеллигенции, вернулись тоненькие ручейки... да остались еще те, “почему-либо не расстрелянные”» (Волкогонов 1994: 191).

В новой постреволюционной действительности ученым не нашлось места. «К людям науки, первое время, советское правительство питало столь же мало уважения, как и первая французская революция, которая “не нуждалась в химиках”. Этот класс работников, жизненно необходимых для всякого культурного государства, был таким образом доведен до состояния самой крайней нужды и нищеты... Смертность среди умственно выдающихся людей в России огромна. Многие смерти, конечно, были вызваны тяжелыми условиями жизни, но в большинстве случаев, я думаю, причиной смерти послужил душевный гнет, разочарование – когда выдающиеся способности оказались лишними и ненужными» (Уэллс 1921: 26). Чтобы спасти себя, семью и своих детей от голодной смерти ученым приходилось бороться за выживание, заменять создание интеллектуальных продуктов на каждодневный физический труд. Муки и ужасы пережитых дней, страдание народа и русской интеллигенции во время голода 1921 г. отражаются в публицистике М. Горького: «...Люди, которые лишь недавно обладали способностью жить культурными интересами, были в полном расцвете умственных сил, – поглощены сейчас исключительно борьбой за хлеб насущный, – это зрелище очень печальное!» (Горький 1954: 416). Приведенные документальные свидетельства, фрагменты воспоминаний деятелей науки наглядно подтверждают факт равнодушия советской власти к судьбам выдающихся ученых того времени.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Ну, полно мне загадывать о ходе истории 1997 – «Ну, полно мне загадывать о ходе истории...» (Из «Дневника матери-хозяйки в годы революции в России») / Сост. Н.Л. Рогалина, В.Л. Телицын // Отечественная история. 1997. № 3. С. 80–95.

Виноградов 1922 – Виноградов В.В. Алексей Александрович Шахматов. Петербург: Колос, 1922. 80 с.

Вишневский 1921 – Вишневский Б.Н. Судьба науки в Казани и «Дом ученых» // Известия ТатЦИКа. 1921. 21 октября.

Волкогонов 1994 – Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет: в 2-х кн. М.: Новости, 1994. Кн. 2.

Горький 1954 – Горький М. Собрание сочинений: в 30 тт. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954. Т. 29: Письма, телеграммы, надписи (1907–1926).

ГА РТ. Ф.Р. 41 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р. 41. Оп. 1. Д. 63.

Ахметова М.А. «Наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было»...

ГА РТ. Ф.Р. 1337 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р. 1337. Оп. 1. Д. 49.

ГА РТ. Ф.Р. 644 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р. 644. Оп. 1. Д. 99.

Известия ТатЦИКа 1922 – Известия ТатЦИКа. 1922. 11 марта.

Итоги борьбы с голодом 1922 – Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг.: сборник статей и отчетов. М.: Издание ЦК Помгол, 1922.

Итоги Последгол 1923 – Итоги Последгол (с 15/ X–1922 г. – 1/ VIII–1923 г.): сборник статей и материалов. М.: Изд. Ликвидкома ЦКПГ ВЦИК, 1923.

Казанский библиофил 1921 – Казанский библиофил. 1921. № 2.

Ленин 1962 – Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Госиздат политической литературы, 1962. Т. 36: Март – июль 1918 г.

Ленин 1965 – Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Госиздат политической литературы, 1965. Т. 53: Письма. Июнь – ноябрь 1921 г.

Некрологи В.И. Ясинского 1933 – Некрологи В.И. Ясинского, опубликованные в эмигрантских изданиях // Возрождение (Париж). 1933. 17 ноября.

Осоргин 1922 – Осоргин М.А. Тем же морем // Современные записки. 1922. № XIII. С. 214–227.

Отчет о деятельности Татнаркомпроса 1922 – Отчет о деятельности Татнаркомпроса за время с последнего Всетатарского съезда Советов по 1-е октября 1922 г. Казань: Издание Татнаркомпроса, 1922.

Стратонов 1933 – Стратонов В.В. Памяти В.И. Ясинского // Последние новости. 1933. 23 декабря.

Таганцев 1998 – Таганцев Н.С. Дневник 1920–1921 гг. / публ. К.В. Таганцева; подгот. текста Н.Б. Орловой-Вальской; comment. В.Ю. Черняева // Звезда. 1998. № 9. С. 130–157.

Уэллс 1970 – Уэллс Г. Россия во мгле / пер. с англ.; предисловие акад. И.М. Майского. М.: Прогресс, 1970.

Уэллс 1921 – Уэлльс Г. Россия во мгле / пер. с англ.; с предисловием кн. Н.С. Трубецкого. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.

Харлампович 1922 – Харлампович К. Профессор Н.Ф. Катанов (некролог) // Казанский музейный вестник. Казань, 1922. № 1. С. 187–195.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Валеев Н.М. Константин Чеботарев, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве. Казань: Заман, 2016.

Вишленкова Е.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. Казань: КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005.

Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – нач. 1930-х гг.). М.: Индрик, 2004.

Федотова А.Ю. Продовольственная помощь казанской профессуре в условиях голода 1921–1923 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2013. № 3/4. С. 53–60.

Федотова А.Ю., Федорова Н.А. Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921–1923 гг. Казань: ИИЦ УДП РТ, 2013.

Сведения об авторе: Ахметова Миляуша Ансаровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманистического анализа и когнитивной филологии Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук» (420111, ул. Лобачевского, 2/31, Казань, Российская Федерация); *ama201289@yandex.ru*

Поступила 14.01.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

**“SCIENCE TRANSFORMING THE WORLD IS CREATED BY GENIUSES
IN NEED OF PROTECTION AND ASSISTANCE MORE THAN ANYONE”
(ON THE FATE OF SCIENTISTS IN THE FAMINE OF 1920s)**

M.A. Akhmetova

*Laboratory of the Multiple-factor Humanitarian
Analysis and Cognitive Philology,
Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ama201289@yandex.ru*

The October coup of 1917 and the Civil War negatively affected the fate of the country's population, particularly the Russian intellectuals. Representatives of the academic class, intellectuals, who are least adapted to disasters, had to fight for physical survival having left scientific work. The supply of food to university professors was carried out on a residual basis and was a "drop in the sea." The purpose of the article is to reveal the attitude of the leader towards the people of science, as well as the assistance provided by the republican power to alleviate the fate of Kazan scientists. Documentary evidence suggests that the government was indifferent to the fate of outstanding scientists. The catastrophic situation in the Tatar Republic is confirmed by the premature death of creators of science and culture such as N.F. Katanov, A.A. Shakhmatov and many other professors of Kazan universities due to the hunger.

Keywords: famine of the 20th century, Tatar Republic, academic rations, Commission for the Improvement of the Life of Scientists, food assistance to the Kazan professorship, Nansen assistance to intellectual workers, Center for science, professional union for scientists, N.F. Katanov, A.V. Vishnevskiy, A.A. Shakhmatov, V.I. Yasinskij

For citation: Akhmetova M.A. «Nauka, preobrazuyushhaya ves' mir, sozdaetsya geniyami, nuzhdayushhimisa v zashhite i pomoschi bol'she, chem kto by' to ni by'lo» (o sud'bax ucheny'x v golodny'e 1920-e gg.) [“Science Transforming the World is Created by Geniuses in Need of Protection and Assistance More than Anyone.” (On the Fate of Scientists in the Famine of 1920s)] // *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 312–325. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.312-325>

Aхметова М.А. «Наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было»...

REFERENCES

Valeev N.M. *Konstantin Chebotarev, Aleksandra Platunova. V poiskakh puti v iskusstve* [Konstantin Chebotarev, Aleksandra Platunova. In Search of a Way in Art]. Kazan: Zaman, 2016. (In Russian)

Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. *Terra Universitatis: Dva veka universitetskoy kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: Two Centuries of University Culture in Kazan]. Kazan: V.I. Ulianov-Lenin Kazan State University Publ., 2005. (In Russian)

Robinson M.A. *Sud'by akademicheskoy elity: otechestvennoe slavianovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov)*. [The Fate of Academic Elite: Russian Slavic studies (1917 – early 1930s)]. Moscow: Indrik Publ., 2004. (In Russian)

Fedotova A. *Prodovol'stvennaya pomoshch' kazanskoy professure v usloviakh goloda 1921–1923 gg.* [Food Aid to Kazan Professors in the Conditions of Famine]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2013, no. 3/4, p. 53–60. (In Russian)

Fedotova A.Yu., Fedorova N.A. *Pomoshch' golodayushchemu naseleniyu TASSR sovetskimi i inostrannymi organizatsiyami v 1921–1923 gg.* [Aid to the Starving Population of the TASSR by Soviet and Foreign Organizations in 1921–1923]. Kazan: IITS RT UDP Publ., 2013. (In Russian)

About the author: Milyausha A. Akhmetova, Cand. Sc. (Philology), Senior Research Fellow of the Laboratory of the Multiple-factor Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (2/31 Lobachevskiy St., Kazan 420111, Russian Federation); ama201289@yandex.ru

Received January 14, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

УДК 929

АЛЬБЕРТ ФАТХИ (1937–1992) – УЧЕНЫЙ, ЗНАТОК ТАТАРСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

Л.Р. Муртазина

*Институт истории им. Ш. Марджсани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
lyalyatuir@mail.ru*

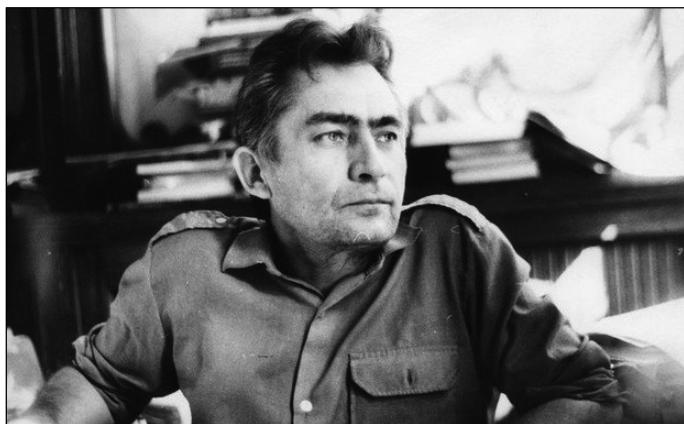
Публикация посвящена освещению научной деятельности известного археографа, специалиста в области восточных рукописей и татарской литературы, уроженца Актанышского района Татарстана Альберта Сайтовича Фатхиева. Его имя значится среди выдающихся татарских археографов последней трети XX в., таких как М. Усманов, М. Нугман, А. Каримуллин, М. Ахметзянов и другие. Альберт Фатхи является автором 4 книг, посвященных описанию рукописей татарских писателей и ученых. Его перу принадлежат научные статьи по проблемам сбора и научной обработки восточных рукописей, работы, посвященные вопросам татарской литературы, контактам татар с другими тюркскими народами в области литературы и культуры. Цель данной работы состоит в раскрытии в целом вклада А.Фатхи в татарскую археографическую и филологическую науки.

Ключевые слова: Альберт Фатхи, восточная рукопись, личный архив, Казанский университет, Научная библиотека, Актанышский район, литературные контакты

Для цитирования: Муртазина Л.Р. Альберт Фатхи (1937–1992) – ученый, знаток татарской рукописной книги // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 326–334. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.326-334>

Актанышская земля – малая родина известных писателей, певцов, артистов, ученых, среди которых есть и фамилия ученого-археографа, знатока дореволюционной татарской литературы Альберта Сайтовича Фатхиева. В последние годы наблюдается рост интереса к личности и наследию ученого. Появилось несколько работ, посвященных А.Фатхи, его научной деятельности. В 2007 г. вышла книга, где собраны воспоминания об ученом, несколько его работ, опубликованных в разные годы, новые, ранее неизвестные статьи из личного архива Фатхи и фотоматериалы (Альберт Фатхи 2007). Вопросы личного архива А. Фатхи рассмотрены в работах А. Бустанова (Бустанов 2015).

Муртазина Л.Р. Альберт Фатхи (1937–1992) – ученый,
знаток татарской рукописной книги

Альберт Фатхи (1937–1992)

Алверт (Альберт) Сайтович Фатхиев родился 8 июля 1937 г. в деревне Такталачук Актанышского района. После окончания средней школы в Актаныше, в 1954 г. Поступил на историко-филологический факультет Казанского государственного университета. В студенческие годы начал печататься в республиканской прессе (Научная библиотека 2011: 274). Восточный сектор Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского государственного университета стал единственным местом работы, которому он отдал 32 года своей жизни. По мнению А. Бустанова, исследовавшего рукописные материалы ученого, «фактически Альберт Фатхи за годы своей службы в университетской библиотеке стал единственным специалистом, великолепно знавшим фонд арабографической рукописной книги как в его описанной части, так и в обширной не инвентаризированной» (Бустанов 2015: 160).

А. Фатхиев внес значительный вклад в развитие тюрко-татарской археографии. Он участвовал в работе более десятка археографических экспедиций в отдаленные районы Татарстана, Оренбургской, Нижегородской областей (Научная библиотека 2011: 274). Для него особый интерес представляли населенные пункты бывшего Мензелинского уезда – территории современного Актанышского и Муслюмовского районов Республики Татарстан. Во время экспедиций он собрал огромное количество арабографических источников, представляющих интерес для современной науки. Коллекция ученого состоит из рукописей произведений средневековой татарской литературы, образцов фольклора, писем и других ценных материалов. После смерти А. Фатхи его богатая библиотека и архив были переданы Научной библиотеке Казанского государственного университета,

бумаги, содержащие записи ученого, хранятся в Отделе рукописей и редких книг. Они систематизированы археографом А. Бустановым.

В 1969–1978 гг. А. Фатхи изучал населенные пункты Актанышского района. Интерес ученого прежде всего к Актанышскому району был связан с его желанием более полного, комплексного изучения истории, историко-культурного наследия своего родного края. В исследовательских планах было написание истории деревни Такталачук. К сожалению, результаты данной работы не были опубликованы.

В своих записях А. Фатхи подчеркивает уникальность Актанышского района для истории татарской книжности. Изучив и проанализировав материалы одного района, он надеялся узнать о фундаментальных характеристиках татарской культуры в целом (Бустанов 2015: 162). Для исследователя было важно все, что касалось рукописного источника – особенности языка самого материала, почерка переписчика, обложки и т.д. А. Фатхи интересовался вопросами, касающимися истории татарских медресе и проблемами повседневности шакирдов, жизнью и творчеством известных личностей. В деревнях, относящихся к Мензелинскому уезду Уфимской губернии, он собрал более 2 тысяч рукописей (Бустанов 2015: 163). Из записей автора мы узнаем, что среди материалов экспедиции в Актаныш в 1969 г. есть письма – солдатские, шакирдские, любовные; документы (расписание уроков Кузякинского медресе); рукопись поэмы «Сказание о Юсуфе», которая была переписана в 1850–1870 гг.; байт «Сак-Сок»; фрагменты произведений Утыз-Имяни; путевые заметки; сборник мунаджатов (1842); молитвенники на тюркском языке; тетрадь, состоящая из текстов песен и писем шакирда Кузякинского медресе Шаехзамана Шахсултанова (1896 г.), и многое другое (Актаныш 1969: Л. 1–11). В его архиве хранятся документы, посвященные особенностям письменно-книжной культуры населения этого края, написанные самим А. Фатхи (Некоторые особенности).

А. Фатхи отдал много сил и времени введению в научный оборот огромных пластов рукописного наследия – изучению, каталогизации и описанию рукописей деятелей татарской литературы и науки, хранящихся в фондах Научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского государственного университета. Это была работа ответственная, очень трудоемкая и нелегкая и, безусловно, очень интересная. В результате в промежутке 1960–1986 гг. появились 4 книги, посвященные описанию рукописей на татарском языке (Фэтхи 1960; Фэтхи 1962; Фэтхи 1968; Фэтхи 1986). В самом последнем издании автора «Рукописи татарских писателей и ученых: описание поступлений в Научную библиотеку КГУ (1959–1969)» представлены подробные описания рукописей более 130 авторов, живших в XVII – начале XX в. (Татарская энциклопедия 2014: 92). Эти источники ценные и необходимы для исследователей, занимающихся вопросами истории, литературы, культуры, просвещения татарского народа.

Муртазина Л.Р. Альберт Фатхи (1937–1992) – ученый,
знаток татарской рукописной книги

Дело, начатое ученым и преподавателем Казанского университета М. Нугманом и специалистом в области истории татарской книги А. Кари-муллиным, было продолжено А.Фатхи на высоком профессиональном уровне. Как отмечает М. Усманов, издания А. Фатхи являются самыми богатыми и объемными, т.к. он свой целью ставил исследование всех личных фондов, касающихся деятельности и творчества татарских писателей и ученых, их рукописных памятников (Госманов 1969: 180).

Альберт Фатхи является первым ученым, который исследовал историю возникновения и развития Восточного сектора Научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского государственного университета, историю сбора восточных рукописей в Университете, о чем говорят включенные в сборник об ученом ранее неопубликованные его материалы (Мэрданов 2007: 5). Он думал также и о воспитании научной смены – в 1961 г. Исследователь вел занятия в Казанском государственном университете по древнетюркскому языку, арабографическим рукописям (Научная библиотека 2011: 274).

А. Фатхи – крупный специалист в области изучения старинных рукописей. Однако он в той же мере интересовался и вопросами средневековой татарской литературы, историей тюркоязычных народов, являлся автором научных статей, посвященных изучению творческого наследия Г. Кандалыя, первой географической карты на татарском языке и т.д. В книге «Альберт Фэтхи: мәкаләләр һәм истәлекләр» собраны его опубликованные в разные годы научные статьи, материалы, которые ученый не успел напечатать при жизни. Среди последних имеются статьи, посвященные результатам археографических экспедиций и восточным рукописям Научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского государственного университета. Это лишь малая часть научного наследия автора. В архиве А. Фатхи содержится немало материалов, зарисовок, записей, посвященных разным темам истории татар, которые он предполагал закончить и опубликовать, но, к сожалению, не успел.

А. Фатхи занимался проблемой культурных и литературных контактов между тюркскими народами. Среди архивных документов есть записи, посвященные литературным связям казахов, азербайджанцев, крымских татар, башкир. В этом отношении особый интерес представляет статья ученого «Мәгърифәт тәбәкләре һәм әдәби багланышлар» («Очаги просвещения и литературные контакты»), опубликованная в 1968 г. в журнале «Казан утлары» (Фэтхи 1968). Она явилась значительным вкладом в изучение истории татарского культурно-просветительского движения и межнациональных литературных связей XIX – начала XX в. (Татарская энциклопедия 2014: 92). Проблемы, поднятые в ней, и сегодня не теряют своей актуальности. Целью статьи А.Фатхи является исследование некоторых историко-литературных вопросов, относящихся к письменной культуре и литературе татар Урала (Фэтхи 1968: 105). Она была написана после появления в свет

книги башкирского ученого-литературоведа Ахнафа Харисова “Башкорт халкының әзәби миңацы. XVIII–XIX быуаттар” (Харисов 1965). В 1973 г. книга была переведена на русский язык (Харисов 1973). А. Фатхи, описывая особенности развития татарской литературы на территории Урала и современного Башкортостана, подробно останавливается на этой книге, объективно указывая на ее неточности и ошибки в изучении вопроса.

Татары, живя с давних пор в Поволжье, Западной Сибири, Средней Азии, Казахских степях и других уголках России, участвовали в жизни местных народов. Татарские просветители открывали школы, обучали детей, создавали учебные пособия на тюркских языках, вносили вклад в становление национального книгопечатания, театра и т.д. Результатом тесных контактов стали общие традиции, общее литературно-культурное наследие. Поэтому, как справедливо считает А. Фатхи, нельзя рассматривать то или иное литературное произведение в отрыве от конкретного исторического места (Фатхи 1968: 104). В этом плане особенно тесными были связи с башкирским народом. Такие переселения оставляли отпечаток не только на общественно-экономических отношениях между ними (башкиры постепенно начали переходить на оседлый образ жизни), но и привели к изменениям в духовной жизни, повлияли на развитие культуры (Фэтхи 1968: 105–107). Как справедливо отмечает А. Фатхи, невозможно рассматривать наследие татар в области литературы, просвещения и культуры в Башкортостане, на Урале и других местах отдельно от наследия народов, проживающих в этих местах. Нельзя игнорировать влияние на развитие литературы и искусства на Урале в начале XX в. в равной степени и Казанской стороны, и Казахской степи (Фатхи 1968: 104–105). Такого плана культурные связи только обогащали эти народы.

А. Фатхи подробно останавливается на вопросе о роли татар в развитии просвещения и письменной культуры башкирского народа. Абызы – татарские ученые-просветители из Казанской губернии – начали обучать башкирских детей грамоте (Фэтхи 1968: 108). Исследователь ссылается на работу «Очерки по истории Башкирской АССР», авторы которой пишут о «влиянии татар на распространение грамотности у башкир» (Очерки 1956: 139). Повышение уровня грамотности среди народа привело к увеличению хаттатов, занимающихся переписыванием старинных книг, рукописей, образцов тюрко-татарского фольклора, произведений средневековой литературы, что, конечно же, способствовало еще большему распространению этого наследия среди народа (Фэтхи 1968: 108). Правительство видело в этом, прежде всего, отрицательную сторону, т.к. управлять безграмотным народом было намного легче («Токмо кто грамотен, тот и хитрее к наживе обманами, которых уже ныне грамотей больше развелось от казанских татар...») (Фэтхи 1968: 109)

Муртазина Л.Р. Альберт Фатхи (1937–1992) – ученый,
знаток татарской рукописной книги

В начале XVIII в. в башкирских землях начали открываться медресе (Харисов 1965: 160), где обучались и татары, и башкиры, и представители других тюркских народов. Языком обучения был татарский язык (Фэтхи 1968: 114). Это было естественно и воспринималось как обычное дело. К тому же татарский язык, очень близкий к башкирскому, являлся родным языком более трети башкир (Харисов 1965: 45). До революции среди башкир были люди, которые внесли свой вклад в развитие татарской литературы. Они признавали литературу на татарском языке как свою (Фэтхи 1968: 114). А.Фатхи пишет: «В связи с тем, что национальный литературный язык башкир появился только после Октябрьской революции, в дооктябрьский период башкирский народ жил татарской литературой, татарский язык выполнял роль письменного языка в обществе» (Фэтхи 1968: 114).

А.Фатхи не согласен с теми учеными, которые рассматривают элементы, общие для многих тюркских народов, как чисто башкирские. Он обращает внимание на рассуждения А. Харисова, который связывает слово *шоңкар* (кречет) и выражение *шоңкар чою* (пустить кречета ловчего, охотиться с кречетом), которые встречаются в стихах известного татарского поэта Дэрдменда (Закира Рамеева), только со стихией башкирского языка (Фэтхи 1968: 114). А. Фатхи приводит десятки доказательств, утверждающих наличие этих терминов и действий, связанных с ними, в жизни и языке татар. говорят Об этом говорят пословицы и поговорки татарского народа, сохранившиеся до наших дней, такие как «*Толпардан тояк калыр, шоңкардан кыяк калыр*», «*Ике шонкар талаиса, бер каргага жәм тәшәр*», дастаны, эпосы, эпиграфические памятники, в которых упоминается этот образ (Фэтхи 1968: 114–115). Вместе с тем ученый считает, что элементы, свойственные башкирскому языку, имеются в произведениях татарских писателей Урала. Но они должны исследоваться более тщательно, более обстоятельно, и не только с точки зрения литературы и культуры одного народа. Изучение этих нюансов необходимо обоим народам, а исследования должны вестись совместными усилиями и объективно (Фэтхи 1968: 116). Таким образом, А. Фатхи хорошо знал не только татарскую литературу и фольклор, но и владел информацией и источниками по литературе и культуре других тюркоязычных народов. Он отличался объективностью своих суждений.

Труды А. Фатхи являются одними из самых востребованных среди исследователей истории татарского народа. Его книги, научные статьи, записи, посвященные разным темам, направлениям развития культуры, литературы, просвещения татарского и других тюркских народов, заметки, сделанные на основе собранного им рукописного наследия, могут внести ясность в изучение многих проблем в различных областях гуманитарного знания.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Актаныш 1969 – Актаныш – АЭ – 1969 // Архив Альберта Фатхи – Альберт Фэтхи архивы. Ф. 6. Ед. хр. 12.

Альберт Фэтхи 2007 – Альберт Фэтхи: мәкаләләр һәм истәлекләр / төз. Р. Мәрданов. Казан: Тамга, 2007.

Некоторые особенности – Некоторые особенности письменно-книжной культуры населения бывшего Мензелинского уезда Уфимской области // Архив Альберта Фатхи – Альберт Фэтхи архивы. Ф. 6. Ед. хр. 72.

Фэтхи 1960 – Фэтхи А. Н.И. Лобачевский исемендәге фәнни китапханә кульязмаларының тасвирламасы. В чыгарылыш. Татар әдипләре һәм галимнәренең кульязмалары. Беренче бүлек. Казан, 1960.

Фэтхи 1962 – Фэтхи А. Н.И. Лобачевский исемендәге фәнни китапханә кульязмаларының тасвирламасы. X чыгарылыш. Татар әдипләре һәм галимнәренең кульязмалары. Икенче бүлек. Казан, 1962.

Фэтхи 1968 – Фэтхи А. Кульязмалар тасвирламасы. XII чыгарылыш. Татар әдипләре һәм галимнәренең кульязмалары. Өченче бүлек. Казан, 1968. 84 б.

Фэтхи 1986 – Фэтхи А. Татар әдипләре һәм галимнәренең кульязмалары. КДУ Фәнни китапханәсенә 1959–1969 елларда кергэн кульязмаларның тасвирламасы / төз. А. Фэтхи. Казан, 1986.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бустанов А.К. Личный архив татарского археографа Альберта Фатхи и восточная археография в Казанском Университете во второй половине XX века // Ислам в современном мире. 2015. Том 11. № 1. С. 159–174.

Госманов М. Файдалы хәzmәт // Казан утлары. 1969. № 7. Б. 179–181.

Мәрданов Р. «Альберт Фэтхи» китабы турында // Альберт Фэтхи: мәкаләләр һәм истәлекләр / төз. Р.Мәрданов. Казан: Тамга, 2007.

Научная библиотека Казанского университета в лицах. Ч. 1: Сотрудники библиотеки, 1806–2007 гг. / сост. В.И. Шишгин, Ж.В. Щелыванова. Казань: Казан. ун-т, 2011.

Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 1. Уфа, 1956.

Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2014. Т. 6.

Фэтхи А. Мәгърифәт тәбәкләре һәм әдәби багланышлар // Казан утлары. 1968. №2. Б. 103–122.

Харисов Э.И. Башкорт халкының әзәби мирады. XVIII–XIX быуаттар. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1965.

Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII–XIX вв.). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973.

*Murtazina L.R. Альберт Фатхи (1937–1992) – ученый,
знаток татарской рукописной книги*

Сведения об авторе: Муртазина Ляля Раисовна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lyalyamur@mail.ru

Поступила 1.02.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

ALBERT FATKHI (1937–1992) – SCIENTIST, EXPERT IN TATAR MANUSCRIPTS

L.R. Murtazina

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

lyalyamur@mail.ru

The publication examines the scientific activities of the famous archeographer, specialist in the field of oriental manuscripts and Tatar literature Fatkhiev, Albert Saitovich. A. Fatkhi was born in the Aktanysh region of Tatarstan. His name is listed among the outstanding Tatar archaeographers of the last third of the twentieth century, such as M. Usmanov, M. Nugman, A. Karimullin, M. Akhmetzyanov and others. Albert Fatkhi is the author of four books. They contain descriptions of the manuscripts of Tatar writers and scholars. He wrote scientific articles on the problems of collecting and scientific processing of oriental manuscripts. He has works that discuss the problems of the Tatar literature, the contacts of the Tatars with other Turkic peoples in the field of literature and culture.

The purpose of this study is to reveal A. Fatkhi's contribution to the Tatar archaeography and philology.

Keywords: Albert Fatkhi, Eastern manuscript, personal archive, Kazan University, Scientific Library, Aktanysh District, literary contacts

For citation: Murtazina L.R. Al'bert Fatkhi (1937–1992) – uchenyy, znatok tatarskoy rukopisnoy knigi [Albert Fatkhi (1937–1992) – Scientist, Expert in Tatar Manuscripts]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 326–334. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.326-334>

REFERENCES

Bustanov A.K. Lichnyy arkhiv tatarskogo arkheografa Al'berta Fatkhi i vostochnaya arkheografiya v Kazanskom Universitete vo vtoroy polovine XX veka [Personal Archives of Albert Fatkhi and Oriental Archaeography in the Kazan University in the Second Half of the 20th Century]. *Islam v sovremenном мире*, 2015, vol. 11, no. 1, pp. 159–174. <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-1-159-174> (In Russian)

Gosmanov M. Faydalı khezmät [A Useful Work]. *Kazan uthary*, 1969, no. 7, pp. 179–181. (In Tatar)

Märdanov R. “Albert Fätkhi” kitaby turynda [About the Book “Albert Fatkhi”]. *Albert Fätkhi: mäkalälär häm istäleklär*. Compiled by R. Märdanov. Kazan, Tamga Publ., 2007, pp. 3–5. (In Tatar)

Nauchnaya biblioteka Kazanskogo universiteta v litsakh. Ch. 1. Sotrudniki biblioteki, 1806–2007 gg. [Kazan University’s Research Library in faces. Part 1. Library Personnel, 1806–2007]. Compiled by V.I.Shishkin, Zh.V. Shchelyvanova. Kazan: Kazan University Publ., 2011. (In Russian)

Ocherki po istorii Bashkirskoy ASSR [Essays on the History of the Bashkir ASSR]. Vol. 1, Ch. 1. Ufa, 1956. (In Russian)

Tatarskaya enciklopediya [Tatar encyclopedia]: in 6 volumes. Kazan: Tatar Encyclopedia Institute Publ., 2014. Vol. 6. (In Russian)

Fätkhi A. Mägrifät töbäkläre häm ädäbi baglanyshlar [Centers of Enlightenment and Literary Contacts]. *Kazan uthary*, 1968, no. 2, pp. 103–122. (In Tatar).

Kharisov Ä.I. *Bashkort halkynyň ązäbi miraçy. XVIII–XIX byuattar* [Literary Heritage of the Bashkir People (18th–19th Centuries)]. Ufa, 1965. (In Bashkir)

Kharisov A.I. *Literaturnoe nasledie bashkirskogo naroda. XVIII–XIX vv.* [Literary Heritage of the Bashkir People (18th–19th Centuries)]. Ufa, 1973. (In Russian)

About the author: Lyalya R. Murtazina, Cand. Sc. (Pedagogy), Leading Research Fellow of the Center of History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); lyalyamur@mail.ru

Received February 1, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

УДК 39(=512.145):929

**ТРАДИЦИОННАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА
ТАТАР В ТРУДАХ Н.А. ХАЛИКОВА
(ПАМЯТИ УЧЕНОГО И КОЛЛЕГИ)**

C.B. Суслова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
sv_suslova@mail.ru*

В статье освещаются основные направления научной деятельности Наиля Альфредовича Халикова, известного российского ученого-этнографа, изучавшего быт и традиционное хозяйство татар, автора крупных академических трудов по этнографии народа. Основные исследования ученого связаны со сбором и интерпретацией этнографических источников (экспедиционных, музеиных, архивных, изобразительных) и подготовкой к изданию «Историко-этнографического атласа татарского народа», где он являлся автором и постоянным членом редакционной коллегии. В 1970–2000-е гг. по разработанной им специальной программе были обследованы сельские поселения волго-уральских татар (Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Башкирия, Марий Эль, Кировская, Пензенская, Нижегородская, Ульяновская, Пермская, Оренбургская, Челябинская области), затем астраханских (Астраханская, Саратовская области) и сибирских (Тюменская, Омская, Томская области). Результатом этих работ явились создание источниковой базы по традиционному хозяйству, включая агрокультуру и народные промыслы, а также многочисленные монографии, публикации в научных сборниках, статьи в многотомной «Татарской энциклопедии». В настоящее время экспедиционные материалы Н.А. Халикова (полевые дневники, фотографии, зарисовки и чертежи) частично оцифрованы и хранятся в архиве Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Ключевые слова: Волго-Уральский регион, татары, этнотерриториальные группы, агрокультура, хозяйственная деятельность, промыслы, традиции

Для цитирования: Суслова С.В. Традиционная хозяйственная культура татар в трудах Н.А. Халикова (памяти ученого и коллеги) // Историческая этнология. 2021. Т. 6, №2. С. 335–354. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.335-354>

Первого января 2021 года, не дожив до 70-летнего юбилея, от тяжелой болезни скончался известный российский ученый-этнограф, Лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники Наиль Альфредович Халиков. Он является автором крупных академи-

ческих трудов, в том числе «Историко-этнографического атласа татарского народа».

Наиль Альфредович родился 29 октября 1951 г. в Казани в семье выдающегося ученого А.Х. Халикова, имя которого в настоящее время носит Институт археологии Академии наук Республики Татарстан. С детских лет, благодаря участию в археологических экспедициях Казанского государственного университета, возглавляемых его отцом, он познал культуру предков татарского народа – булгарское и золотоордынское наследие Казанского Поволжья, что явилось своего рода фундаментом его будущей научной работы. В одном из интервью Наиль Альфредович с юмором сообщает: «... я самый старый археолог в республике, после отца... можно сказать, вырос в спальном мешке... ни одного лета не пропустил, работал наравне со взрослыми. Археологией интересовался с детства, ходил в студенческий кружок. Еще будучи студентом, работал лаборантом в отделе археологии и этнографии ИЯЛИ. Но кандидатскую диссертацию защитил по этнографии...» (Казанские истории 2004).

В 1974 г. Н.А. Халиков закончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета, в 1977 г. – аспирантуру по специальности «Этнография» в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, после чего был зачислен младшим научным сотрудником в отдел археологии и этнографии этого института. В 1980 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию по теме «Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья. Середина XIX – начало XX в.». Научным руководителем был корифей советской этнографической науки, крупный специалист в области традиционной культуры, этнической истории и этногенеза народов Среднего Поволжья и Урала, член-корреспондент РАН Раиль Гумерович Кузеев, труды которого явились концептуальной основой высокого профессионализма молодого ученого. С эпохальным трудом Р.Г. Кузеева «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю» (М., 1992) он практически не расставался ни в экспедициях, ни на отдыхе.

Первые публикации

Первая научная работа была подготовлена Наилем Альфредовичем в первый же год работы в Институте. Это был очерк земледелия чепецких татар, опубликованный в научном сборнике, посвященном изучению татар, проживающих в бассейне р. Чепцы (Халиков 1978). О формировании этой группы татар имеется немало противоречивых гипотез, увязывающих их генезис и с проникновением на Вятку ранних тюрков с востока, и считающих их прямыми потомками волжских булгар или связывающих их этническую историю с золотоордынскими татарскими родами (Мухамедова 1978: 5–6). В очерке совсем юный 26-летний ученый сумел аргументированно по-

*Суслова С.В. Традиционная хозяйственная культура татар
в трудах Н.А. Халикова (памяти ученого и коллеги)*

казать единство земледельческой культуры чепецких татар с агрокультурой татар Поволжья и Приуралья в целом. В то же время ему удалось выявить своеобразие, связанное «с влиянием русского и удмуртского населения Вятского края... которое наблюдалось в бытовании подсечной системы земледелия, в преобладании на яровом поле овса и ячменя, в распространении огородничества и бытовании усовершенствованных пахотных орудий, в способах сушки снопов, в типах овинов и в некоторых других элементах и явлениях земледельческой культуры» (Халиков 1978: 29).

Первая монография ученого «Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья» под редакцией Р.Г. Кузеева была издана в Москве в издательстве «Наука» (Халиков 1981). В этой книге рассматривается агрокультура татар во всем ее многообразии; выделяются территориальные земледельческие комплексы, делаются попытки проследить происхождение некоторых традиционных элементов земледелия. За эту первую в своей научной карьере монографию Наиль Альфредович был удостоен почетного звания Лауреат Всесоюзного конкурса ВЛКСМ среди молодых научных работников.

Экспедиционная деятельность

Вся профессиональная деятельность ученого с 1974 г. была связана с отделом этнологии (первоначально сектором археологии и этнографии) Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, затем, с 1997 г., – Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Основные научные исследования в области этнографии татарского народа в этот период (1970–1990-е гг.) были связаны со сбором этнографических материалов (экспедиционных, музеиных, архивных, изобразительных источников) и подготовкой к изданию шеститомного «Историко-этнографического атласа татарского народа». В рамках этого исследования Наиль Альфредович готовил источниковую базу вначале по народной агрокультуре, затем в целом по традиционному хозяйству татар Поволжья и Урала. С этой целью в составе группы этнографов по специальной, разработанной им программе (Программа-вопросник к Атласу этнографии татарского народа для сбора материала по теме «Земледелие») были обследованы сельские поселения татар, компактно проживающих на обширной территории Волго-Уральского региона России (Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Башкирия, Марий Эль, Кировская, Пензенская, Нижегородская, Ульяновская, Пермская, Оренбургская, Челябинская области), затем астраханских (Астраханская, Саратовская области) и сибирских татар (Тюменская, Омская, Томская области). Результаты этих работ были опубликованы в многочисленных научных сборниках, индивидуальных монографиях и коллективных трудах. В настоящее время его личные экспедиционные материалы по традиционной культуре татарского народа (полевые дневники, фотографии, зарисовки и чертежи) частично оцифрованы и хранятся в архиве Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

*Статьи в научных сборниках Института языка, литературы
и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР*

В статьях, опубликованных в этой серии, отражены этнорегиональные особенности хозяйственной деятельности волго-уральских татар. Типологические, картографические и аналитические материалы этих публикаций легли в основу тома атласа «Хозяйство татар Поволжья и Урала» и ряда подготовленных им разделов и глав тома «Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала». Сборники формировались и публиковались по мере завершения историко-этнографических, в том числе и полевых экспедиционных исследований той или иной этнотерриториальной группы татар и, по сути, представляли собой первоначальное теоретическое обобщение материалов Историко-этнографического атласа.

Наиль Альфредович внес большой вклад в изучение этнографии татар Урала и Зауралья – особенностей хозяйственной культуры северо-восточной и восточной части региона. Им были подготовлены статьи, опубликованные в двух научных сборниках. В одном из них – «Пермские татары» – он является научным редактором. В этот сборник, кроме статьи Н.А. Халикова по хозяйству (Халиков 1983), включена весьма ценная работа о поселениях, усадьбе, особенностях строительной технике пермских татар, выполненная в соавторстве с Ю.Г. Мухаметшиным (Мухаметшин, Халиков 1983).

В другом сборнике – «Приуральские татары» – в статье «Территориальные и этносоциальные особенности традиционного хозяйства татар Урала и Приуралья» (Халиков 1990) ученым впервые обозначены заметные различия в хозяйственных практиках татар лесных районов (юго-западные уезды Пермской губернии: Бирский и Златоустовский уезд Уфимской) и степных (Оренбургская губерния; восточные волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии). «Лесные районы отличали традиции хозяйства лесной зоны, заметные в земледельческой культуре в способах содержания скота, развитии пчеловодства, способах охоты и т. д., степные – характеризовали иные особенности развития в земледелии, развитом животноводстве с определенными элементами полукочевого скотоводства и почти полное отсутствие кустарных промыслов и пчеловодства» (Халиков 1990: 24). В статье ему удалось зафиксировать различия в хозяйственной деятельности этносоциальных групп приуральских татар (казаков, служилых мишарей, тептярей). Исследователь полагает, что «на формирование этих отличий и особенностей хозяйства приуральских татар в целом и их отдельных территориальных, социальных и этнографических групп оказали влияния не только экологическая среда, но и традиции хозяйства местного автохтонного населения Урала и Приуралья» (Халиков 1990: 25).

В последующем сборнике «Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья», представляющем собой теоретическое обобщение материалов центрального и западного ареалов Волго-Уральского региона, в

статье «Экологическое и этническое в агрокультуре средневолжских татар» Н.А. Халиков ввел новые данные к этнокультурному районированию татар Среднего Поволжья и Окско-Сурского междуречья, исторической области сложения основных этнических подразделений народа – казанских татар, мишарей и кряшен (Халиков 1991). Исследователь приходит к выводу о том, что опыт этнографического картографирования традиционной агрокультуры показывает, что не все элементы и явления земледельческой тематики дают четко очерченные ареалы. Напротив, чаще они распространяются на общем пространстве в разных физико-географических районах у разных этнотерриториальных подразделений народа или даже у нескольких народов одновременно, что является закономерным следствием активных и длительных контактов в условиях единой историко-этнографической области (Халиков 1991: 42). Одновременно на материалах этнографического картографирования, по убеждению ученого, «хорошо прослеживается булгаро-казанско-татарский пласт агрокультуры, отличный от буртасско-мишарско-татарского, особенно западных групп мишарей. ...специфические черты агрокультуры обоих субэтносов уходят в отдаленное прошлое, подтверждая разные истоки происхождения казанских татар и мишарей» (Халиков 1991: 43). В статье сделаны интересные выводы о том, что «земледелие поволжских татар испытало заметное влияние агрокультуры русского крестьянства, причем это влияние шло в двух направлениях: казанские татары восприняли больше северо-великорусских традиций, татары-мишари – южных великорусов» (Халиков 1991: 43).

Н.А. Халиков внес заметный вклад в изучение хозяйственной культуры волго-уральских кряшен. Его статьи в виде историко-этнографических очерков также опубликованы в научных изданиях этой серии – «Молькеевские кряшены» (1993 г.) и «Нагайбаки» (1995), представляющих собой первые комплексные исследования весьма своеобразных этноконфессиональных подразделений этноса.

В очерке «Хозяйство молькеевских кряшен» освещается яркая локальная специфика хозяйственной культуры самобытной группы, расселенной на границе Татарстана и Чувашии (Халиков 1993). По причине практически полного отсутствия архивных и научных публикаций по теме он написан главным образом на основе полевых этнографических материалов автора 1984 г. и более ранних материалах Ю.Г. Мухаметшина (1969 г.). Завершая анализ фактического материала, исследователь делает вывод, что общие исторические судьбы, активные этнокультурные и хозяйствственные контакты молькеевских кряшен с окружающим татарским, русским и чувашским населением обусловили сложение у них хозяйственной культуры, характерной для народов Среднего Поволжья в целом. Вместе с тем в агрокультуре и других областях хозяйства присутствовали отдельные черты, отличающие их от мишарей и казанских татар Предволжья, свидетельствуя о древности и своеобразии хозяйственно-бытовой культуры этой группы татарского народа» (Халиков 1993: 63).

В выводах очерка «Хозяйственная культура нагайбаков (Халиков 1995) Наиль Альфредович отмечает, что во второй половине XIX – начале XX в. быт и хозяйственную культуру нагайбаков Зауралья также отличали ряд особенностей. «Многоземелье здешних казаков, выгодная хозяйственная конъюнктура (район ускоренного развития товарного земледелия и животноводства) были тому причиной. Степной характер местности обусловил особенности содержания скота (элементы полукочевого скотоводства) и агротехники (залежно-паровая система земледелия), посевы пшеницы, плуг-сабан и т. д.» (Халиков 1995: 26). Хозяйство нагайбаков отличалось от хозяйственной культуры окружающего, в том числе и татарского, населения и по ряду других параметров. Особенно заметными были различия в сравнении с хозяйством кряшен и татар Среднего Поволжья: «Иной у нагайбаков была агрокультура; размеры животноводства и способы содержания скота; слабо развитыми были отходничество и кустарные промыслы, огородничество» (Халиков 1995: 26).

Особый блок внутри этой серии представляют собой сборники по традиционной материальной и духовной культуре астраханских и сибирских татар с включением и статей по хозяйственной деятельности с использованием разработанных для Атласа волго-уральских татар методов и подходов. Материалы статей в чистом виде не вошли в Атлас, но были использованы исследователем при анализе хозяйства отдельных этнотерриториальных групп народа.

Статья Н.А. Халикова «Средневолжские татары в Астраханском крае: традиции и инновации в хозяйственной культуре» (Халиков 1992) написана на основе материалов этнографической экспедиции 1989 г. к татарам-переселенцам из Среднего Поволжья с использованием документов Государственного архива Астраханской области. В ней ученый предпринимает попытку раскрытия механизма трансформации и адаптации хозяйственной культуры поволжских татар в новой экологической среде. «Итогом всех этих перемен для средневолжских татар-переселенцев, особенно в южных прикаспийских районах Астраханского края, стала смена прежнего ХКТ (хозяйственно-культурный тип) на новый, сочетавший животноводство с чертами кочевого характера, с бахчеводством и рыболовством… особенности хозяйства местного населения неизбежно должны были отразиться на быте и культуре татар-переселенцев» (Халиков 1992: 46).

Статья «Этнокультурные особенности хозяйства западносибирских татар», опубликованная в сибирском сборнике (Халиков 2002а) была подготовлена на основе полевых исследований в Тюменской и Омской областях (1990, 1992 гг.) с использованием трудов предшествующих исследователей – Н. Юшкова, Ф.Т. Валеева, Н.А. Томилова. Наилю Альфредовичу удалось получить новый интересный материал, расширяющий представления о хозяйстве местных сибирских татар, ломая сформировавшиеся стереотипы «об исключительно и однозначно прогрессивном влиянии русских переселенцев на коренное население Сибири» (Халиков 2002а: 59). Как оказалось,

Сусловы С.В. Традиционная хозяйственная культура татар
в трудах Н.А. Халикова (памяти ученого и коллеги)

Н.А. Халиков (1951–2021)

На прогулке с отцом. 1953 г.

Н.А. Халиков с Р.Г. Кузеевым и Ф.М. Султановым на Ново-Татарском
кладбище Казани у памятника отцу – А.Х. Халикову

*Суслова С.В. Традиционная хозяйственная культура татар
в трудах Н.А. Халикова (памяти ученого и коллеги)*

Н.А. Халиков, Ю.Г. Мухаметшин. Экспедиция 1975 г.
Д. Б. Кайбицы Апастовского района ТАССР

Экспедиция 1985 г. Г. Касимов Рязанской обл.

Н.А. Халиков с коллегами – Лауреатами Государственной премии РТ в области науки и техники. Фото после торжественного присвоения звания. 2003 г.

Н.А. Халиков с коллегами-этнографами в стенах Международной тюркской академии. Астана. 2011 г.

*Суслова С.В. Традиционная хозяйственная культура татар
в трудах Н.А. Халикова (памяти ученого и коллеги)*

«структуре хозяйства различных групп сибирского населения в силу причин экологического и этносоциального характера заметно различалась. У северных: усть-ишимских, тобольских, особенно заболотных татар наряду с земледелием важную роль играли охота, рыболовство, собирательство. В хозяйстве тарской, отчасти – ялуторовской групп развитым было животноводство» (Халиков 2002а: 83). Не принижая влияние русской, как, впрочем, и поволжско-татарской, агрокультуры на сибирско-татарскую, исследователь выявляет и ряд самобытных черт, отражающих историю формирования сибирско-татарской этнической общности, ее взаимосвязь с соседними народами и местными природными условиями. В пользу традиционности земледелия сибирских татар говорит, по мнению исследователя, и собственная лексика земледельческой тематики (Халиков 2002а: 83).

*Историко-этнографический атлас татарского народа
и другие крупные академические проекты и монографии*

Изучение и первые теоретические выводы об этнерегиональных особенностях хозяйственной культуры волго-уральских татар, опубликованные в научных сборниках Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, были обобщены Н.А. Халиковым в двух томах историко-этнографического атласа татарского народа. К концу 2000-х гг. был подготовлен к изданию том «Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.)» (Историко-этнографический атлас 1995), представляющий собой первый том этого фундаментального труда. Публикация тома задерживалась в связи с тяжелым финансовым положением в стране и особенно в сфере финансирования науки. Только в 1998 г. Наилю Альфредовичу удалось его опубликовать благодаря финансовой помощи директора агропромышленного предприятия «Илья» И.Т. Райманова, который после ознакомления с книгой понял практическую важность ее для использования в хозяйстве современного татарского села. В томе впервые представлена территориальная и диахронная характеристика хозяйства татар на всей территории расселения народа на протяжении достаточно длительного исторического периода. С использованием методов историко-этнографического картографирования и иллюстративных материалов дано научное описание приемов, техники и технологий отдельных отраслей хозяйства; показано все богатство и многообразие элементов и явлений хозяйственной культуры.

Н.А. Халиков является редактором и одним из основных авторов завершающего тома Атласа «ЭтнотERRиториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования». Он автор первого раздела тома, состоящего из двух важных глав – «Экологическая среда и традиционная культура Поволжья и Урала» (в соавт. с Ю.Г. Мухаметшиным) (Халиков, Мухаметшин 2002) и «Этносоциальные особенности хозяйственных традиций волго-уральских татар», а также одной из глав третьего раздела Атласа –

«Этнокультурные и территориальные комплексы жилища» (Халиков 2002в).

Параллельно и особенно после завершения работ над томами Атласа ученый ведет кропотливую работу над другими крупными исследовательскими и издательскими проектами. В 1998 г. он опубликовал небольшую, но емкую по научному содержанию книгу «Промыслы и ремесла татар Поволжья и Урала», которую посвятил «Светлой памяти отца» – известного ученого-археолога А.Х. Халикова, незаурядный интеллект и научное мировоззрение которого сыграло значительную роль в формировании археолого-этнографических подходов к освещению ряда исследуемых им проблем. В книге изложены не только виды и способы данной хозяйственной деятельности, но и причины обращения к ним татарских крестьян. В ней впервые освещены национальные, субъэтнические и этносоциальные особенности промысловой и ремесленной деятельности волго-уральских татар (Халиков 1998).

Важной вехой явилась подготовка глав, посвященных хозяйственной культуре, традиционным сельским поселениям и жилищам, для книги «Татары» – очередного проекта серии «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Татары 2001). В 2003 г. за этот труд Наиль Альфредович наряду с другими авторами – участниками проекта был удостоен звания «Лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники». Другими знавыми проектами с его участием явились богато иллюстрированное справочно-информационное издание «Тартарика. Этнография» и первое в национальной историографии учебное пособие по этнографии татарского народа, в которых он является автором отдельных глав (Тартарика 2008; Этнография татарского народа 2004).

Публикации в сборниках «Этнологические исследования в Татарстане»

Особым ракурсом научной деятельности можно отметить участие Н.А. Халикова в качестве автора и редактора в научных сборниках нового поколения «Этнологические исследования в Татарстане», регулярно выпускающихся отделом этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (2007–2013 гг.). В семи выпусках этой серии публиковались новейшие на тот период времени разработки по этнографии, этнологии и этносоциологии ученых Татарстана и других республик Поволжья. В этих сборниках он публикует ряд важных открытий, сделанных им в русле своих плановых исследований. В одной такой работе затрагиваются вопросы генезиса хозяйственной культуры в рамках нового научного направления этноархеологии с использованием методик и новых данных археологической науки и исторической этнологии. Исследователь приходит к выводам, что в эпоху Волжской Булгарии и Казанского ханства закладывались основы хозяйственной культуры современных народов

*Суслова С.В. Традиционная хозяйственная культура татар
в трудах Н.А. Халикова (памяти ученого и коллеги)*

Поволжья и Урала. «В X–XIII вв. у волжских булгар и сопредельных племен, а также народов, входивших в сферу их экономического и культурного влияния, складывался хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев лесной и лесостепной полосы, образ жизни и традиции, которые на многие столетия определили облик хозяйства и материальной культуры потомков булгар, прежде всего поволжских татар, а также чuvаш» (Халиков 2008).

В этой серии научных изданий им обозначены новые подходы к изучению особенностей развития хозяйства не только татар, но и других народов Поволжья и Урала. В статье «Развитие хозяйства народов Поволжья и Урала и антропогенные изменения природной среды» исследователем прослежено и обосновано влияние антропогенных изменений на природную среду и как следствие на хозяйственную деятельность этносов (Халиков 2007).

Ракурс исследований, связанный с изучением экологических и этно-культурных аспектов формирования хозяйственной культуры различных регионов обитания этноса, проиллюстрирован в двух публикациях «Этнологических исследований...» на примере татар-переселенцев Южного Урала, хозяйство и быт которых приобрели особенности, детерминированные местными природными условиями и влиянием соседей – башкир (Халиков 2011). Наиль Альфредович просматривает их в агрокультуре, на примере усадеб, хозяйственных построек и жилищ, особенно архаических их видов. Отдельные особенности, по его мнению, «могут рассматривать как свидетельства и весьма отдаленных времен оседания кочевых предков татар, регенерированных в условиях экономической и этнокультурной среды Южного Урала» (Халиков 2012).

*Сотрудничество в рамках издательских проектов
Международной тюркской академии*

В 2000-е годы после ухода на пенсию ближайшего друга и соавтора Ю.Г. Мухаметшина Наиль Альфредович значительную часть времени уделял завершению работы над томом «Сельское жилище татар Поволжья и Урала», этого центрального для этнографии татар труда, выступив фактическим соавтором. Традиционное жилище рассматривается им «не только как яркое и самобытное явление народной культуры, но и расценивается как один из важнейших источников для реконструкции этнической истории и изучения культурогенеза народа» (Халиков, Исхаков 2012). После дополнительной исследовательской деятельности по завершению некоторых разделов тома и серьезной редакторской работы этот том был опубликован под названием «Усадьба тюркских народов: сельское жилище татар Поволжья и Урала (конец XIX–XX вв.)» в рамках издательских проектов Международной тюркской академии (Мухаметшин, Халиков 2011), что свидетельствует о признании труда значимым в тюркском мире в целом. Этот труд был по-

следним в шеститомной серии «Историко-этнографического атласа татарского народа», изданной этнологами Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Он представляет собой первое в исторической науке, тюркологии и татароведении полное описание традиционного сельского жилища татар во всем его многообразии, где показана детерминированность элементов зодчества географической средой, взаимовлияние строительной культуры татар и соседних народов – тюркских, финно-угорских, славянских. Атлас включил в себя подробное описание усадьбы, жилища, хозяйственных построек, внутренней планировки, интерьера, декоративного убранства жилища. В заключении к тому Наиль Альфредович с присущей ему скромностью и с искренним почитанием основного исследователя и автора, которого он считал в определенной степени своим учителем, подчеркнул, что «издание тома станет доброй памятью исследователю, посвятившего всю творческую жизнь татарской этнографии» (Мухаметшин, Халиков 2011). Ю.Г. Мухаметшин более двух десятилетий разрабатывал, но не смог завершить эту объемную по содержанию и сложную для научного обобщения тему. Коллеги вспоминают как азартно и увлеченно он работал над томом, генерируя и аккумулируя новые идеи и подходы, создавая различные варианты карт, подготовливая и вычерчивая множество рисунков и схем (Халиков, Исхаков 2012: 8). И все же от себя замечу: никто, кроме Н.А. Халикова, не смог бы завершить и подготовить к изданию это весьма трудоемкое научное исследование.

Научная деятельность в Национальном музее Республики Татарстан¹

Последние шесть лет (2013–2018 гг.) своей творческой и научной деятельности Н.А. Халиков работал в Национальном музее Республики Татарстан в должности старшего научного сотрудника отдела вещественных источников. Основными направлениями его работы являлись изучение и популяризация в виде научных и научно-популярных публикаций богатейших этнографических коллекций Национального музея, а также комплектование музеиного фонда новыми историко-бытовыми предметами народов Поволжья. Фонды Национального музея в эти годы пополнились редкими артефактами (более 100 единиц хранения) из области материальной культуры народов Поволжья. Это орудия труда, предметы быта, ткани, одежда и украшения, собранные в Верхнеуслонском районе республики во время возглавляемых им историко-этнографических экспедиций 2016–2017 гг. Одновременно он принимал участие в реализации ряда музеиных проектов: в выставочном проекте «Золотые руки мастеров: народные промыслы татар» (2013), в разработке концепций Музея хлеба (2012),

¹ Сведения об этом этапе научной деятельности Н.А. Халикова любезно предоставлены заместителем директора Национального музея Республики Татарстан С.Ю. Измайловой.

*Суслова С.В. Традиционная хозяйственная культура татар
в трудах Н.А. Халикова (памяти ученого и коллеги)*

музейного комплекса «Адмиралтейская верфь г. Казани» (2016), в программе развития Музея А.М. Горького в с. Красновидово, где на основе имеющихся источников был сформирован этнографический комплекс традиционной русской усадьбы. В 2016 г. он стал одним из разработчиков туристического маршрута «Золотые руки мастеров Кукморского края».

Наиль Альфредович Халиков был не только увлеченным исследователем народной культуры и талантливым ученым. В сердцах коллег он навсегда останется духовно близким и надежным другом, проверенным десятилетиями совместной работы в довольно сложных экспедиционных условиях, особенно Урала и Западной Сибири. Он является ярким представителем советского поколения этнографов/этнологов татароведов, заложивших источниковую основу для работы последующих поколений исследователей истории и традиционной культуры народа.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Казанские истории 2004 – Беседа с Н.А. Халиковым. Беседовала Любовь Агеева // Казанские истории. 2004. №11–12.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995.

Мухамедова Р.Г. Чепецкие татары // Новое в этнографических исследованиях татарского народа). Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978. С. 5–6.

Мухаметшин Ю.Г., Халиков Н.А. Поселения, усадьбы, строительная техника, жилище (конец XIX – нач. XX вв.) // Пермские татары Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. 1983. С. 42–67.

Мухаметшин Ю.Г., Халиков Н.А. Усадьба тюрksких народов: сельское жилище татар Поволжья и Урала (конец XIX–XX вв.) Историко-этнографический атлас татарского народа. Петропавловск: Полиграфия, 2011.

Мухаметшин Ю.Г., Халиков Н.А. Экологическая, историческая и социально-экономическая среда // ТАРТАРИКА. Этнография: справочно-энциклопедическое издание. Дизайн. Информация. Картография. Казань – Москва: Феория, 2008. С. 172–184.

Тартарика. Этнография: справочно-энциклопедическое издание. Дизайн. Информация. Картография. Казань – М.: Феория, 2008. Главы: Традиционное хозяйство, с. 172–268; Поселения и жилища (в соавт. с Мухаметшиным Ю.Г.), с. 310–442.

Татары. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2001. Главы: Традиционное хозяйство, с. 162–194; Сельские поселения и жилища, с. 214–249.

Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1981.

Халиков Н.А. Особенности традиционного сельского жилища татар Южного Урала // Этнологические исследования в Татарстане. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып V. С. 160–178.

Халиков Н.А. Очерк земледелия чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978. С. 18–30.

Халиков Н.А. Промыслы и ремесла татар Поволжья и Урала. Казань: Мастер Лайн, 1998.

Халиков Н.А. Развитие хозяйства народов Поволжья и Урала и антропогенные изменения природной среды // Этнологические исследования в Татарстане. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. Вып. I. С. 76–83.

Халиков Н.А. Средневолжские татары в Астраханском крае: традиции и инновации в хозяйственной культуре // Астраханские татары. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1992. С. 33–48.

Халиков Н.А. Территориальные и этносоциальные особенности традиционного хозяйства татар Урала и Приуралья // Приуральские татары. Казань, 1990. С. 12–29.

Халиков Н.А. Традиционное хозяйство поволжских татар: истоки и развитие // Этнологические исследования в Татарстане. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. Вып. II. С. 35–46.

Халиков Н.А. Хозяйственная культура нагайбаков // Нагайбаки. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. С. 19–29.

Халиков Н.А. Хозяйство (середина XIX – нач. XX вв.) // Пермские татары Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1983. С. 19–42.

Халиков Н.А. Хозяйство молькеевских кряшен // Молькеевские кряшены. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. С. 58–63.

Халиков Н.А. Экологические и этнокультурные аспекты обитания поволжских татар на южном Урале // Этнологические исследования в Татарстане. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. Вып VI. С. 104–115.

Халиков Н.А. Экологическое и этническое в агрокультуре средневолжских татар // Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1991. С. 32–45.

Халиков Н.А. Этнокультурные и территориальные комплексы жилища // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2002в. С. 167–177.

Халиков Н.А. Этнокультурные особенности хозяйства западносибирских татар // Сибирские татары. Казань: Институт истории АН РТ, 2002а. С. 59–86.

Халиков Н.А. Этносоциальные особенности хозяйственных традиций волго-уральских татар // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2002б. С. 28–52.

Халиков Н.А., Исхаков Д.М. Юлдуз Галимзянович Мухаметшин – ученый и человек (1937–2006 гг.) // Этнологические исследования в Татарстане. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. Вып VI. С. 6–14.

Халиков Н.А., Мухаметшин Ю.Г. Экологическая среда и традиционная культура татар Поволжья и Урала // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2002. С. 8–28.

*Суслова С.В. Традиционная хозяйственная культура татар
в трудах Н.А. Халикова (памяти ученого и коллеги)*

Этнография татарского народа. Учебное пособие. Казань: Магариф, 2004.
Главы: Хозяйственные занятия татар. Семейный быт, с. 63–75; Поселения, хозяйственные занятия и жилища, с. 75–88.

Сведения об авторе: Суслова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); sv_suslova@mail.ru

Поступила 10.09.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

**THE TRADITIONAL ECONOMIC CULTURE
OF THE TATARS IN N.A. KHALIKOV'S WORKS
(IN MEMORY OF THE SCHOLAR AND COLLEAGUE)**

S.V. Suslova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

sv_suslova@mail.ru

The article highlights the main directions of scientific work of Nail Alfredovich Khalikov, a well-known Russian ethnographer who studied the life and traditional economy of the Tatars, the author of significant academic works on the ethnography of the people. The main research of the scientist is related to the collection and interpretation of ethnographic sources (expedition, museum, archival, visual) and preparation for publishing “Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People”, where he was the author and a permanent member of the editorial board. In the 1970s–2000s, rural settlements of the Volga-Ural Tatars (Tatarstan, Udmurtia, Chuvashia, Bashkiria, Mari El, Kirov, Penza, Nizhny Novgorod, Ulyanovsk, Perm, Orenburg, Chelyabinsk regions), then Astrakhan (Astrakhan, Saratov regions) and Siberian Tatars (Tyumen, Omsk, Tomsk regions) were examined according to a special program developed by N.A. Khalikov. As a result of that work, a source base on traditional farming, including agriculture and folk crafts, as well as numerous monographs, publications in scientific collections, articles in the multi-volume “Tatar Encyclopedia” was created. Currently, N.A. Khalikov's expedition materials (field diaries, photographs, sketches and drawings) have been partially digitized and are stored in the archive of the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences.

Keywords: Volga-Ural region, Tatars, ethno-territorial groups, agriculture, economic activity, crafts, traditions

For citation: Suslova S.V. Traditsionnaya khozyaystvennaya kul'tura tatar v trudakh N.A. Khalikova (pamyati uchenogo i kollegi) [The traditional economic culture of the Tatars in N.A. Khalikov's works (in memory of the scholar and colleague)] // *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 335–354. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.335-354>

REFERENCES

Etnografiya tatarskogo naroda. Uchebnoe posobie [Ethnography of the Tatar People. A teaching manual]. Kazan: Magarif Publ., 2004. 286 p. (In Russian)

Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda [Historical and ethnographic atlas of the Tatar people]. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History of the Tatarstan Academy of Sciences, 1995. (In Russian)

Khalikov N.A. Ekologicheskie i etnokul'turnye aspekty obitaniya povolzhskikh tatar na yuzhnom Urale [Ecological and Ethno-cultural Aspects of the Volga Tatars' Habitat in the Southern Urals]. *Etnologicheskie issledovaniya v Tatarstane* [Ethnological Research in Tatarstan]. Issue VI. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of TAS Publ., 2012, pp. 104–115. (In Russian)

Khalikov N.A. Ekologicheskoye i etnicheskoye v agrokul'ture srednevolzhskikh tatar [Ecological and ethnic in the agriculture of the Middle Volga Tatars] *Etnokul'turnoe rayonirovanie tatar Srednego Povolzh'ya* [Ethnocultural Zoning of the Tatars of the Middle Volga Region]. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History, USSR Academy of Sciences Kazan Branch, 1991, pp. 32–45. (In Russian)

Khalikov N.A. Etnokul'turnyye i territorial'nyye kompleksy zhilishcha [Ethnocultural and territorial complexes of dwellings]. *Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ikh formirovaniya. Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda* [Ethnoterritorial Groups of Tatars of the Volga Region and the Urals and Issues of Their Formation. A Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People]. Kazan, Dom Pechati Publ., 2002v, pp. 167–177. (In Russian)

Khalikov N.A. Etnokul'turnye osobennosti khozyaystva zapadnosibirskikh tatar [Ethnocultural Features of the West Siberian Tatars' Economy]. *Sibirskie tatary* [The Siberian Tatars]. Kazan, Institute of History of TAS Publ., 2002a, pp. 59–86. (In Russian)

Khalikov N.A. Etnosotsial'nyye osobennosti khozyaystvennykh traditsiy volgo-ural'skikh tatar [Ethnosocial features of the economic traditions of the Volga-Ural Tatars]. *Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ikh formirovaniya. Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda* [Ethnoterritorial Groups of Tatars of the Volga Region and the Urals and Issues of Their Formation. A Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People]. Kazan, Dom Pechati Publ., 2002b, pp. 28–52. (In Russian)

Khalikov N.A. Khozyaystvennaya kul'tura nagaybekov [The Economic Culture of the Nagaybaks] *Nagaybeki*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 1995, pp. 19–29. (In Russian)

Khalikov N.A. Khozyaystvo (seredina XIX – nach. XX vv.) [Economy (mid XIX – early XX centuries)]. *Permskie tatary* [The Perm Tatars]. Kazan, G. Ibragimov Insti-

*Суслова С.В. Традиционная хозяйственная культура татар
в трудах Н.А. Халикова (памяти ученого и коллеги)*

tute of Language, Literature and Art, USSR Academy of Sciences Kazan Branch, 1983. 163 p. (In Russian)

Khalikov N.A. Khozyaystvo mol'keevskikh kryashen [The Economy of Mol'keevski Kryashens]. *Mol'keevskie krasheny*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 1993, pp. 58–63. (In Russian)

Khalikov N.A. Ocherk zemledeliya chepetskikh tatar [Essay on Agriculture of the Chepetsky Tatars]. *Novoe v etnograficheskikh issledovaniyakh tatarskogo naroda*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, USSR Academy of Sciences Kazan Branch, 1978, pp. 18–30. (In Russian)

Khalikov N.A. Osobennosti traditsionnogo sel'skogo zhilishcha tatar Yuzhnogo Urala [Specifics of a Traditional Rural Dwelling of the Tatars of the Southern Urals]. *Etnologicheskie issledovaniya v Tatarstane*. Issue V. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of TAS Publ., 2011, pp. 160–178. (In Russian)

Khalikov N.A. *Promysly i remesla tatar Povolzh'ya i Urala* [Trades and crafts of the Tatars of the Volga region and the Urals]. Kazan, Master Line Publ., 1998. (In Russian)

Khalikov N.A. Razvitie hozyaystva narodov Povolzh'ya i Urala i antropogennye izmeneniya prirodnoy sredy [Development of the Economy of the Peoples of the Volga Region and the Urals and Anthropogenic Changes in the Natural Environment]. *Etnologicheskie issledovaniya v Tatarstane*. Issue I. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of TAS Publ., 2007, pp. 76–83. (In Russian)

Khalikov N.A. Srednevolzhskie tatars v Astrakhanskom krae: traditsii i innovatsii v khozyaystvennoy kul'ture [Tatars in the Astrakhan Region: Traditions and Innovations in Economic Culture]. *Astrakhanskie tatars*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, 1992. pp. 33–48. (In Russian)

Khalikov N.A. Territorial'nye i etnosotsial'nye osobennosti traditsionnogo hozyaystva tatar Urala i Priural'ya [Territorial and Ethnosocial Features of the Traditional Economy of the Tatars of the Urals and the Cis-Urals]. *Priural'skie tatars* [The Ural Tatars]. Kazan, 1990, pp. 12–29. (In Russian)

Khalikov N.A. Traditsionnoe hozyaystvo povolzhskikh tatar: istoki i razvitiye [Traditional Economy of the Volga Tatars: Origins and Development]. *Etnologicheskie issledovaniya v Tatarstane*. Issue II. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of TAS Publ., 2008, pp. 35–46. (In Russian)

Khalikov N.A. *Zemledelie tatar Srednego Povolzh'ya i Priural'ya: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Agriculture of the Tatars of the Middle Volga Region and the Cis-Urals": A historical and ethnographic study]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 125 p. (In Russian)

Khalikov N.A., Iskhakov D.M. Yulduz Galimzyanovich Mukhametshin – uchenyy i chelovek (1937–2006 gg.) [Yulduz Galimzyanovich Mukhametshin – a Scholar and an Individual (1937–2006)]. *Etnologicheskie issledovaniya v Tatarstane* [Ethnological Research in Tatarstan]. Issue VI. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of TAS Publ., 2012, pp. 6–14. (In Russian)

Khalikov N.A., Mukhametshin Ju.G. Ekologicheskaya sreda i traditsionnaya kul'tura tatar Povolzh'ya i Urala [Ecological environment and traditional culture of the

Tatars of the Volga region and the Urals]. *Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ikh formirovaniya. Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda* [Ethnoterritorial Groups of Tatars of the Volga Region and the Urals and Issues of Their Formation. A Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People]. Kazan, Dom Pechati Publ., 2002, pp. 8–28. (In Russian)

Mukhametova R.G. Chepetskie tatary [The Chepetsk Tatars]. *Novoe v etnograficheskikh issledovaniyakh tatarskogo naroda*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History, USSR Academy of Sciences Kazan Branch, 1978, pp. 5–6. (In Russian)

Mukhametshin Ju.G., Khalikov N.A. Ekologicheskaya, istoricheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya sreda [Ecological, historical and socio-economic environment]. *TARTARIKA. Etnografiya. Spravochno-entsiklopedicheskoe izdanie. Dizayn. Informatsiya. Kartografiya* [TARTARIKA. Ethnography. A reference and encyclopedic publication. Design. Information. Cartography]. Kazan-Moscow, Feoriya Publ., 2008, pp. 172–184. (In Russian)

Mukhametshin Ju.G., Khalikov N.A. Poseleniya, usad'by, stroitel'naya tekhnika, zhilishche (konets XIX – nach. XX vv.) [Settlements, estates, construction equipment, dwellings (late 19th – early 20th centuries)]. *Permskie tatary* [The Perm Tatars]. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, USSR Academy of Sciences Kazan Branch, 1983. 163 p. (In Russian)

Mukhametshin Ju.G., Khalikov N.A. Usad'ba tyurkskikh narodov: sel'skoe zhilishche tatar Povolzh'ya i Urala (konets XIX – XX vv.). *Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda* [The Estate of the Turkic Peoples: the Rural Dwelling of the Tatars of the Volga region and the Urals (late 19th – 20th centuries). A historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People]. Petropavlovsk: Poligrafiya Publ., 2011. 358 p. (In Russian)

TARTARIKA. Etnografiya. Spravochno-entsiklopedicheskoe izdanie. Dizayn. Informatsiya. Kartografiya [TARTARIKA. Ethnography. A reference and encyclopedic publication. Design. Information. Cartography]. Kazan-Moscow, Feoriya Publ., 2008. 863 p. (In Russian)

Tatary. Seriya «Narody i kul'tury» [Tatars. Series “Peoples and Cultures”]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 583 p. (In Russian)

About the author: Svetlana V. Suslova, Cand. Sc. (History), Leading Research Fellow at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); sv_suslova@mail.ru

*Received September 10, 2021 Accepted for publication November 22, 2021
Published November 29, 2021*

НОВЫЕ КНИГИ

УДК 930.23

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: МАТИЕВ Т.Х. ГОРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РЕВОЛЮЦИЯХ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1917–1921) (НАЗРАНЬ, 2020)

Л.Р. Габдрахикова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

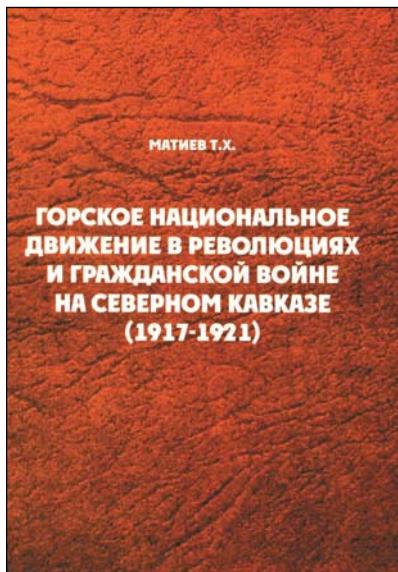
Статья посвящена анализу монографии Т.Х. Матиева «Горское национальное движение в революциях и Гражданской войне на Северном Кавказе (1917–1921)», опубликованной в 2020 г. в Назрани. Данное исследование отличается оригинальным и комплексным подходом и обращается к одной из сложных тем в истории Северного Кавказа XX века – истокам Горской республики. Движущей силой идеи федерации и защиты прав горских народов были представители молодой интеллигенции Северного Кавказа. В этой связи рецензент проводит параллели с джадидизмом в Волго-Уральском регионе, активностью татарской интеллектуальной молодежи начала ХХ в., идеями национально-культурной автономии. Между мусульманскими народами Северного Кавказа и татарами имелось много общего: одна религиозная культура, стремление к модернизации среди просвещенных групп и противоречия в обществе. Монография Т.Х. Матиева показывает полизначный мир бывшей Российской империи, вместе с тем указывает на общность многих проблем и необходимость их дальнейшего научного изучения.

Ключевые слова: народы Северного Кавказа, Горская республика, Терская область, Российская империя, татары

Для цитирования: Габдрахикова Л.Р. Рецензия на монографию: Матиев Т.Х. Горское национальное движение в революциях и Гражданской войне на Северном Кавказе (1917–1921) (Назрань, 2020) // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 355–362. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.355-362>

В полизначной Российской империи проживало множество народов и поэтому не могло быть населения только «одного рода». Российская империя разрасталась практически до начала ХХ в., поэтому «инородцев» тоже

становилось все больше. Однако деление масс на «основной народ» и «остальных» (тех, кто иного рода), конечно, было бы слишком примитивным.

И как в российских условиях обозначать жителей метрополии и колоний? Где проходят границы тех самых «колоний» или же «национальных окраин»? Возможна ли альтернативная культура, отличная от установок метрополии, но и не ограниченная лишь «колониальной» самобытностью?

Ознакомление с новой монографией историка Тимура Матиева «Горское национальное движение в революциях и Гражданской войне на Северном Кавказе (1917–1921)» (Назрань, 2020) еще больше натолкнуло на эти размышления. Автор, кандидат исторических наук, доцент Ингушского государственного университета, неоднократно обращался в своих науч-

ных публикациях к отдельным аспектам этой сложной темы. Монография стала итогом его многолетних научных изысканий, отличается как своей актуальностью, так и новизной.

Как совершенно справедливо отмечает Т.Х. Матиев, долгое время изучение истории Горского национального движения (противостоявшего во время Гражданской войны и большевикам, и белой Добровольческой армии) было осложнено идеологическими факторами. Например, за рамками советской историографии оставался комплекс документов, связанных с эмигрировавшими деятелями Горской Республики: в особенности источники личного происхождения. Мемуары и публицистика эмигрантов стали доступны лишь в последние десятилетия.

Для своего исследования Тимур Матиев привлек широкий спектр источников и научной литературы. Вместе с тем обзор документального корпуса и историографии работы, представленный во введении монографии, носит несколько сумбурный характер: отсутствует как развернутая характеристика источниковой базы (например, хотелось бы видеть в монографии конкретизации по использованным архивным фондам и мемуарам виднейших деятелей Горской Республики), так и определенная источниковедческая логика в авторской систематизации документов (Матиев 2020: 10). Между тем, эти недостатки по презентации документальной базы никак не умаляют ценности данного оригинального исследования, которое безусловно заслуживает самого пристального внимания.

Книга охватывает сложный и противоречивый период истории России – революционное время и Гражданской войны. Примечательно, что

Габдрафикаова Л.Р. Рецензия на монографию: Матиев Т.Х. Горское национальное движение в революциях и Гражданской войне...

Т.Х. Матиев дает и краткий обзор эпохи, предшествовавшей революционным событиям – первых десятилетий после окончания Кавказской войны, этапа адаптации политэтнического населения региона к российским реалиям конца XIX – начала XX в., социально-экономических и общественно-политических аспектов развития Терской области и Дагестана в этот период. История отвела слишком мало времени для интеграции горцев в российское социокультурное и экономическое пространство. Но Северный Кавказ (главным образом, местности проживания коренного населения) встречал революционный ХХ в. во многом со схожей для большинства жителей России проблемой – это малоземелье. Помимо аграрного были и другие неразрешенные вопросы.

В частности, автор исследования ставит в вину метрополии игнорирование социокультурных запросов горского населения (вопросы образования, медицины и т.д.) (Матиев 2020: 47–51). Однако не совсем понятно, были ли готовы широкие массы к столь резкой трансформации традиционного уклада: отдавать своих детей в земские школы и лечиться у земских врачей? Как показывает опыт Волго-Уральского региона, районов компактного проживания российских мусульман, многие инициативы земства еще на рубеже XIX–XX вв. поначалу отвергались населением. Приоритетными оставались мусульманские училища, а врачебную помочь охотнее получали от единоверцев. Именно поэтому в данных условиях среди татар-мусульман возникает движение за обновление – джадидизм, предполагавший целый ряд преобразований не только в сфере образования, но и в мировоззрении, повседневном укладе. Важно, что джадидизм все же имел охранительное значение для татарского мира. Вместе с развитием джадидизма пришло понимание необходимости перемен и сотрудничества с западной культурой.

В этой связи, районы проживания татар (как Волго-Уральский регион, так и Центральная Россия, Сибирь и т.д.) применительно к эпохе модерна вряд ли уместно будет называть колонией. Это объясняется и географическим расположением, и многовековым взаимодействием народов на одной территории, с сохранением культурной автономии татар. При этом в Российской империи имело место несколько вариаций повседневности модернизированного толка. И это уникальный российский исторический опыт, где не всегда применимы традиционные европейские понятия.

В условиях Северного Кавказа не было такого явления, как татарский джадидизм, и не произошло плавного перехода, постепенной адаптации к новым реалиям буржуазного времени. Однако к началу ХХ в. среди горцев выросла группа интеллектуалов западного типа, выпускников русских учебных заведений, которые хорошо осознавали проблемы своих народов и мечтали изменить жизнь коренного населения к лучшему. Именно они стали основой Горского национального движения. Для знатоков истории татар прежде всего знакомо имя осетина-мусульманина Ахмеда Цаликова

(1882–1928), одного из активистов Всероссийского мусульманского съезда 1917 г., члена президиума данной самоорганизации. Как и Цаликов, другие участники Горского национального движения учились в гимназиях и реальных училищах. Многие воспитывались в знатных семьях военных, инкорпорированных в систему российского дворянства. Каждый из них был яркой фигурой своего времени, талантливым публицистом и лидером: ингуш Вассан-Гирей Джабагиев (1882–1961), кабардинец Пшемахо Коцев (1884–1962), чеченец Тапа Чермоев (1882–1936), кумыки Рашид-Хан Капланов (1883–1937), Гайдар Бамматов (1889–1965), Нуух-Бек Тарковский (1878–1951) и другие деятели.

Здесь я особо подчеркиваю «западного типа», ибо интеллектуалов традиционного склада, думается, на Северном Кавказе в то время тоже было не мало. И не согласимся с утверждением автора монографии о безграмотности большинства мусульманского населения, о трудностях с развитием письменности и в целом культуры. Это мнение во многом повторяет колониальный взгляд на так называемых «туземцев» и продолжает советские формулировки об угнетенных и безграмотных национальных меньшинствах. Однако 6 тысяч шейхов и мулл только среди чеченцев и ингушей, о которых упоминается в книге (Матиев 2020: 47), указывают на иную реальность. Горские шейхи и муллы, а также их ученики из мектебов и медресе безусловно прекрасно пользовались арабской графикой, создавали собственное письменное наследие и это говорит о высоком уровне их культуры. Правда, другого, восточного и не модернизированного типа.

В этом основное отличие между татарской реальностью 1910-х годов, где в какой-то степени были преодолены общественные противоречия с кадимистки (консервативно) настроенными слоями населения, и северо-кавказской, где мусульманское духовенство и светская интеллигенция так и не пришли к определенному консенсусу.

Монография Тимура Матиева состоит из трех глав. В первой рассматривается период от второй половины XIX в. до Февральской революции 1917 г. Обострившийся аграрный вопрос (основной земельный фонд в регионе принадлежал казачеству), волнения эпохи первой русской революции 1905–1907 гг. (например, от горских народов в Госдуму 2-го созыва попал лишь один депутат чеченец Таштемир Эльдарханов), а также Первая мировая война усугубили и без того сложную обстановку на Северном Кавказе. Большое внимание в работе отводится социально-экономической и политической роли казачества в регионе.

Вторая и третья глава монографии посвящены непосредственно Горскому национальному движению в 1917–1918-х и 1919–1921 гг. соответственно. Автор подчеркивает значение Февральской революции для роста национального движения в России, его идеиного и организационного становления. Вместе с тем нужно отметить колоссальную роль первой русской

революции в росте этнического самосознания в стране. Неслучайно татарский поэт Габдулла Тукай писал: «В 1905 году мы проснулись». Кроме того, и Всероссийский мусульманский съезд 1917 г., в котором принимали участие горские деятели (Матиев 2020: 104), связан с революционными 1905–1906 гг. В данных главах, обстоятельно, с опорой на целый ряд источников (в том числе и малоизученных), анализируются процессы организационного оформления, развития и падения северокавказских государственных образований в эпоху революции и Гражданской войны.

Тимур Матиев обозначает объединение горцев разного этнического происхождения как «национальное движение». Но возможно уместнее было бы рассуждать не о национальном, а скорее о локальном движении, хоть и с этническим колоритом; либо автору следовало пояснить собственное понимание горцев как национальности (обозначить основные маркеры их идентичности, единства и т.д.). Горцы, по сути, противопоставляли себя местному казачеству, если последние олицетворяли пришлое, то первые представляли автохтонное население.

Любопытно, что самоназванием данной группы интеллектуалов было именно «горцы». Например, печатный орган назывался «Вольный Горец», также был создан Союз горцев, проводились съезды горцев, наконец, было организовано Горское правительство и Горская республика. Автор монографии не уточняет, каким образом происходила коммуникация между активистами этого движения, судя по печатному органу, на русском языке.

Т.Х. Матиев подчеркивает интегрированность горских лидеров в российское социокультурное и политico-правовое пространство, обусловленное их семейными традициями, мировоззрением, уровнем образования, социально-профессиональным статусом и т. д. Доказательством тому являются и их первоначальные намерения: горские интеллектуалы связывали дальнейшую судьбу своей малой Родины исключительно с новой буржуазной Россией. Однако Горское движение развивалось в условиях постоянного и открытого вмешательства в дела бывшей Российской империи со стороны иностранных держав. Этому фактору в монографии удалено пристальное внимание, в частности, подробно рассмотрены попытки Горской республики добиться международного признания своей государственности во время Гражданской войны.

Но это движение, вдохновленное очень разумной идеей федерации народов Северного Кавказа, не получило широкой поддержки у местного населения – слишком огромным был культурный разрыв между горской интеллигенцией и народом (к тому же неоднородным в этническом плане). В отличие от популистских лозунгов большевиков призывы представителей Горского движения были взвешенными и умеренными, они не обещали мгновенного решения многовековых противоречий.

В этой связи крах идей горских интеллектуалов во многом схож с провалом устремлений татарских общественных деятелей, мечтавших сначала о национально-культурной автономии (поскольку невозможно было собрать расселенных дисперсно по всей империи татар под одно административное образование), остановившихся потом на идее штата Идель-Урал, далее – Татаро-Башкирской республике; но в итоге была создана ТАССР. Конечно, уже без идеологов татарской национально-культурной автономии. Так же, как и основоположники идей Горской республики, многие татарские интеллектуалы революционной поры в 1920-е годы находились в эмиграции.

Обращает на себя внимание, что и в том, и в другом случае – это было поколение 1880-х годов. При рассмотрении татарского буржуазного общества рубежа XIX–XX вв. мною было выделено три поколения, молодежь 1870–1880 гг. обозначена как «потерянное поколение». Один из представителей этой молодежи, татарский публицист Фатих Карими отмечал о себе: «Я не европеец и не азиат. Остался между ними». Эта амбивалентность: стремление к европейским знаниям, свободе и приверженность к традициям, исламской морали создавали противоречивые чувства и у других его ровесников (Габдрахикова 2015: 40). Очевидно, примерно так же себя чувствовали и их современники – молодая горская интелигенция в лице активистов национального движения.

Отсутствие единства, оторванность прогрессивной молодежи от старшего поколения, в особенности мусульманского духовенства, в итоге ловко использовали в большевистской агитационной работе. Впрочем, как в Волго-Уральском регионе, так и на Северном Кавказе поддерживалась и идея о близости социализма и ислама. Но все это было лишь временным заигрыванием с широкими массами. Однако большевики подхватили и чужие идеи о праве народов бывшей империи на собственные национально-культурные и другие формы автономий. Поэтому чаяния татарских и горских интеллектуалов начала XX в., людей эпохи модерна, все же были не напрасными – Татарская, Горская, Дагестанская АССР, возникшие в начале 1920-х годов – тому подтверждение.

Мы надеемся, что представленная монография Т.Х. Матиева станет заметным вкладом в дело изучения истории российских революций и Гражданской войны, а самое главное – истории многонациональной России, где полигэтничность и многоголосие всегда были мощнейшими факторами развития.

Габдрафикова Л.Р. Рецензия на монографию: Матиев Т.Х. Горское национальное движение в революциях и Гражданской войне...

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань: Татар. кн. изд-во, 2015.

Матиев Т.Х. Горское национальное движение в революциях и Гражданской войне на Северном Кавказе (1917–1921). Назрань: Кеп, 2020.

Сведения об авторе: Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); bahetem@mail.ru

Поступила 26.06.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

REVIEW OF THE MONOGRAPH: MATIEV T.KH. THE MOUNTAIN NATIONAL MOVEMENT IN REVOLUTIONS AND THE CIVIL WAR IN THE NORTH CAUCASUS (1917–1921) (NAZRAN, 2020)

L.R. Gabdrafikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bahetem@mail.ru*

This article focuses on the analysis of the monograph by T.Kh. Matiev "Mountain national movement in revolutions and the Civil War in the North Caucasus (1917–1921)", published in 2020 in Nazran. This study presents an original and comprehensive approach and addresses one of the most difficult cases in the history of the North Caucasus of the 20th century – the origins of the Mountain Republic. The driving force behind the idea of a federation and the protection of the rights of mountain peoples was the young intellectuals of the North Caucasus. In this regard, the reviewer sees parallels with Jadidism in the Volga-Ural region, the activity of the Tatar intellectual youth of the early 20th century, the ideas of national and cultural autonomy. The Muslim peoples of the North Caucasus and the Tatars had much in common: one religious culture, a desire for modernization from educated groups and contradictions in society. Monograph by T.Kh. Matiev shows the multiethnic world of the Russian Empire, at the same time it points to the commonality of many issues and the need for their further scientific study.

Keywords: peoples of the North Caucasus, Mountain Republic, Terek region, Russian Empire, Tatars

For citation: Gabdrafikova L.R. Recensiya na monografiyu: Matiev T.Kh. Gorskoе natsional'noe dvizhenie v revolyutsiyah i grazhdanskoy vojne na Severnom Kavkaze (1917–1921) (Nazran', 2020) [Review of the monograph: Matiev T.Kh. The Mountain National Movement in Revolutions and the Civil War in the North Caucasus (1917–1921) (Nazran, 2020)]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 355–362. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.355-362>

REFERENCES

Gabdrafikova L.R. *Tatarskoe burzhuaзnoe obshchestvo: stil' zhizni v epokhu peremen (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [The Tatar Bourgeois Society: Its Lifestyle in the Era of Change (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Kazan, 2015. (In Russian)

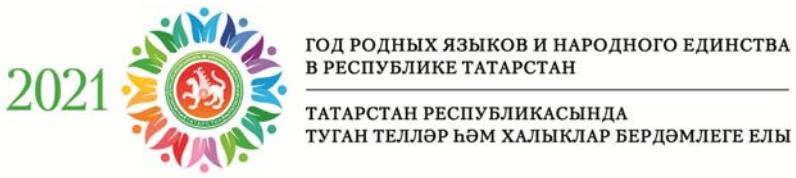
Matiev T.Kh. *Gorskoe natsional'noe dvizhenie v revolyutsiyakh i Grazhdanskoy vojne na Severnom Kavkaze (1917–1921)* [The Mountain National Movement in Revolutions and the Civil War in the North Caucasus (1917–1921)]. Nazran: Kep Publ., 2020. (In Russian)

About the author: Liliya R. Gabdrafikova, Doctor Sc. (History), Chief Research Fellow of the Department of Historical and Cultural Heritage of the Republic of Tatarstan Peoples, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); bahetem@mail.ru

Received June 26, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности
татарского народа (2020–2023 годы)»

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

The preparation and publication of the journal were carried out within
the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2020–2023)”

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.

Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish,
etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaletchnology.org>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2021. Том 6, № 2

HISTORICAL ETHNOLOGY, 2021, vol. 6, no. 2

Компьютерная верстка – Л.М. Зигангареева, Л.Ш. Давлетшина

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 26.11.2021 г. Дата выхода в свет 30.11.2021 г.

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$ Усл. печ. л. 11,25 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ООО «КазПринт»

г. Казань, ул. Сибирский тракт, 34, лит. К

Тел.: (834) 207-08-87; e-mail: info@kazprint.ru

Сайт: <https://kazprint.ru>